НИЖНЕВАРТОВСКИЙ СБОРНИК

Памяти Л.Г.Бызова (1957-2019)

Политический ландшафт современной России на рубеже тысячелетий

Июнь-октябрь 1999

Нижневартовск - 1999
Москва - 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Послесловие 20 лет спустя

Электронная публикация этого мемориального сборника была уже почти готова, когда пришла весть о кончине одного из авторов - Леонтия Бызова. Так из жизни ушел второй автор, писавший 20 лет назад о российской политической системы. Первым был Сергей Пыхтин, которого мы потеряли в 2011 году.

Рождество с. Язвищи, 1994 (слева направо): Сергей Пыхтин, Эльдар Ковригин, Леонтий Бызов

Два десятка лет назад в Нижневартовском педагогическом институте, благодаря усилиям его преподавателя и проректора В.И.Гребенюкова вышли два сборника со статьями политологов, прошедших горнило 90-х в избирательных кампаниях, идеологической публицистике и аналитических усилиях. Никому из тех, чьи статьи были включены в сборник, не удалось достигнуть «степеней известных», поскольку в 2000-е политика была просто отменена и замещена дурным спектаклям все более грязных и развязных политических кукол. Закулисные интриганы не собирались понимать

политику как искусство управления государством или искусство борьбы за власть над умами. Они поверили, что весь мир можно сначала загипнотизировать тотальной ложью, для которой надо сначала людей довести до скотского состояния развалом культуры и образования, а потом (уже в 2010-е) «оцифровать». Именно по этой причине полностью «умерли» политические технологии, исчезла профессия политтехнолога, оказались не нужны политическая аналитики, а тем более – политические философы. Выжженное поле некому вспахивать, потому что нет заинтересованных в том, чтобы пашня дала всходы. Нет всходов – не нужны те, кто следит за тем, как они набирают силу и где опасно разрослись сорняки.

Встреча в Фонде "Российский общественно-политический центр", 1996. Сидят (слева направо): Андрей Хохлов, Сергей Пыхтин, Дмитрий Анцыферов, Леонтий Бызов. Стоят (слева направо): Андрей Савельев, Эльдар Ковригин, Петр Белов.

В 1999 году все мы были так или иначе близки к Конгрессу русских общин, которому мы обязаны нашей встречей, нашими спорами без сна и покоя. Но также и нашим разочарованием – многие годы, положенные на формирование политической силы, пригодной для побед, а не для политических спектаклей, пошли прахом. Если в 1999 году мы были полны надежд и ожидали крушения ельцинизма, опостылевшего всем, то к концу 2000-х надежды, что их 90-х годов выйдет более зрелой общество, более просвещенная элита и будут обеспечены разумные условия честной политической конкуренции, пошли прахом.

За прошедшие 20 лет многое написано, но у всего этого «интеллектуального продукта» почти не осталось читателей, а тем более – заказчиков. Как профессионалы политологии мы стали никому не нужны и не интересны. Наша деятельность продолжается без всяких надежд даже не элементарное признание научных достижений, которые, несомненно, есть и еще будут. Но мы уже вне эпохи – мы доживаем эпоху надежд в условиях, когда никаких надежд ни у кого уже нет. А если и есть, то это мечты психопатов – неважно, сумасшедших городских трущоб или закрытых элитных поселков, где доживают свою жизнь нелепые олигархи, чахнущие уже даже не над златом, а над своими иллюзиями обладание виртуальными сокровищами.

Главная наша общая неудача – неспособность предсказать политическую случайность, которая поставила все с ног на голову. И все позитивные тенденции оказались вывернутыми наизнанку. Например, очевидно нараставший патриотизм обернулся рабской радостью от лицезрения начальства. Или же средством для гальванизации трупа коммунистической идеологии, в которой гордость за Россию заместилась амнезией – люди стали помнить то, чего не было, и напрочь забыли то, что было. Отсюда образовался дикий во всех отношениях сталинизм, и безумная фантазия о юридическом существовании СССР. Все это, а не здравые

мысли и идеи, находит поддержку у закулисных манипуляторов, которые сами сошли с ума в 2004 году, когда капитализация российских энергетических кампаний сделала верхушку путинской «элиты» сверхбогачами. Им до сих пор кажется, что они могут всему миру показать «кузькину мать», раз уж скрутили в бараний рог русский народ и сделали то, что не удалось за десятилетия коммунистической пропаганды – уничтожили русское национальное самосознание, по видимости очнувшееся в 90-е годы. Или нам так хотелось думать, что русские вспомнили, что они не советские, и не захотели быть ельцинскими «россиянами»…

И все-таки, мы многое предощутили – научное чутье не позволило нам быть отвлеченными романтиками. Мы лишь недооценили степень идиотизации «верхов». Мы предполагали такой сценарий возможным, но все же не верили, что ситуация в Российской Федерации может и дальше ухудшаться – вплоть до утраты всех действующих институтов государственности и разрушения всех социальных систем.

Встреча в Фонде "Русский проект", 2000 г. Сидят (слева направо): Евгений Алексеев, Валерия Мхалюк, Леонтий Бызов. Среди стоящих: Владимир Попов, Виталий Аверьянов, Сергей Пыхтин, Андрей Савельев.

Нам трудно было представить себе, что к власти придут люди, озабоченные исключительно личным обогащением и считающим народ просто скотом, которому нужны погонщики в виде хорошо откормленных полицаев – уже без всяких признаков «народной милиции». Мы не могли себе представить, чтобы представления о государстве деградировали до такой степени. Мы видели эту деградацию среди избирателей, исправно поддерживающих отпетых негодяев. Но мы не предполагали, что негодяйство пронизало весь аппарат насилия, удобно устроивший себе персональные коммунизмы и удовлетворяющий свои все более и более растущие потребности.

Как участники русского движения мы не допускали мысли, что русское самосознание из фазы споров и склок 90-х годов выйдет в состоянии бессознательном, что даже спорить в 2010-е будет не с кем. И опираться не на кого – потому что русское движение лишилось всего: идей, лидеров, спонсоров и даже тихих симпатий разумных граждан, которые всегда ценятся выше, чем все остальное. И теперь, через 20 лет, можно с уверенностью констатировать: все это произошло. То есть, самые плохие сценарии развития ситуации в России состоялись. И по этой причине сломались наши судьбы – мы стали чудаками, занятыми непонятным делом, которое теперь было уже не профессией, а миссией – на случай, если дальше все же будет какая-то жизнь, будут русские, будет Россия.

Можно сказать, что статьи этого сборника – своего рода надгробный памятник российской политологии, которой больше нет. И все же этот памятник, может быть, послужит следующим поколениям, которые вознамерятся вернуть себе те преимущества, которые дает научное осмысление жизни. Но для этого придется уничтожить олигархию и выжечь каленым железом все имитационные структуры, наплодившие псевдоученых, псевдоакадмиков и даже просто псевдолюдей, которые были бы посмешищем, если бы не

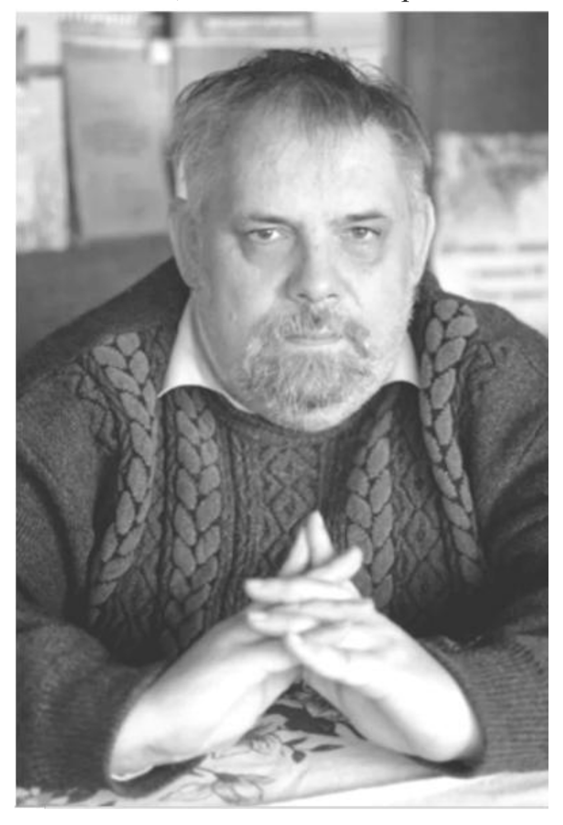
питались человечиной и не бродили на свободе, вместо того, чтобы сидеть в клетке как ценный образец того, чего не должно быть.

А.Н.Савельев, июль 2019

Маятник, плавающий в каше

(из публикаций Леонтия Бызова последних лет)

Моя цель была — построить типологию, которая бы смогла на основе ценностных суждений отделить консервативное большинство от либерального меньшинства, там и там выделить «правых», «левых», «националистов» и так далее. Так вот, по мере углубления анализа множество последовательных либералов ужалось сначала до сотни, а потом и до двух человек, последовательных националистов — до трех. Это означает, что у подавляющей массы людей в голове каша, точнее что-то вроде стихийного синтеза из всех идеологий, а разделение по идейным ориентациям носит весьма искусственный характер. Еще раньше я отмечал, что ценности порядка и справедливости лидируют во всех без исключения группах общества (чуть ниже — стабильность и свобода), лишь слегка варьируясь местами.

Все бросающиеся в глаза различия, в том числе и связанные с «консервативным большинством» и

«либеральным меньшинством», процентов на 80 носят виртуальный характер и относятся к т.н. «парадным ценностям», с помощью которых происходит самоидентификация, это своего рода обертки, фантики, часто имеющие весьма отдаленное отношение к тому, что именно в них завернуто. Такой точно ценностью является для подавляющего большинства и «православие», «традиция», «святыня», защищать которые вдруг бросились наши законодатели. Но если откинуть шелуху парадных ценностей, то легко можно увидеть, что наши «православные» совсем не так уж и православны в своей реальной жизни, в своей морали, «либералы» совсем не либеральны и т.д., а будучи либералами на словах, в жизни самодуры и деспоты.

По иронии судьбы, я в свое время приложил немало усилий именно для того, чтобы политически объединить правых националистов и левых популистов. Вот уж осенью будет десять лет, как я, возглавляя аналитику будущей партии «Родина», сделал все от себя зависящее, чтобы привлечь в этот блок «рогозинцев» (напомню, что блок создавался Маратом Гельманом под Глазьева и сначала задумывался как исключительно «левый» под брендом «Товарищ»). Конечно, с той поры утекло много воды, и «Родина» развалилась, но тогдашние идеи где-то с другого бока все-таки проросли, что говорит в их пользу. Я тогда считал, что левая (точнее социальная) идея — по аналогии с пищей — сытная, но пресноватая, как картошка без соли, а националистическая — слишком едкая, чтобы ее есть отдельно от социального проекта. А вместе можно приготовить удобоваримое блюдо.

Хоть националистические лозунги разделяют в той или иной степени до 60% россиян, но это то, что я называю «кухонным национализмом». А поддержать националистов как политическую силу готовы, как и раньше, от 4 до 6%: потому что боятся слишком жареного.

2013, из комментария на сайте "Гефтер"

Эпоха Путина возникла на хорошо подготовленной почве. Уже тогда, в 2000 году пришлось отмечать, что «за последние годы российское общество претерпело существенные перемены, настолько существенные, что можно говорить о новом качественном состоянии массового сознания. В период 1998 – 2000 гг. в России стали складываться предпосылки для коренной трансформации политического режима, сформировавшегося в 90-е годы. После периода «революционной смуты» в умах, массовое сознание в значительной степени вернулось в свое «спокойное» традиционное состояние. Это свидетельствовало о сформировавшемся общественном запросе на стабильность и порядок, а также на развитие общества в русле общенациональной парадигмы. Тогда, в далеком 1998 году сразу после дефолта именно этот запрос обеспечил беспрецедентную поддержку правительству Е. Примакова, а уже в 1999 — в. Путина.

В этих условиях даже отсутствие определенное четкой политической линии, движение по инерции приводит к усилению национально-государственной субъектности. И общество это чувствовало, отвечая властям достаточно высоким уровнем доверия и оптимизмом в отношении близкого и более отдаленного будущего страны. Более оптимистичные оценки состояния нынешней государственной элиты, самим фактом своего существования создающей предпосылки для социально-политической стабилизации, давал на заре путинской эпохи. Таким образом, решение задачи формирования национальной субъектности он увязывает с силой инерции, формированием класса государственной бюрократии, которая, независимо от своих моральных качеств и субъективных устремлений, заинтересована в развитии страны, сохранении ее суверенитета. И именно это, как видно сегодня, не оправдалось. Хищная государственная бюрократия становится все большим барьером на дальнейшем пути России к современному обществу.

Тоска о «русском мифе» привела к тому, что большая часть россиян поверила идеям патриотической мобилизации в 2014 г. Причины роста консервативных настроений и ценностей в «крымский» период лежали преимущественно в политической, а не социологической плоскости.

Россия все больше стала превращаться в осажденную крепость, а власть — в военную, мобилизационную, добиваться замены которой в военное время — предательство. Слова «предатели», «пятая колонна», «либерасты» стали неотъемлемой частью российской политической жизни. К этому процессу активно подключилась и РПЦ, то устраивавшая «антилиберальные» молебны, то объявлявшая крестовый поход против западных морали и ценностей. Стоит ли удивляться тому, что в этих условиях податливое массовое сознание, даже весьма встревоженное негативными процессами в экономике и социальной сфере, предпочтет проголосовать за власть, и даже если и не за В. Путина, то за другого кандидата (П. Грудинин, В. Жириновский), не выходящего за красные линии посткрымского консенсуса, а те, кто все таки немного за них вышел, в сумме получают около 2,5%?

Общество (точнее «путинское большинство») попрежнему, оставалось деполитизировано, и не желало отождествлять себя ни с левыми, ни с правыми, оно выступало за сильное государство и сильную власть. Это не означало, что в стране не было левых, русских националистов, либералов — нет, они были, и они выявлялись через ответы на содержательные вопросы, а вот откликаться на соответствующие политические «ярлыки» были готовы не многие. Об этом ярче всего говорит то, что более 75% опрошенных россиян на вопрос социологов в октябре 2017 г. не смогли или не захотели отнести себя к числу приверженцев ни одного определенного идейно-политического течения. 43% опрошенных вообще предпочли себя не считать сторонниками каких-бы то ни было идейно-политических течений и 14%

выступали за «сочетание различных идей»; 20% - затруднились ответить.

Сейчас снова возникает вопрос о недостаточной легитимности режима с точки зрения модели «народного легизма». Начал подвергаться сомнению и «державный легизм» власти. Для людей главным приоритетом становятся социально-экономические вопросы.

Таким образом эпоха Путина пережила свою кульминацию, и медленно клонится к своему завершению. Режим становится все более персоналистским, а баланс, лежавший в его фундаменте, оказывается разрушенным. Его неизбежное завершение несет огромные риски для страны и общества как шаг в никуда. Тем не менее все отчетливее проявляются черты распада выстроенной при В. Путине системы власти, все больше людей хотят перемен. Перемен — часто неосознанных, непродуманных, основанных на чисто эмоциональном неприятии сложившегося статус-кво.

Запрос на перемены в основном связан с массовыми общественными настроениями в отношении базовых принципов социальной справедливости («левый популизм»), и его ни в кем случае нельзя трактовать как желание вернуться в эпоху 90-х, к продолжению либеральных экономических и политических реформ.

Отсутствие массовых коллективных протестных действий при том, что негативизм, действительно, довольно сильный, говорит о том, что атомизация избирателей совсем не преодолена, а скорее наоборот - именно атомизация определяет логику поведения. Большинство людей хотят, чтобы кто-то пришёл и решил их проблемы. И они готовы держаться за эту сильную руку, так как выживание при пассивной установке может осуществляться, главным образом, путём поиска субъекта, кому люди выражают согласие подчиниться. Не случайно никакие «левые фронты» и тем более профсоюзы не пользуются в современной России массовой поддержкой, а КПРФ, по крайней мере, в период четверть-

векового руководства партией «вечным» Г. Зюгановым, в гораздо большей степени отражала государственнические и даже клерикальные идеи чем собственно левые. Впрочем, политический кризис, вызванный предполагаемой и крайне непопулярной в обществе пенсионной реформой, может снова «надуть паруса» КПРФ, особенно если внутри партии произойдет смена поколений и к руководству придут политики, готовые заниматься политической борьбой, а не ее имитацией.

Страна стоит перед неопределенным будущем, снова не имея ни подходящих для перемен институтов, ни иных социальных инструментов.

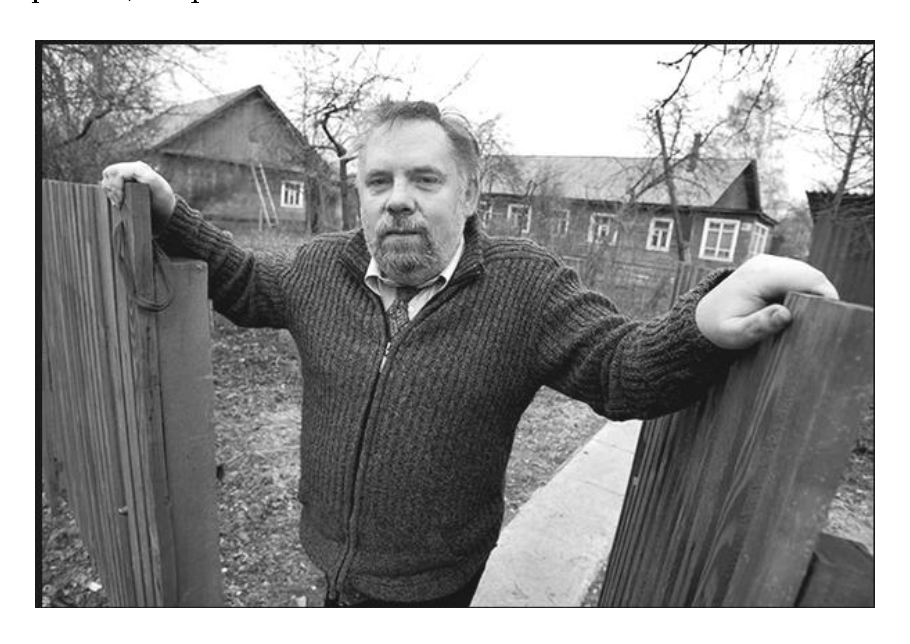
Из статьи "Путинская эпоха –
меж восходом и закатом", 2018

Наше, уже, скорее, старшее поколение, успело пережить несколько политических эпох, и во всех произошло общественное разочарование. Экономический и политический крах СССР поставил крест, пусть и временный, на мечты о демократическом социализме, о плавном переходе от позднесоветского общества к социал-демократии европейского образца, гуманном варианте либеральной идеи. Попытки создать социал-демократическую партию кончились тем, что в условиях жесткой поляризации 93 года она «просела» между полюсами общественного раскола — жесткими либералами и государственниками (условная терминология). Со временем та же участь постигла и наиболее близкую к социал-демократической идеологии партию «новой России» - «Яблоко». Дефолт 1998 года — ставший датой символического краха попыток построить за короткое время рыночную экономику и либеральное государство, снявшее с себя заботу за большую часть общественных нужд — разбил образ будущего России — страны «западного мира», живущей по его экономическим и социальным законам. Постепенно стало приходить время «патриотов», сторонников укрепле-

ния державной мощи и воссоздания государственного регулирования экономики. В 2003 году я написал статью «У истоков нового политического запроса» в связи с феноменом успеха только что созданной партии «Родина». Была уверенность, что этот запрос всерьез и надолго. 2014 год стал вершиной этого хода политического маятника. Но… все еще силен этот запрос, но на глазах дряхлеет и становится карикатурным, изначально невысокий потенциал мобилизации выдыхается. Цели патриотической мобилизации — объединения «русского мира», «русской весны» - оказались недостижимыми и обернулись своей противоположностью — глубоким внутриправославным конфликтом, войной с «бывшими братьями», с которыми не удалось «по-хорошему», а внутри страны торжеством охранительного мракобесия. Причины этого пока ищутся, хотя где-то они и лежат на поверхности. Недостаточная энергетика атомизированого постсоветского общества, отсутствие коллективного «мы», связанная в первую очередь с исторически быстрой ломкой социальной структуры, оказывается непреодолимым препятствием на пути создания национальной государственности, и не уравновешивается патриотической экзальтацией относительно небольшой части россиян. Объединить национал-державный проект с привлекательным социальным проектом (а социальное лицо России становилось все менее привлекательным) не удалось, а на одних этнических, очень слабых скрепах, длительную мобилизацию не построить.

Ситуация резко изменилась в «десятые» годы. Вектор на раскол общества был сначала задан действиями власти после массовых протестных акций в 2011 году. Власть, чтобы не допустить концентрации недовольства вокруг «креативного класса», реально просто образованных и активных людей, взяла курс на опору режима в «консервативном большинстве», противопоставив ему под вывеской «либералов» тот самый креативный класс. Еще сильнее углубили

раскол события 2014 года, сделав его во многом непримиримым, непреодолимым.

...россияне фактически отказались от будущего. Они его не видят и не жаждут видеть. Смещение в сторону внутреннего локуса контроля (переключение на местную самоорганизацию) в этом контексте служит признаком усиления контрэлитных настроений, возможного ослабления влияния власти на массовое сознание, - особенно с помощью центральных телеканалов, - и запроса на более конкурентную электоральную политику.

...политический маятник совершил виток, и снова, как и в конце 80-х идеи общества, если они носят сколько-нибудь выраженный характер, сконцентрированы скорее вокруг лево-демократического вектора (не без участия националистической компоненты).

...На волне антилиберальной мобилизации в России не удается строительство национальной государственности.

Идеи консерватизма и пресловутых «скреп» не смогли и не смогут противостоять более сильным тенденциям глобализации, так же как «стена Трампа» не остановит процессы неуправляемого переселения народов. Впрочем, в этом вопросе полной ясности пока нет. Но сегодня, в отличие от ситуации 10-15 лет назад, я гораздо в меньшей степени оптимист в отношении перспектив завершения в России строительства национальной государственности, так как выпавший на долю последней шанс оказался во многом упущен, а маятник начинает идти в противоположную сторону.

Из ответов Фонду
"Либеральная миссия", 19.01.2019

Часть 1

Леонтий Бызов
кандидат экономических наук,
ведущий научный сотрудник
Российского независимого института
социальных и национальных проблем

ПОЛИТИЧЕСКОЕ СЕГМЕНТИРОВАНИЕ ЭЛЕКТОРАТА И ИДЕНТИФИКАЦИЯ УЧАСТНИКОВ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА

Политические установки в современной России

Для современной России, как и для большинства других стран мира, характерно наличие политического спектра. Это означает, что существуют политические силы, опирающиеся на свои “специфические” электоральные группы, которые отличаются друг от друга присущей им политической ориентацией. Достаточно полноценный политический спектр в России сформировался в весьма ограниченный исторический период, хотя уже и в посттоталитарном поздне-коммунистическом государстве 70-х — 80—х годов наблюдались, хотя и в слегка закамуфлированном виде, практически все ныне функционирующие на российское политической сцене силы. Так внутри уже потерявшей внутреннюю монолитность КПСС выделялись “западники” и “почвенники”, “голуби” и “ястребы” со своими референтными группами в среде интеллигенции, контролируемыми ими СМИ и

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант 98-03-04203.

т.д. Особого внимания заслуживает и политический спектр, существовавший в России в начале века, короткий период относительной свободы политического представительства.

Впрочем, генезис российской политической дифференциации, ее природа, мотивация, в соответствии с которой участники политического процесса идентифицируют себя с теми или иными политическими силами, соотношение электоральных ожиданий и представляющих их политиков — все это является предметом специального социально-политического анализа. Огромное множество фактически или номинально действующих политических организаций укладывается, тем не менее, в несколько достаточно простых конструкций. Учет российского политического ландшафта, "позиционирование" участников политического процесса в соответствии со сложившейся структурой политических ориентаций — необходимы для эффективного ведения любых избирательных кампаний. Тем более что, как показывает практика последних лет, большинство избирательных кампаний носит явно политизированный характер. Это в большей степени касается кампаний высшего, федерального уровня, и в меньшей — кампаний местного, условно говоря, "муниципального" уровня.

Различия политических установок и ориентаций в значительной степени связаны с отсутствием единой, "целостной" социально-политической и социально-культурной идентичности. Эти явления характерны и для многих государств с развитой политической системой, но для современного российского общества носят особенно ярко выраженный характер. Для развитого гражданского общества типично широкое представительство социальных сил в политике, лоббирующей объективные интересы этих сил. В сегодняшней России с ее размытой и переходной социальной структурой, социальные силы только начинают осознавать свои объективные интересы, а, следовательно, различия в политических ориентациях в не меньшей степени связаны с ис-

торико-культурными и социально-культурными факторами. Так отсутствие “целостной идентичности” в современном массовом сознании отражается в его групповой “анклавности”. Не имея устойчивых представлений о себе как о целом, общество идентифицирует себя с отдельными его группами. В результате — отсутствие общенациональных целей, глубокое отчуждение общества от власти, ощущение распада — все те “негативные” симптомы, которые отмечаются социологами в современной России.

Для массового социально-политического сознания сегодня характерны нарушения единой идентичности по следующим основаниям:

1. Идейно-политическое расслоение общества, за которым стоят не только рациональные интересы и политические симпатии, но, главным образом — субкультурное, цивилизационное расслоение.

2. Социальное расслоение. Оно особенно обострилось в последние годы. Еще советское общество носило достаточно стратифицированный характер, причем за советской элитой, в равной степени, как и за “средним классом”, включавшим большую часть научно-технической и культурной интеллигенции, стояли существенные различия в ценностях и нормах, в сравнении с другими социальными слоями. Уже тогда шло активное расслоение общества на “традиционные” и “посттрадиционные” группы.

По данным исследований, сегодняшнее общество по своему социальному устройству скорее напоминает пирамиду с широким низом (“дезадаптанты” — те, кто не сумел адаптироваться к новым “правилам” жизни) и узким верхом (“адаптанты” — те, кто сумел приспособиться). Сужение в направлении верха носит относительно плавный характер, что исключает на данном этапе формирование законченных “субкультур” “низа” и “верха”, характерных для сословного общества.

Такая «пирамида» объясняется отсутствием в нынешнем обществе аналога тому, что в устойчивых обществах называется средним классом. Хотя безусловно существуют группы со стандартами потребления, вполне соответствующими среднему классу. Дело в том, что для традиционного среднего класса характерна сниженная мобильность, определяемая весьма устойчивым социальным положением, передающимся из поколения в поколения. Для современного российского «среднего класса» типичной, наоборот, является гипертрофированная мобильность, своего рода «перекресток мобильностей».

Нынешнее социальное расслоение, сопровождающееся невиданной имущественной дифференциацией, причем слабо коррелируемой с прежним (советского времени) социальным успехом. Оно пока слабо закреплено в социальной традиции и воспринимается как нечто временное, не вполне естественное и по сути несправедливое. Как отмечается многими аналитиками, сегодняшнее социальное расслоение не имеет достаточной легитимности в глазах большей части общества, включая и наиболее продвинутые его слои. Это находит отражение в том, что социальное расслоение оказывает на идентификационные процессы скорее вторичное, косвенное влияние.

В то же время люди среднего и высокого достатка, на которых “сработали” реформы, становятся социальным оплотом режима в широком смысле слова, поддерживая прогрессивные на их взгляд изменения и снисходительно оценивая провалы. Те же, чье материальное положение ниже среднего или вообще отбрасывает их за черту бедности, более критичны в оценках происходящего, а также перспектив демократических и рыночных реформ. Тенденции такого рода наблюдаются и будут описаны ниже. Так коррелирует с социальным расслоением и дополняет его разделение на тех, “кто выиграл от проводимых в России реформ”, и “тех, кто проиграл”. Вынужденная смена социального статуса влечет

за собой в качестве ответной реакции соответствующую корректировку оценки человеком происходящих событий, в первую очередь, тех процессов, с которыми связаны изменения в их собственной жизни. Среди тех, кто оказался в числе проигравших в результате проводимых в России реформ, поддержку находит то, что связано с реанимацией дореформенных устоев общества, а неприятие — то, что способствует дальнейшему развитию идущих реформ. Обратная реакция характерна для сумевших приспособиться к новым условиям — сохранивших "статус кво", либо же улучшивших свое положение.

Новая социальная структура общества находится в процессе активного формирования и трудно исключить вариант, при котором в дальнейшем социальное расслоение приобретет черты социокультурной анклавности. Так для различных групп современного общества характерны различные механизмы и условия социальной мобильности, различные возможности для реализации своих жизненных перспектив, что также определяет социальное, а следовательно, и политическое расслоение общества.

3. Поколенческие различия, отражающиеся внешне в идейно-политических и ценностных различиях. Когортный анализ показывает, что в определенной степени за старшим, средним и младшим поколениями, пожалуй, в большей степени, чем в другие исторические периоды, стоят фактически цивилизационные различия. Эти различия носят более глубокий характер, чем политические установки или политические симпатии, так как в России в нынешний период происходят активные процессы трансформации ценностей, связанных, в первую очередь, индивидуализацией общественного бытия.

4. Региональные различия, усиливающиеся в силу рыхлости нынешнего государственно-территориального устройства, разрыва экономических и культурных связей между регионами, роста влияния в ряде регионов иных на-

ционально-культурных ценностей, нетрадиционных для российской этничности. Некоторые исследователи в этой связи прогнозируют распространение ныне наблюдаемых элементов регионализации массового сознания на социально-культурную и этнокультурную сферу. Особый интерес в этой связи представляет вопрос о том, насколько различаются основные этнокультурные архетипы для различных региональных анклавов — то есть, зашел ли процесс регионализации до формирования региональной субэтничности.

Но, пожалуй, главным фактором нарушения целостной идентичности являлся и продолжает являться раскол общества по его идейно-политическим ориентациям. Дело при этом не только и не столько в системе взглядов и убеждений. За различными политическими симпатиями и ценностями стоит глубокий цивилизационный раскол общества на группы и регионы, сохраняющие ориентацию на традиционную систему ценностей и политических отношений, с одной стороны, и “западников”, с другой, ориентированных на ценности и мифологию “догоняющей модернизации”. То есть, как показывают многочисленные исследования, за идейно-политическими различиями, наблюдаемыми в современной России, стоит субкультурный (цивилизационный) раскол, и именно это характеризует политический процесс в России как глубоко своеобразный.

За политическим спектром, представляющим в самом общем виде набор социально-политических мифологем, живущих самостоятельной жизнью, стоит конкретная “карта” действующих в современном обществе политических сил. Когда говорят об электорате, например, “НДР”, “ЯБЛока” или другой политической партии, определенного лидера — претендента на ту или иную должность, то данный электорат образуется достаточно сложным образом. Личные симпатии, личный имидж, дополняется ожиданиями, связанными с механизмами идентичности — “наш” этот человек или партия, или же “не наш”. При этом само понятие “наш” име-

ет глубокую социально-культурную природу. Естественно также, что значительная часть мотиваций, определяющих электоральный выбор, носит сугубо рациональный характер.

Политика, политическая деятельность не существует сама по себе. Она регулируется человеком, исходя из его интересов, интересов той социально-экономической группы, к которой он себя относит. Соотношение человека и политики предполагает появление, оформление мотивации этого процесса, объективирование факторов, заставляющих человека участвовать в политическом процессе. На выбор того или иного политического решения оказывает влияние множество факторов. В целом их можно рассматривать в двух аспектах:

— с одной стороны, это факторы внешнего характера; принадлежность избирателя к определенной социально-профессиональной группе, его пол, возраст, религиозность, национальность, место проживания; а также степень информированности, характер и интенсивность пропагандистского воздействия со стороны средств массовой информации, формы политической социализации, проводимой государством и политическими лидерами;

— с другой стороны, они могут носить внутренний характер. И в этом случае на выбор влияют индивидуальные особенности личности: ценностные ориентации и психологические особенности человека. Именно они определяют особенную индивидуальную обработку и усвоение любого оказываемого на человека внешнего воздействия.

“Связываете ли Вы с данным политиком надежды на стабильность?”. “Связываете ли Вы с данным политиком надежды на перемены к лучшему?”

Таблица 1

Структура ожиданий от ведущих российских политиков (1997 г.)

Политики	Ожидание стабильности (в %)	Ожидания перемен (в %)
Б.Ельцин	32,7	3,5

Г.Зюганов	21,6	16,4
А.Лебедь	7,2	49,0
Ю.Лужков	56,9	62,5
Б.Немцов	29,1	35,1
В.Черномырдин	68,0	12,5
Г.Явлинский	19,8	58,8

Поэтому в дополнение к собственно ценностным и идентификационным в отношении политического спектра вопросам социологической анкеты, важно “привязать” кандидата — участника избирательной кампании — к электоратам наиболее ведущих, раскрученных, “знаковых” политических лидеров и партий. Поскольку электоральное насыщение существенно меняется за считанные месяцы, тем более годы, бывает полезным задать вопрос о голосовании на наиболее крупных последних выборах.

В ходе недавнего исследования городского населения (январь 1999 года) замерялись шесть ценностей, которые можно интерпретировать как «правые» (модернизационные) и «левые» (традиционалистские). Полученные условные коэффициенты характеризуют суммарный рейтинг «правых» ценностей в электоратах партий и движений. При этом 100 – крайне правый фланг, а 0 – крайне левый.

Таблица 2

Некоторые обобщающие характеристики электоратов отдельных партий

Аграрная партия	27.8 (левый центр)
Гипотетический блок под руководством Е. Примакова	38,2 (центр)
Женщины России	40,7 (центр)
КПРФ	16,0 (радикально левые)
ЛДПР	39,8 (центр)
НРПР А. Лебедя	29,3 (левый центр)
НДР	44,4 (правый центр)

Отечество	43,2 (правый центр)
Правое дело	58,5 (радикально правые)
ЯБЛоко	44,0 (правый центр)

Таким образом, видно, что за последнее время политический спектр в России сместился существенно влево, в сторону центризма – левоцентризма. В электоратах таких традиционно «правых» и «правоцентристких» движений как «НДР», «ЯБЛоко», «Отечество» собственно «правые» ценности представлены меньше, чем на 50%. А политический центр в лице недавнего правительства Е.Примакова в союзе с умеренной частью Госдумы занимал еще более левые позиции. В то же время левые радикалы, к которым по устоявшейся терминологии можно отнести КПРФ и ее электорат, по-прежнему занимают положение сильно «с краю». Все эти перемены явились следствием сложных политических процессов, которые кризис лета-осени 1998 года только актуализировал. Изменения в ценностных установках общества, медленно накапливавшиеся в последние пять лет, породили институциональные изменения, которые, судя по всему, уже носят необратимый характер. В ходе исследования РНИСиНП в апреле 1999 года, респондентам было предложено выразить свое отношение к ряду базовых политических ценностей. Они были впоследствии упорядочены по двум основным компонентам (факторам). Первый фактор интерпретируется так же, как и в вышеприведенной таблице 10 – шкала «право – лево». А вот второй основной фактор заслуживает особых комментариев. Его можно проинтерпретировать как «неидеологизированное отношение к власти». Действительно, одни поддерживают власть («нынешнюю власть») исходя из конъюнктурных соображений – это «моя» власть; «она проводит реформы», «она борется с коммунистами». Для других же поддержка власти не обусловлена идеологией – «я поддерживаю власть, потому что

стране необходим порядок и власть». Вторая группа и составляет костяк истинных сторонников «партии власти».

Таблица 3.

Значения в «пространстве ценностей»
по второй главной компоненте
(«неидеологизированные государственники» –
«идеологизированные сторонники
или противники власти»)

Электоральные группы	Значения по второй главной компоненте
“радикалы-западники”	-13,8
“коммунисты”	-7,4
“социалисты” и “социал-демократы”	-11,8
“националисты”	-0,1
“центристы”	+8,8
“неопределившиеся”	+4,5
Сторонники Г. Зюганова	-1,9
Сторонники Ю. Лужкова	+5,3
Сторонники А.Лебедя	-8,7
Сторонники Е. Примакова	+24,7
Сторонники Г. Явлинского	-14,8

Так произошел распад прежней «партии власти» (Президент Б.Ельцин в его окружение, близкое к радикальным реформаторам, одновременно с участием некоторых олигархических структур). Правительство Е.Примакова воспринималось в течение всего срока своей деятельности обществом в качестве одновременно и власти, и оппозиции по отношению к предшествующему курсу, и в глазах большинства населения не несло ответственности ни за кризис 1998 года, ни за его последствия. У “протестной” части общества на время существования правительства Примакова исчез или

размылся привычный “образ врага”, что привело к фрагментированию и усложнению политического спектра. Лидерство стало переходить к политикам и политическим партиям, находящимся вне старых парадигм “коммунисты” или “демократы”.

Во многом поэтому ни резкого "полевения" общества, ни роста праворадикальных настроений сегодня не просматривается. Общество жаждет стабильности, но не любой ценой. Среди тех завоеваний, которые ценятся, несмотря на в целом отрицательное отношение к нынешней власти, - это право на частную жизнь, включая свободу передвижения, свободу предпринимательства, свободу получения информации, выборность органов власти и т.д. Даже сейчас около 47% населения продолжают оценивать переход к рыночной экономике как скорее положительное явление, хотя и содержащее очевидные отрицательные моменты (при 39% полагающих, что переход к рынку - это грубейшая ошибка или даже преступление). В результате все большую популярность приобретает модель социально-ориентированного капитализма с государственным регулированием определяющих сфер жизни и широкой экономической свободой на его "нижних" этажах - в мелком и среднем бизнесе, торговле и сфере обслуживания. Наибольшее распространение среди сторонников различных идейно-политических течений получает идея социальной справедливости и национального возрождения, укрепления государственной мощи. Идеализированные представления о "цивилизованном Западе" и необходимости односторонней ориентации на него становятся все менее популярными, в том числе и среди еще недавних ярых сторонников "реформ".

В то же время ряд проблем и социальных ценностей продолжают раскалывать общество. Так сохраняется противоречие между "традиционалистскими" представлениями об обществе как системе, требующей регулирования - доходов, общественной морали, других социальных отношений; пер-

вичности государства и его интересов над частными интересами - и "индивидуалистическими" представлениями, более свойственными современному горожанину. Весьма болезненной для общества остается и идея "реванша", раскалывающего население примерно пополам. Так почти 65% (в том числе, 54% в крупных городах) требуют нового передела собственности и наказания владельцев "неправедно нажитых состояний"; 52% (и 47% в крупных городах), считает, что нынешнее бедственное положение страны стало результатом сознательных действий ее "врагов"(олигархов, банкиров, финансовых структур Запада и т.д.), которые также должны понести наказание. Очевидно, что "партия власти" в ее новой конфигурации, которая неизбежно сформируется в ближайшие год-два будет вынуждена считаться с этими настроениями и активно искать "виноватых", периодически устраивая показательные процессы ради сохранения социального мира в обществе.

Литература

Полосин В. Архетип и мифология // Золотой лев. 1998. № 4.

Московские новости. 1998. 14 января.

Бызов Л., Львов Н. Политическое сознание и социальные отношения //Век XX и мир. 1989. №4.

См. статью А.Зубова в “НГ—сценариях” от 13 февраля 1997 г.

См., например, Савельев А. Ценностное пространство кризисного социума// Полития. 1997.№1.

Владимир Попов
Исполнительный директор Фонда «Русский проект»

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Цель данной статьи - показать место и роль избирательных технологий в современной политической системе России. В статье рассматриваются модели электорального поведения, служащие базой для развития избирательных технологий.

Появление избирательных технологий как следствие дифференциации политической системы России

Проведение первых альтернативных выборов в СССР (1989 год), а затем и в России с 1991 года коренным образом изменило российскую политическую систему.

Во времена СССР политическая система состояла из единой организации административного аппарата, функциональный код которой заключался в принадлежности члена этого аппарата к КПСС. Альтернативных КПСС политических партий или движений не существовало. Политическая карьера в СССР зависела исключительно от внутренних программ функционирования административного аппарата. Социально-политические запросы общества крайне слабо влияли на политические решения и на траекторию политической карьеры.

Проведение альтернативных выборов (сначала депутатов Верховных Советов СССР и Российской Федерации, затем высшего должностного лица - Президента РФ) изменило политическую систему в сторону ее усложнения. Первое, на политической сцене появился реальный избиратель (в отличие от номинального избирателя в условиях безальтернативных выборов в СССР). Второе, альтернативные вы-

боры создали мощный импульс к образованию многопартийности (в автономном режиме стали действовать множество политических партий и движений). Третье, административные карьеры (занятие должностей) стали подчиняться новому типу кодирования. Отныне политические полномочия (право осуществлять определенную политическую программу) должны легитимироваться через выборы. На выборах, соответственно, появляются оппозиционные программы. Политическая система кодируется на правительство (занятие административных должностей) и оппозицию.

Таким образом, современная политическая система России дифференцируется на три базовых элемента - управление (должности в Администрации Президента, Правительстве, Государственной Думе и т.д.), политические организации (партии, движения и т.д.) и избиратели. Единство этой системы заключено в циркулярной функциональной связи между этими элементами - избиратели выбирают должностных лиц и модель управления среди политических партий, в системе управления принимаются решения, влияющие на жизнь избирателей, и т.п.

Одним из следствий дифференциации политической системы в России оказалось усложнение предпосылок выбора - избирателю становится трудно разобраться во множестве предлагаемых альтернатив. Это следствие стало особенно заметным с середины 90-годов. Избирательные технологии в этой связи оказываются эффективной наводкой между выбором избирателя и целями политических субъектов.

Контекст первых демократических выборов и растущая потребность в избирательных технологиях

Первые альтернативные выборы в начале 90-х (в первую очередь в Верховный Совет России) проходили под знаком конкуренции новых демократических сил со старой партийной номенклатурой. Это обстоятельство существенно подогревалось центральным телевидением, делавшим ак-

цент в показе выступлений на тех политиков, которые активно разоблачали недостатки административно-командной системы. Как правило, избиратели тогда делали выбор на основе мощного эмоционального воодушевления в пользу новых демократических сил. Мотивация электората была оценочно-нормативной - "демократия - это хорошо, старая административно-командная система - это плохо". Голоса отдавались тем, кто символизировал новый демократический порядок. Поэтому для большинства кандидатов было важным представить себя избирателям как представителя новых сил.

Уже тогда потребовались определенные избирательные технологии. Демократы, чтобы заявить о себе, стали использовать уличную и митинговую пропаганду, проводить листовочную борьбу, стремились получить самый широкий доступ к СМИ. В кампаниях многих демократических кандидатов разрабатывались стратегии предвыборной борьбы, формировались штабы, прорабатывались коалиции и т.д. Коммунисты использовали давно доказавшие свою эффективность административные методы влияния через райкомы и директоров крупных предприятий.

Преобладающую роль избирательной кампании все больше стали играть средства массовой информации. Там, где доступ к СМИ получали кандидаты от демократических сил, они одерживали убедительные победы. Там, где СМИ оставались под контролем администраций, сочувствующих коммунистам, победы демократов были проблематичными.

Можно утверждать, что первые альтернативные выборы в России были достаточно простыми с точки зрения мотивации избирателей (общество поляризовалось на демократов и представителей партийной номенклатуры). Потребность в избирательных технологиях была не велика, а те технологии, которые применялись, были хорошо известны еще со времен борьбы РКПб. Стала все больше осознаваться принципиальная роль СМИ в предвыборной борьбе.

На парламентских выборах в декабре 1993 года наблюдалась уже другая ситуация. Наряду с отдельными кандидатами по одномандатным округам в выборах в Государственную Думу участвовало множество недавно образованных политических партий, общественно-политических движений и избирательных блоков. Впервые был предложен вариант голосования по партийным спискам. Это обстоятельство существенно осложнило выбор избирателя. Характер предлагаемых альтернатив был крайне разнороден. Выборы проходили на фоне трагичных событий октября 1993 гола и в ситуации заметного ухудшения жизни большинства россиян в результате проведения реформ. Поведение избирателей перестало казаться простым, вписывающимся в жесткую бинарную схему "поддерживаю демократа, сторонника реформ или коммуниста, антиреформатора".

Впервые в большом количестве были востребованы массовые социологические опросы избирателей. Целью исследований было установление отношения к выборам, к отдельным партиям и кандидатам, другим вопросам выборов. В частности, было обнаружено, что значительное количество избирателей не проявляет интереса к выборам, неясно различает предлагаемые альтернативы и слабо знает политические программы.

На парламентских выборах 1993 года данные социологических исследований впервые стали широко использоваться для формирования избирательной стратегии, включающей набор определенных избирательных технологий. Например, принимая во внимание слабый интерес к выборам и заметное безразличие избирателей к партиям и кандидатам, "Выбор России" сделал ставку на мощную рекламную кампанию в центральных СМИ. Смысловой посыл избирателям заключался в "красно-коричневой угрозе демократическим и экономическим реформам в России". Полагаясь на те же соображения в отношении избирателей, "Либерально-демократическая партия" и ее лидер В.Жириновский

сделали упор на безудержном популизме. Эта стратегия во многом оказалась успешной для избирателей, отброшенных реформами за рамки нормального уровня благосостояния.

Таким образом, для парламентской кампании образца 1993 года характерным оказалось прогнозирование поведения избирателей и построение стратегии на основе их предпочтений. Главенствующая роль в агитации стала отводиться СМИ, в первую очередь, телевидению. Наблюдалось повсеместное образование избирательных штабов и групп поддержки. На проведение агитации стали аккумулироваться значительные финансовые и по мере возможности административные ресурсы.

Тенденции избирательной кампании 1993 года усилились на парламентских выборах 1995 года и на президентских выборах 1996 года. В это время также повсеместно отмечались снижение интереса к выборам, разочарование в эффективности выборов как таковых, нежелание разбираться в политических программах и платформах. Складывалось впечатление, что у избирателей отбита охота делать выбор. Доверие к политике, вера в ее способность эффективно решать текущие проблемы упали до критической отметки. Поэтому потребовались сильнодействующие избирательные технологии. На парламентских выборах 1995 года впервые ясно обозначился эффект "виртуализации". Популисты (в первую очередь от ЛДПР) без оглядки предлагали несбыточные политические и социально-экономические проекты. Дискредитированные политики (Черномырдин, НДР) предлагали стабилизационные проекты. Непримиримые и вечные критики (Явлинский, "Яблоко") предлагали единственно правильные экономические программы. Коммунисты предлагали реваншистские проекты.

Технологии проведения кампаний строились на привлечение известных и популярных людей в партийные списки. В избирательных штабах генерировались нестандартные идеи политической рекламы. Устраивались грандиоз-

ные шоу и турне известных артистов. Все эти средства были рассчитаны на то, чтобы активизировать избирательную активность (прежде всего, на эмоциональном уровне) и редуцировать выбор в нужную сторону. В основе большинства технологий лежало несколько допущений. Во-первых, стали совершенно очевидными такие характеристики политического выбора российских избирателей как неоднозначность и нетривиальность. Во-вторых, выбор избирателей рассматривался в основном как аполитичный. Структурные особенности этого выбора, как предполагалось, заключались в ориентации на виртуальные признаки. К этим признакам относились: эксплуатация высоко ценимых и эмоционально насыщенных слов, например, "Россия как наш дом", "Мое Отечество" и т.д.; проведение шумных одноразовых акций, демонстрирующих близость политиков и популярных эстрадных деятелей; раздуваемый СМИ личный имидж политического лидера, состоящий из аполитичных характеристик и т.п.

Особого размаха избирательные технологии достигли на президентских выборах 1996 года. Избирательная кампания Ельцина - яркий пример эффективного воздействия политической рекламы на центральном телевидении. Объектом рекламы стали эмоции и страхи российских избирателей. В очередной раз общество поляризовалось на две альтернативы - хорошего реформатора Ельцина, совершающего иной раз ошибки, и плохого Зюганова, жаждущего "красно-коричневого" переворота и возвращения в темное прошлое. Напуганный коммунистическим реваншем, средний российский избиратель склонился в пользу первого Президента ("пусть уж Ельцин, чем коммунист Зюганов").

Таким образом, президентская кампания 1996 года показала высокую эффективность избирательных технологий, манипулирующих страхами и эмоциями избирателей. Эта кампания оказалась прямой противоположностью президентской кампании 1991 года, когда в Ельцине видели по-

зитивную альтернативу развития российского общества. В 1996 году путем массированной атаки на эмоции и страхи избирателей Ельцину привили образ "меньшего из зол", то есть позитивной альтернативы с большой натяжкой. В результате применения этой технологии большинство избирателей приняли этот образ и смирились с ним.

С 1995 года в России стали активно проводится выборы региональных глав администраций и глав местных самоуправлений. На этот уровень распространились аналогичные избирательные технологии.

Контекст политических выборов в России, следовательно, начал свидетельствовать о сложном избирательном поведении россиян. Политический выбор избирателя стал зависеть от влияния множества факторов: уровня личного благосостояния, политической принадлежности, оценки федеральной и местной политической ситуации, личной привлекательности альтернатив и т.п.

Основные предпосылки электорального решения

Усложнение предпосылок выбора - взаимообусловленный результат ряда параллельных процессов. С одной стороны, проведение альтернативных выборов поставило избирателей перед лицом сложных политических решений. С другой стороны, сама сложность электорального решения стала влиять на стиль и качество избирательных кампаний - то есть доведения до сознания избирателя политических альтернатив. При этом на характер электорального решения (в сторону его активации или, наоборот, в сторону его обесценивания) особое влияние оказывает текущая политика. Если избранные политики и политические программы оказываются эффективными, усиливается положительное отношение к выборам и вера в их эффективность. Наоборот, если политики от выборов к выборам не могут решить возникающие проблемы, отношение к выборам ухудшается вплоть до политической апатии.

Политические выборы как результат общественной трансформации с 1989 года по настоящий момент - это высоко комплексное общественно-политическое действие. Избирательные кампании подчиняются особой внутренней логике. Главным звеном этой логики является императив адекватности запросам избирателей. Проще говоря, это логика популизма.

В этих условиях возникает серьезный запрос на понимание основ электорального поведения. Каковы характеристики электорального решения? Является ли акт голосования выбором или подтверждением? В чем вообще особенности политического мышления избирателей?

Эти вопросы заставляют обратиться к теории электорального поведения. Прежде всего, очевидно, что голосование в качестве решения имеет объективные характеристики. Первое, решение избирателя рекуррентно. Оно повторяется время от времени, поэтому появляется возможность сравнивать настоящее решения с предыдущими. Второе, структура выбора на момент голосования одинакова для каждого избирателя, что позволяет делать легкие сравнения. Третье, решение производится в один и тот же день, в одной и той же политической и экономической среде. Четвертое, учитывая роль средств массовой коммуникации, избиратели имеют равный доступ к практически одним и тем же источникам информации.

Отсюда возникает другой вопрос, какое значение электоральное решение приобретает в контексте других решений избирателя. На это существует несколько точек зрения.

Считается, что избиратель должен быть заинтересован в демократических выборах. В акте голосования избиратель артикулирует свою систему ценностей. Поэтому он должен быть хорошо информирован о кандидатах, партиях и их программах. Он должен всегда быть готов к поиску дополнительной информации. Должен также уметь делать

корректные выводы и соотносить предложения партий и кандидатов со своей ясно артикулированной системой ценностей о желаемых целях и допустимых средствах. Эта точка зрения отражает тенденции раннего этапа становления демократии.

Другой подход сосредотачивает внимание на психологических особенностях электорального решения. Отмечается, что в отличие от повседневных решений, требующих от индивида немалой вовлеченности в процесс их принятия, электоральное решение, как правило, демонстрирует слабую вовлеченность. Обычно избиратель чувствует, что его голос лишь один из тысячи или миллионов других голосов и мало влияет на результат выборов. Даже рассматривая себя как часть активной общественности, избиратель склонен полагать, что публика не оказывает существенного влияния на политические события или на поведение избранной им партии или кандидата. Поэтому подобные соображения едва ли могут вызывать энтузиазм и убеждение в том, что в очередной раз нужно разбираться в политической проблематике и тратить на это время. Следовательно, само электоральное решение нужно рассматривать скорее пассивным и вынужденным обстоятельствами, чем ответственным и достаточно мотивированным.

Интересные данные приводит Фонд "Общественное мнение" в отношении принятия электорального решения. Исследования предвыборных настроений, проведенные Фондом, показали, что российский избиратель условно делится на шесть типов. Первый тип - это лабильный избиратель, который принимает решение под влиянием внешних факторов и в зависимости от конъюнктуры может менять решения. Второй тип - это ригидный избиратель, принимающий твердое решение, которое остается постоянным. Третий тип - это предопределенный избиратель, принимающий решение на основе ясно артикулированной системы ценностей и приоритетов. Четвертый тип - это спонтанный

избиратель, демонстрирующий неустойчивость в отношении системы критериев и их значимости. Пятый тип - это рациональный избиратель, принимающий решение после долгих взвешиваний "за" и "против". Шестой тип - это эмоциональный избиратель, голосующий на основе ярко выраженных симпатий и антипатий.

Опыт российской действительности показывает, что отечественного избирателя скорее следует рассматривать пассивным, чем активным голосующим. Об этом свидетельствует неуклонное снижение явки на выборах всех уровней. Такие факторы как погода, работа на дачном участке и др. могут совершенно отвлечь от участия в избирательном процессе, не говоря уже о других более высоких формах мотивации.

Поэтому рассмотрим, прежде всего, те факторы, которые упрощают выбор избирателя, способствуют его облегчению. С другой стороны, конечно, эти факторы используются для достижения определенных политических целей.

Специфические факторы воздействия на выбор избирателя

Как редуцируется (упрощается) выбор в условиях демократической свободы, то есть, будем считать, фактической неопределенности, и малого интереса к избирательной кампании?

Можно отметить несколько редуцирующих факторов.

Во-первых, существенным для российской ситуации является *фактор административного давления*. Использование административного давления характерно как для субъектов власти (губернаторов, мэров и.т.д), так для хозяйствующих субъектов (директоров заводов, предприятий и организаций). В этом случае избиратель ставится в принудительное положение, когда игнорирование выборов или голосование в пользу "нежелательного" кандидата будут расценены как нелояльное поведение и повлекут за собой нега-

тивные санкции (открытое неудовольствие со стороны руководства, препятствия карьере, неодобрение со стороны конформистов).

С другой стороны, административное давление решает проблему выбора. Учитывая значительное количество избирателей, поддающихся в условиях российской демократии административному давлению, этот механизм редукции выбора следует признать весьма эффективным. В его основе лежат рациональные соображения избирателей. Ответственность за неудачный выбор переносится на администрацию. Решается вопрос рассмотрения и анализа альтернатив, всегда связанный с интеллектуальными и эмоциональными затратами.

В условиях снижения интереса к политике и утраты веры в ее эффективность, со стороны политической (прежде всего, региональной) и хозяйствующей элиты просматривается тенденция все активнее прибегать к административному давлению. Политическая культура сводится до уровня "на кого и на что укажут начальники".

Во-вторых, на выбор избирателя существенное воздействие оказывает *партийная принадлежность*. В этом случае избиратель голосует за партию и кандидата от партии, которой он симпатизирует. Партийная принадлежность весьма эффективно решает проблему поиска лучшей альтернативы. Программные положения "любимой" партии кажутся самыми лучшими, не требующими критического рассмотрения. По оценке аналитиков, в настоящее время на основе партийной принадлежности голосует до 35% российских избирателей.

В-третьих, к политическому выбору избирателя приводит *рациональный расчет полезности*. Выбирается та партия или кандидат, которые, как кажется, могут принести пользу лично избирателю. Польза может быть непосредственной (выбирается мэр, который "построит новый мост"). Польза может быть опосредованной (выбирается кандидат в

президенты, который надежно обеспечит политическую стабильность).

В-четвертых, выбор избирателя редуцируется *близостью социальных позиций кандидата и избирателя*. В условиях неопределенности и недостаточности информации выбирается тот кандидат, который по своей социальной позиции стоит ближе всего избирателю. Такой избиратель считает, что его интересы лучше всего способен понять и выразить только человек одинакового с ним социального положения. Горняки голосуют за кандидата-шахтера, учителя и преподаватели за представителя системы образования и т.п.

В-пятых, *выбор избирателя редуцируется политической рекламой*, проводимой в СМИ. Избиратели принимают решения, поддаваясь эффектам политической рекламы.

Наконец, избиратели голосуют на основе *местных традиций, этнических и религиозных* соображений. Например, недавние выборы Президента Карачаево-Черкессии продемонстрировали голосование строго по этническому признаку. 10% черкессов, в совокупности проживающих в республике от общего этнического состава, поддерживали кандидата черкеса, 30% карачаевцев голосовали в пользу кандидата карачаевца. Голоса 40% русских распределились между двумя этими кандидатами. Выборы Президента Бурятии 1998 года выявили тип голосования на основе религиозных признаков. Буряты-буддисты в результате конфликта с действующим Президентом Потаповым по поводу вывоза из республики Тибетского атласа всецело поддержали кандидата Саганова, вставшего на защиту интересов бурят-буддистов.

Таким образом, электоральное поведение в России обусловливается множеством самых разнородных факторов. Специфически российскими факторами, оказывающими значительное воздействие на выбор избирателей, являются, очевидно, административное давление, яркость и броскость политической рекламы. Эти факторы являются прямым

следствием неустойчивости политической системы России, эволюционирующей в ослабленной социально-экономической и социокультурной среде.

С другой стороны, эти факторы знаменуют новый тип голосования - постмодернистский, - в основе которого лежит *контекстуальная логика*. Избиратель, поддающийся административному давлению и чарам политической рекламы, мыслится инертным и апатичным членом социума. Политическое участие такого избирателя рассматривается совершенно ничтожным, нужным только для осуществления чьих-то политических целей. Поэтому важно административными мерами подтолкнуть этого избирателя сделать "заказной" выбор или увлечь его политическим шоу.

Контекстуальный тип голосования несет за собой значительную неопределенность электоральных прогнозов. Часто этот тип голосования описывается как протестный. Поддерживая радикалов и периферийных политических лидеров, избиратели выражают как бы протест против "партии власти". Протестный электорат является ядром ЛДПР, радикальных демократических партий и движений, радикалов националистического толка и т.п.

Теория электорального поведения

Очевидно, что в условиях современной политической системы России, насыщенной многочисленными выборами на федеральном и региональном уровнях, требует объясняющая теория электорального поведения. Исследования электорального поведения давно проводятся в демократических системах Запада и с недавнего времени в России. Накоплен достаточный эмпирический материал, позволяющий говорить об устойчивых признаках электорального поведения. Это материал закреплен в теоретических положениях, описывающих базовую мотивацию избирателей. В дальнейших рассуждениях используем опыт как российских, так и западных исследователей электорального поведения.

Традиционно, электоральное поведение описывается с точки зрения одной из трех моделей. Существуют социально-психологическая модель (или модель партийной принадлежности), рациональная модель и модель по типу социальной общности. Рассмотрим подробно каждую из них.

Социально-психологическая модель

Социально-психологическая модель была разработана исследователями Мигиганского университета (Кэмпбэлл, Конверс, Миллер и Стоукс, Американский избиратель, 1960 г.) как ответ на парадоксальное обстоятельство в поведении избирателей: избиратели голосуют за партию, будучи не согласными с политической платформой этой партии. Было предположено, что идентификация с партией формирует часть собственного имиджа избирателя. Политическая партия как бы производит *психологическое якорение*, которое получает приоритет над краткосрочными политическими установками.

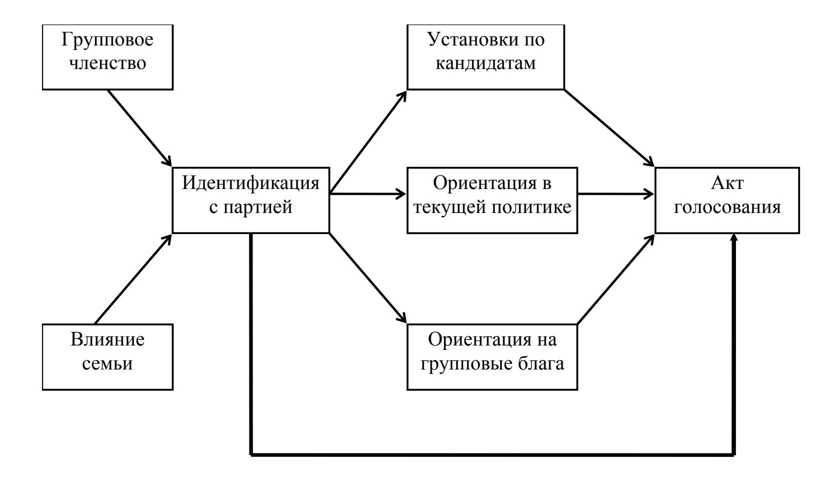
Идентификация с партией в развитых политических системах развивается на основе моделирования родительских предпочтений и закрепляется в процессе политической социализации. Образуется партийная приверженность, которая затем усиливается при поддержке партии от голосования к голосованию. Это теоретическое обстоятельство, надо отметить, совершено не свойственно политической системе современной России. Наряду с прочим, эта приверженность, как считается, выполняет *упрощающую функцию*, ограждая избирателя от переработки широкого потока политической информации.

Самоусиливающиеся аспекты психологической идентификации с партией снижают вероятность смены политического родства. В этой модели вырисовывается образ избирателя, во многом схожий с религиозным верующим. По аналогии с безоговорочным принятием религиозных постулатов в церкви, у избирателя происходит снижение потреб-

ности связывать позицию кандидата или партии с собственными взглядами. Определенный российский избиратель поддерживает политическую платформу КПРФ, так как сам является коммунистом. Определенный американский избиратель принимает аргументы Республиканской партии, потому что он сам республиканец.

Таким образом, социально-психологическая модель репрезентирует довольно **зависимого** избирателя, у которого отсутствует автономный выбор. Этот избиратель практически не реагирует на существо политической проблематики и на личностные характеристики кандидатов. Процесс выбора не является рациональным и не сопровождается большим политическим интересом. В конечном счете, выбор определяется семейной историей и культурной средой жизни избирателя.

Схема 1.
Социально-психологическая модель голосования

В краткосрочной перспективе идентификация с партией также влияет на установки по отношении отдельным кандидатам, текущей политике и групповым благам. Изби-

ратель, поддерживающий КПРФ, может верить, что только депутат коммунист может выразить его личные и групповые интересы. Эту точку зрения он будет разделять, даже если у него отсутствует информация, обосновывающая подобное суждение.

Эта схема показывает определенные влияния на идентификацию с партией, а также влияния, исходящие из самой идентификации. Идентификация с партией влияет на установки по отношению к кандидатам, ориентацию в текущей политике, ориентацию на групповые блага и на конечный акт выбора избирателя. Согласно схеме, последние три аспекта могут оказывать воздействие на акт голосования самостоятельно, не выступая исключительно в роли каналов влияния партийной идентификации. Тем не менее, эта модель предполагает слабое влияние установок по отношению к кандидатам, ориентаций в текущей политике и в групповых благах на конечный акт выбора.

Позднее в генезисе этой модели было обнаружено парадоксальное обстоятельство: данная модель не является надежным предсказателем электорального поведения. Ряд президентских выборов в США, например, показал, что определенная часть сторонников Демократической партии может голосовать в пользу кандидата от Республиканской партии, и наоборот. В истории российских партийных выборов также наблюдался значительный отток избирателей одной партии к другой.

Правда, этот парадокс модели смягчил тот факт, что в конечном итоге у избирателей все же сохраняется общая приверженность к исходной партии. В более отдаленной перспективе "перебежчики" все-таки голосуют за кандидатов от своей партии.

В политическом измерении, идентификация с партией выполняет четыре основных функции.

1. Идентификация с партией оказывает влияние на формирование мнения избирателей.

2. Идентификация с партией влияет на электоральное поведение.
3. Идентификация с партией усиливает психологическую вовлеченность избирателей участвовать в политических процессах.
4. Высокий уровень идентификации с существующими партиями тормозит образование новых политических партий и движений и консервирует существующую политическую систему определенного общества.

Существует мнение исследователей, что идентификация с партией предоставляет лишь приблизительный путеводитель электоральных трендов. Выявление идентификации с партией помогает определить *долгосрочные и краткосрочные влияния*. Наряду с этим, эта модель позволяет классифицировать выборы в соответствии с тем, *отражают ли выборы, отклоняются или реформируют структуру партийной приверженности в обществе*.

В рамках этой модели остаются спорные вопросы. Во-первых, является ли идентификация с партией одномерной или многомерной. Во-вторых, каковы конкретные механизмы, оказывающие основное влияние на формирование партийной идентификации. В-третьих, как функционирует идентификация с партией в условиях трансформации социальной структуры и ослабления лояльности к партиям.

Рациональная модель электорального поведения

В середине 1960-х годов внимание многих исследователей сосредоточилось на **и***ндивидуальных* **взглядах** избирателей в отношении актуальных политических и экономических проблем. В частности, Антони Даунс (Экономическая теория демократии, 1966) отмечал, что избиратели оценивают альтернативные партии и кандидатов на основе *ожидаемого уровня своего благосостояния*. В конечном счете, голос избирателя подается за ту партию или кандидата, которые *ассоциируются с наиболее высоко оцениваемой прибылью*.

Таким образом, Даунс для анализа электорального поведения вводит такие экономические категории как *издержки, компенсация и прибыль*.

Свой анализ он начинает с той мысли, что изначально избирателю вообще скучно идти на выборы. Преодолеть исходное нежелание (трату времени, физическое перемещение на избирательный участок, психологическое ощущение неудобства) могут определенные компенсации от голосования. Существует *непосредственная компенсация*, которая заключается в ощущении избирателем шанса повлиять своим голосом на результат выборов. Также существует *опосредованная, вторичная компенсация*, которая вытекает из самого акта голосования как выражения гражданского долга. Избиратель, следовательно, решает пойти на выборы, если только ожидаемая выгода от выборов окажется больше издержек, связанных с участием в голосовании.

Некоторые исследователи характеризуют модель Даунса в качестве *инвестиционного* решения: избиратели смиряются с издержками голосования в виду проспектов некоторой прибыли в будущем.

Добавление в эту модель социальной желательности акта голосования превращает ее в модель *потребительского* решения. Потребляется *специфическое удовольствие* вычеркнуть не понравившиеся партии и кандидаты или подчеркнуть и выделить объект собственной симпатии.

Таким образом, право быть потребителем на политическом рынке покупается издержкой голосования по аналогии с тем, как удовольствие потребления определенного продукта покупается издержкой его покупки. Результат выборов, следовательно, - это некое равновесие между решениями избирателей и положениями политической стратегии партий и кандидатов. Получается прямая аналогия с рынком как неким равновесием между максимизацией пользы индивидуального поведения и максимизацией прибыльного поведения фирмы, обеспечивающей рынок товарами для по-

купки. Как и покупатель, рациональный избиратель оказывается перед выбором, обеспеченным и в то же время ограниченным политическими платформами партий и кандидатов.

В основе рациональной модели лежат три основные предпосылки. Первое, акт голосования рассматривается как *инструмент* или *средство* достижения некой будущей цели. Соответственно, экспрессивное голосование или выбор на основе идентификации с партией исключаются из этой модели. Второе, рациональная модель фокусируется обычно на *политических целях*. Избиратели приходят на избирательные участки и голосуют не для того, чтобы доставить удовольствие, например, своей супруге или впечатлить своих друзей. Поведение избирателей в той или иной мере диктуется политическими соображениями. Третье, модель рационального выбора предполагает, что избиратели *инструментально* подходят как к политической информации, так и к самому акту голосования. Они стремятся приобрести как можно больше информации, необходимой для принятия решения и интерпретируют эту информацию в спокойной, собранной манере. Наоборот, в модели идентификации с партией избиратели в оборонительной манере реагируют на информацию, поддерживая идентификацию с партией именно затем, чтобы уклониться от проблем интерпретаций.

Согласно Даунсу, избиратели при условии достаточной информации о партиях и кандидатах ведут себя следующим образом.

1. Избиратели оценивают совокупные **услуги**, полученные ими в результате деятельности правящих властей. Эта оценка включает все выгоды от административной деятельности - уборку улиц, состояние общественного транспорта, поддержание общественного правопорядка и т.д.
2. Избиратели допускают, что они получат те же услуги в результате действий той же партии у власти или кандида-

та в будущем, учитывая тенденции, связанные с ростом компетенции или снижением энергичности действий. Таким образом, избиратели оценивают кандидатов от правящей администрации на основе *исполнения ими возложенных на них задач*, а не на основе обещаний.

3. Избиратели просчитывают *возможные* услуги, которые они могут получить, если оппозиция станет у власти. Эта операция значительно труднее, поскольку основана на *условном* расчете. Тем не менее, избиратели не избегают этого расчета, поскольку *нуждаются в сравнениях*.
4. Избиратели вычисляют так называемый *партийный дифференциал* - различие между двумя видами возможных услуг и голосуют затем за ту партию или кандидата, которые в их расчете вырываются вперед.

В многопартийной системе избиратели также следуют этой процедуре, исключая их расчета те партии и тех кандидатов, которые не имеют реальных шансов победить. В конечном итоге, расчет избирателя сводится к дихотомическому выбору.

В действительности, политическая информация редко бывает полной, адекватной и легко доступной. Кроме того, время и усилия на проведение описанного Даунсом анализа явно перевешивают ожидаемую прибыль от результатов подобного анализа. К тому же равнодушные избиратели мало заинтересованы в приобретении дополнительной информации, а сторонники различных партий еще до времени выборов определились со своим решением.

Таким образом, перед избирателем возникает *проблема неопределенности и стоимости информации*. Эти два фактора, как часто показывает практика, прямо-таки обескураживают незадачливого избирателя.

Даунс предлагает несколько способов, при помощи которых избиратели в обычных случаях справляются с неопределенностью и снижают стоимость информации.

Во-первых, избиратели могут, прежде всего, оценить *идеологию*, чем конкретные предложения партии при условии, если они, конечно, верят, что идеология направляет действия правящих властей и оппозиции.

Во-вторых, вместо вынесения собственных суждений, избиратели могут полагаться на *суждения других людей*.

В-третьих, избиратели могут всецело полагаться на *свободный поток информации* в СМИ.

Таким образом, рациональная модель электорального поведения Даунса приближается в некоторых аспектах социально-психологической модели.

Определенным ограничением модели Даунса является отсутствие интереса в происхождении ценностей избирателей. Непонятно, почему одни избиратели предпочитают тематику снижения налогов, тогда как другие - тематику увеличения социальных пособий. Откуда происходят приоритеты?

Рациональная модель считает предпочтения людей само собой разумеющимся фактом. Эта модель сосредотачивает внимание лишь на том, как предпочтения избирателей переводятся в электоральное поведение. Безусловным достоинством модели Даунса является взаимный интерес как проблемам партий и кандидатов, так и проблемам избирателей. В отличие от социально-психологической модели, рациональная модель уделяет значительное внимание поведению партий и кандидатов на политическом рынке. Подчеркивается, что выбор избирателя осуществляется в контексте конкурентной среды и во многом обусловлен самой этой средой.

Некоторые исследователи в рамках рациональной модели акцентируют внимание на *инструментальности* выбора избирателя. Избиратель не столько просчитывает позитивные возможности конкурирующих альтернатив выбора, сколько реагирует на результаты деятельности предшест-

вующих властей. Сущность этой точки зрения выразил американский политолог В.Кей (Ответственный электорат, 1966): “Избиратели могут либо отклонить то, что им известно; либо могут это одобрить. Существует малая вероятность, что их привлекут обещания неизвестного...

Основные электоральные тренды графически отражают роль избирателей как *оценщиков прошлых событий*, достижений правительства и прошлых действий. Избиратели дают *ретроспективные оценки*; будущее оценивается только постольку, поскольку оно выражает одобрение или неодобрение того, что случилось прежде”.

Идею Кея развил М.Фиорина (Ретроспективное голосование в Американских национальных выборах, 1981). Он установил, что *ретроспективные* оценки оказывают существенное влияние на выбор избирателя. Эти оценки дисквалифицируются только в том случае, если предложения оппозиции оказываются больше, чем просто убедительными.

Кроме этого, избиратели рассматривают весь прошлый опыт, связанный с деятельностью партий или кандидатов. Зачастую, прошлые заслуги нередко перевешивают настоящие неудачи. Утверждается, что избиратели не производят всякий раз заново решение. Вместо этой достаточно сложной операции, избиратели развивают до определенной степени идентификацию с кандидатом или партией. Эта идентификация служит в качестве ключа ретроспективных оценок, а не является эмоциональной привязкой.

Принимая во внимание медленные изменения в партийной идеологии и в составе лидеров, данная стратегия, по мнению этого исследователя, является наиболее последовательной. Если же появляются новые партии или радикально меняется политический курс старых партий, избиратели без особого труда пересчитывают возникшую разницу.

В отличие от рациональных избирателей Даунса, *ретроспективные избиратели* меньше вдаются в сравнения того, что достигли правящие власти, с тем, что достигла бы

на их месте оппозиция. В модели Фиорина, избиратели как бы награждают правительство за хорошие времена и наказывают за плохие. Они больше концентрируются на результатах, чем на проводимой политике.

В отличие от социально-психологической модели, в которой идентификация с партией способствует интерпретации сложной политической информации, в модели ретроспективного избирателя идентификация с партией как раз произрастает из размышлений над этой информацией. В процессе принятия электорального решения идентификация с партией играет больше познавательную и меньше эмоциональную роль. Поэтому она отражает в первую очередь расчет, а не чувства. Ретроспективный избиратель легко сменит идентификацию в ответ на удачный или неудачный стиль управления.

В условиях российской политической действительности ретроспективными избирателями можно назвать ту часть электората, голосовавшего на парламентских выборах 1995 года за НДР, выражая таким образом недоверие ДВР. "Демократический Выбор России" в глазах этих избирателей к моменту выборов был значительно дискредитирован провалом экономической политики Гайдара. Ретроспективно мыслящими можно назвать и бывших сторонников ПРЕС, отказавшихся на тех же выборах поддерживать кандидатов от этой партии.

Используя панельный метод исследования предпочтений избирателей, Химмельвейт, Хампри и Джаггер (Как избиратели принимают решение, 1990) пришли к так называемой *потребительской* модели поведения избирателей.

Эта модель предполагает, что избиратели скорее *активны* в своих устремлениях, чем пассивны. Они утвердительно или отрицательно реагируют на контекст выборов, чем просто зависят от этого контекста.

Как и в модели рационального избирателя, потребительская модель предполагает, что избиратель *предугадыва-*

ет будущее, проистекающее из альтернатив выбора. Это будущее различается в терминах *горизонта решения*, которым пользуется избиратель. Горизонт решения означает некую точку в будущем, за которую избиратель не заглядывает, рассматривая последствия выбора одной из конкурирующих партий или одного кандидата.

В потребительской модели горизонт решения совпадает с *моментом выбора*. Этот аспект выбора отличает избирателя-потребителя от рационального избирателя. Последний в конечном счете предполагает, что его отдельный голос окажет влияние на исход голосования, обозначая тем самым горизонт *после* выборов. Согласно английским исследователям, рациональный избиратель находится в неудобной позиции для принятия решения. Предпочитая одну партию другой, он едва ли может избавиться от мысли, что один голос способен повлиять на исход выборов. Следовательно, нельзя с уверенностью прогнозировать то, что наступит после выборов. Избиратель, основываясь на рациональных расчетах, может лишь *застраховаться*, то есть решать на основе правила *наименьшего сожаления*.

Английские исследователи утверждают, что чистый расчет в действительности редко встречается. Большинство избирателей выбирают партию или кандидата потому, что их привлекли конкретные предложения, либо потому, что партия или кандидат кажутся им лучшей альтернативой среди всех остальных. В обоих случаях выражается предпочтение, которое различается только степенью удовлетворенности доступными альтернативами.

Выражение предпочтения как акт голосования не требует перемещения горизонта решения в неопределенное будущее. Наоборот, горизонт решения избирателя-потребителя ограничивается самим актом выбора. Избиратель здесь совершает “покупку” партии или кандидата среди остальных партий и кандидатов таким же способом, как он покупает товары на рынке, предпочитая одни товары дру-

гим. Избиратель в этом случае озабочен, в первую очередь, самим выбором партии или кандидата, а не исходом выборов. Он практически не рассматривает проблемы, связанные с возможным приходом партии или кандидата к власти в результате выборов, поскольку эти проблемы лежат за горизонтом решения.

Таким образом, потребительская модель сосредотачивает основное внимание на отличительных свойствах партий и кандидатов, а также на личных политических предпочтениях избирателей. Участвуя в выборах, избиратели находятся в поисках партии или кандидата, которые в наибольшей мере соответствуют их предпочтениям аналогично тому, как потребители ищут продукт, лучше всего удовлетворяющий их потребности.

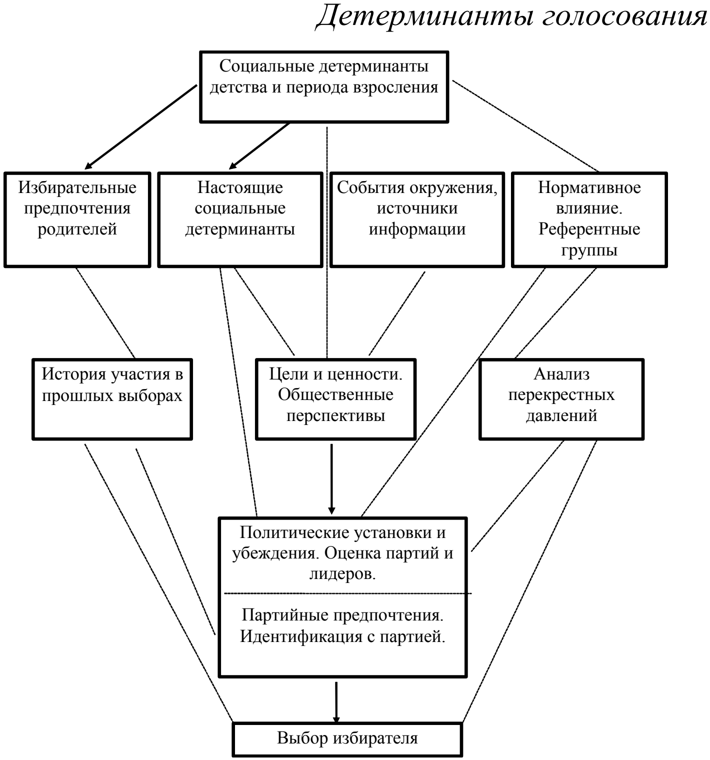
Потребительская модель, описывая и объясняя поведение избирателей, оказывается на поверку достаточно валентной и эклектичной. Она легко вбирает в себя компоненты других моделей, гармонично встраивая их в общую схему. Английские исследователи признают, что на формирование предпочтений и выбор избирателя оказывают определенное влияние социальные детерминанты детства и периода взросления. Подчеркивая влияния родителей на последующий выбор, они акцентируют важность социально-психологической модели. При этом заметную роль играет идентификация с партией. Отмечая значение социальных детерминант и общественной природы целей и ценностей, потребительская модель акцентирует определенное родство с моделью выбора на основе социальной общности. Наряду с этим, существенную роль в формировании зрелого выбора избирателя играет история его участие в прошлых выборах.

Таким образом, предпочтения избирателя-потребителя подвергаются сложному генезису, прежде чем получить окончательные очертания. Схема 2 показывает основные и второстепенные факторы, участвующих в формировании предпочтений избирателей. Прерывистые линии

показывают относительно слабое влияние, прямые - относительно сильное влияние.

Схема 2

Детерминанты голосования

1. Влияние школы и дома; социальный, образовательный уровень родителей; возраст и пол индивида.

2. Избирательные предпочтения родителей во время индивидуального взросления

3. Уровень образованности, настоящий социальный статус, вид занятости.

4. Политические и экономические события, социетальные изменения, источники информации, включая масс медиа. Образуется двойная связка, когда индивидуальные

социетальные детерминанты, цели и ценности приводят к селективной привязанности источникам информации

5. Влияние соседей, друзей, партнера по браку, места работы и т.д.

6. Индивидуальная история участия в прошлых выборах

7. Меры авторитаризма, политической эффективности и интереса; ценностная ориентация.

8. Анализ перекрестных влияний относится к прошлому и настоящему

9. Индивидуальная политическая ориентация, отношение к проблемам, убеждения, оценки партий и политиков, идентификация с партией.

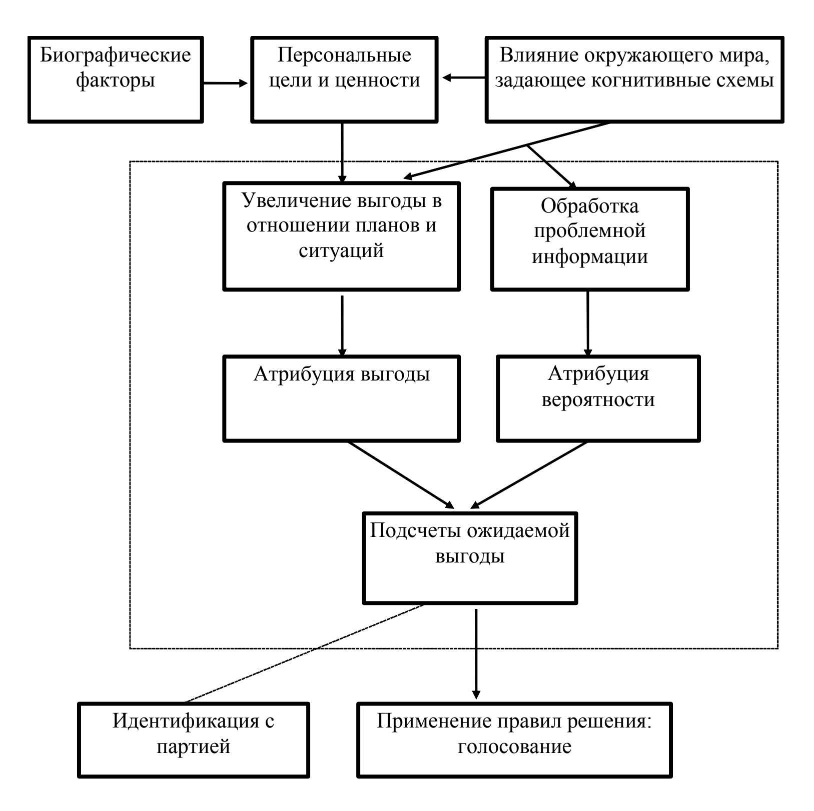
Потребительская модель акцентирует в выборе избирателя в первую очередь *предпочтения партий и кандидатов в их постановках политических и экономических вопросов*. Решение избирателя в пользу той или иной партии и кандидата следует определенной пошаговой схеме.

В выделенном квадрате представлены основные компоненты алгоритма решения избирателя-потребителя. Избиратель, рассматривая политические альтернативы, стремится увеличить собственные выгоды от избирательного процесса. Учитывая собственные цели и ценности он полагает, что только эта партия или этот кандидат сможет наилучшим образом удовлетворить его нужды.

Таким образом, выгоды начинают причислятся одной из представленных альтернатив. Параллельно этому происходит процесс переработки проблемной информации, связанной с позициями партий и кандидатов по определенной тематике. Редуцированная информация дает повод для причисления вероятности тому, что проблема может быть решена в будущем. На основе суммарного подсчета ожидае-

мой выгоды принимается окончательное электоральное решение.

Схема 3
Компоненты потребительской модели голосования

По мнению ряда исследователей, потребительская модель упускает из вида ряд факторов, затрудняющих голосование на основе предпочтений определенной проблемной тематики. Например, избиратели не озабочены проблемной тематикой выборов или полагают, что партии не имеют раз-

личий по постановкам проблем. В этом случае проблемная тематика вряд ли повлияет на голосование.

В целом, существует ряд эффектов, консервирующих партийную лояльность и препятствующих голосованию на основе предпочтения позиции по определенной проблематике.

1. В глазах электората партии и кандидаты могут в целом не различаться по занимаемым позициям.
2. Если определенная тематика становится исключительно достоянием одной партии, избиратели могут сменить свои позиции по другим вопросам для того, чтобы остаться и следовать в русле политического курса партии. Это *эффект убеждения*.
3. Избиратели могут корректировать свои восприятия политического курса партии или кандидата с тем, чтобы сблизить эти восприятия со своими предпочтениями. Наоборот, они могут удалять позиции оппозиционной партии или кандидата от своих представлений и предпочтений. Это *эффект проекции*.
4. Избиратели могут отрицать важность определенного вопроса, столкнувшись со сложными противоречиями.
5. Избиратели могут предпочитать позиции своей партии по определенному вопросу, одновременно воспринимая себя ближе по этому же вопросу позициям другой партии. Они могут оценивать приверженность партии определенному принципу или оценивать ее способность воплотить выбранный политический курс на практике.
6. Избиратели могут оставаться лояльными партии или кандидату, несмотря на несогласие с ними по частным вопросам, даже очень важным. Старые привычки изживаются с трудом.

Модель голосования на основе социальной общности

Эта модель отвергает индивидуалистский акцент социально-психологической модели и модели рационального выбора. Вместо этого, социологи подчеркивают *групповой базис* голосования.

Электоральная социология интересуется *уровнем поддержки* различных партий и кандидатов разными социальными группами. Утверждается, что типы голосования определенных групп коренятся в *позициях*, которые занимают эти группы в обществе.

Социальные группы в процессе своего существования развивают и поддерживают отношения с политическим партиями. Итоги выборов показывают, меняется или остается неизменной групповая поддержка политических партий в обществе.

Таким образом, центром внимания модели голосования на основе социальной общности оказываются общественные группы и партии. Сторонники социологического подхода утверждают, что данная модель отвечает на вопрос "*почему*" голосуют так или иначе, тогда как модели индивидуалистского голосования отвечают на вопрос "*как*" голосуют.

Основными переменными социологической модели являются класс, группы, религия, возраст и т.д. Действительно, эти переменные являются *причинами* электорального решения и, очевидно, не являются *следствием* такого решения: возраст избирателей может повлиять на электоральное решение, но само это решение не может изменить возраст избирателей. В то же время политические цели и идентификация с партией могут оказаться скорее рационализацией электорального выбора, чем быть его причиной.

В модели голосования на основе социальной общности избиратели голосуют по двум основным причинам. Утверждается, что избиратели могут голосовать, с одной сто-

роны, на основе *репрезентации класса*, то есть веры, что партия репрезентирует их классовые интересы, не испытывая при этом сильной враждебности по отношению к другим классам. С другой стороны, избиратели могут голосовать на основе *классового конфликта*, то есть поддержки одной партии потому, что она выступает против других, ущемляющих интересы данного класса. Тем не менее, в этом подходе в определенной степени присутствует индивидуалистская мотивация.

Радикальную интерпретацию социологической модели дали Данливи и Хасбандс (Британская демократия на перепутье, 1985). Английские авторы считают, что идентификация с партией совершенно не оказывает влияния на процесс голосования, а политические установки избирателей не являются достаточно важными причинными факторами, структурирующими выбор. У избирателей в кабине голосования отсутствует свободный выбор.

По мнению этих исследователей, выбор избирателя отражает его *позицию в социальной иерархии*. Понять электоральное поведение в современном обществе невозможно без учета конкуренции политических альтернатив, отраженной в средствах массовой информации.

Возникает проблема, как группы в социальной иерархии интерпретируют свои позиции на основе текущей информации в СМИ. Эта постановка вопроса не исключает определенной степени субъективности в интерпретации. Тем не менее, всецело возобладают групповые ориентации. Так, домохозяйки в Британии могут голосовать за "левых" или "правых" в зависимости от того, как масс медиа отразят их групповые интересы или каким образом политические партии окажутся привязанными к частным классам и группам. Интерпретация групповых интересов при помощи СМИ формирует часть *доминирующей идеологии*, часто тенденциозной в отношении "левых" партий. Избиратели голосуют инструментально, поддерживая свои явные групповые инте-

ресы, которые так или иначе отражены в текущих материалах масс медиа. При -этом они могут не осознавать в качестве индивидов свои истинные мотивы.

В целом, радикальная модель голосования на основе социальной общности рассматривает избирателей в качестве *рефлексии идеологической интерпретации социального разделения*. Предполагается, что именно групповое членство, ощущение принадлежности к определенной социальной группе, высвечиваемое и подтвержденное доминирующей идеологией и партийной конкуренцией, оказывают главное влияние на выбор.

В отличие от модели партийной идентификации, подчеркивающей значение первичных групп в качестве основы формирования электоральных предпочтений, радикальная социологическая модель акцентирует внимание на *коллективные восприятия* групповых интересов.

Критика социологической модели связана с переоценкой важности восприятия индивидами социальной сегментации и недооценкой воздействия на выбор избирателя позитивных достижений.

Выводы

Избирательные технологии основываются на базе рассмотренных нами трех моделей электорального поведения.

В целом избирательные технологии строятся на основе стимуляции голосования по следующим принципам.

Во-первых, стимуляция *партийно-идеологических предпочтений*. В этом случае стоит задача политизации электората. Задача успешно решается, если большинство избирателей склоняется в пользу идеологии одной политической партии или кандидата от этой партии. В условиях жесткой конкуренции сильных партий или общественных объединений, а также в ситуации ярко выраженной политической апатии, эта технология малоэффективна. Как прави-

ло, стимуляция партийно-идеологических предпочтений характерна для общефедеральных выборов в Государственную Думу.

Во-вторых, стимуляция голосования *по проблемным вопросам* (или голосования как увеличения ожидаемой полезности). Эта технология обращена к рациональным избирателям. Основная задача здесь сводится к убеждению в том, что программа партии или кандидата является наиболее эффективной для решения текущих проблем и что есть необходимые силы и ресурсы ее реализовать.

В-третьих, стимуляция голосования с упором на *имидж партии или кандидата* (или доверительное голосование).

Сергей Пыхтин
Главный редактор журнала «Золотой лев»

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ ИЗЫСКИ В ОТСУТСТВИЕ ДЕМОСА

В декабре 1999 года жителям Российской Федерации предстоит участвовать (или не участвовать) во всероссийских парламентских выборах, а населению «федерального города» Москва, скорее всего, - избрание в очередной раз неповторимого и незаменимого мэра.

Процесс находится в самом разгаре, его отголоски изредка попадают даже в поле общественного внимания, разумеется, в объемах, не превышающих допустимого владельцами телевизионных каналов или «либерально-демократических» издательств. Политики и бизнесмены, мэры и губернаторы, лидеры партий и главари криминальных группировок включились в предвыборный марафон. Они заинтересованы в том, чтобы не было неожиданностей, чтобы здесь, «на берегу» обо всем договориться и поделить спорный пирог в узком «семейном» кругу. Опыт избирательных кампаний последних лет не оставляет сомнений в том, какие приемы будут использованы.

Рассмотрим некоторые особенности охоты за депутатскими и чиновными креслами, точнее - за контрольный пакет над представительными и исполнительными органами власти.

Между равнодушием и азартом

Главная задача, которую в действительности решает ныне существующий режим, состоит в том, чтобы на участки для голосования пришло как можно меньше избирателей. Опыт показывает, что если участвующих в голосованиях примерно четверть населения, призовое место получают как раз те, кто «во время чумы» правит бал. Но чтобы три чет-

верти избирателей не захотело стать демосом, то есть полноценными гражданами, надо очень постараться.

Чтобы получить минимально необходимое количество избирателей, надо задолго до выборов всеми силами убеждать обывателей, насколько никчемна, смешна, омерзительна любая представительная власть. Пристрастный монтаж теле- и киносъемок, сатирические ракурсы, вздохи, ужимки и интонации ведущих комментаторов, особенно женщин, откровенно издевательские пассы так называемых аналитических программ, вроде «Зеркала» или «Итогов».

Что только не делается, благо часть «избранников народа» дает прекрасные картины, запечатлевающие необыкновенную легкость в мыслях и изящество в движениях. Если нет г-на Марычева, теперь уже изрядно позабытого думского шута образца 1994-1995 годов, подойдет г-н Жириновский, нет г-на Жириновского, на сцене тут как тут г-да Юшенков, Шандыбин, Козырев или Боровой. Список, разумеется, не полон и его могут дополнить своими членами любые фракции, а также избранники, которые находятся вне фракций.

На фоне мрачных, багровых тонов, в которых постоянно предстает законодательная власть, словно Георгий Победоносец, поражающий чудище поганое, изображается власть исполнительная. Она - рыцарь без страха и упрека, бессребреник, питающийся акридами, пустынник, живущий в бочке из-под пепси-колы. Нет такой добродетели, которая бы не осенила обитателя ветвистых и кустистых дерев, произрастающих под сенью властной президентской вертикали и лишь по недоразумению именуемого «ветвью». Ветвь давно превратилась в густой и непроходимый лес.

Итак, депутат есть скопление всех мыслимых и немыслимых пороков, лишь по недоразумению все еще находящийся вне мест принудительного заключения. А если вы все еще сомневаетесь в том, вам покажут и в сотый и в пятисотый раз известную свалку возле президиума Съезда «хас-

булатовских депутатов», или потасовку в Госдуме из-за нательного креста попа-расстриги, или депутатскую свалку с участием «сына юриста», решившего вразумлять какую-то истеричку из НДР или ДВР. Чиновник же, напротив, - средостение компетентности, благородства и моральных достоинств. Он истинный государственный муж в правительственном заседании, глубокий эксперт, когда дело касается законов, злоумышленно принятых или не принятых «бандой так называемых депутатов», выдающийся хозяйственник, строгий ревизор, рачительный руководитель, взыскивающий и взыскующий о народном благе. Такова режиссерская диспозиция, согласно которой ведутся ни на минуту не прекращающиеся военные действия в СМИ.

И эти напичканные ядом «средства» во многом преуспели. Чем солиднее стаж у действительно «всеобщих, равных, прямых» выборов, чем меньше граждан добирается до избирательных участков. Чуть ли не 100 процентов участвующих в голосованиях, что было свойственно выборам 1998-1990 годов, сократилось до 17, что произошло при выборах местных представительных органов в Санкт-Петербурге. Если же вспомнить последние парламентские выборы, то от участия в них уклонилось более трети граждан, или 38 миллионов человек.

Второй метод, который уменьшает количество активных граждан - пропаганда, представляющая политическую деятельность «грязным делом», придающая самому этому слову исключительно отрицательный значение. Тот, кто занимается *политикой*, принципиально нечистоплотен, его надо избегать, сторониться, подобно больному проказой. Дурно пахнущей политике противопоставлено благоухающее «хозяйствование». Делом, приносящим одни только плоды, занимаются «хозяйственники», депутаты же - пустопорожними разговорами, болтовней, бессодержательными спорами.

Один такой «хозяйственник» не нашел ничего лучше, как унавозить во время парламентских выборов 1995 г. столицу тысячами дорогостоящих плакатов с фразой «хватит спорить, давайте строить». И представьте себе, преуспел - его избрали.

Понятно, почему удача сопутствует «цеховикам». В обывательском мнении любой материальный успех, даже созданный самыми гнусными и кровавыми преступлениями, уже не проверяется нравственной нормой. Морально все то, что приносит деньги, образует состояния, обеспечивает роскошный образ жизни, аморальны же бескорыстие и честность, качества, над которыми можно потешаться в открытую.

И, наконец, действует синдром Васисуалия Лоханкина, одного из персонажей «Золотого теленка». Чем больше в составе населения особей, именующих себя интеллигенцией, тем больше разлито в нем философического безволия. «От нас ничего не зависит», - думает эта мыслящая протоплазма, - «Разве что-нибудь может измениться, если мы пойдем голосовать? За нас уже все решили. Все результаты будут фальсифицированы». Но было бы преждевременно полагать, что эти мысли будоражат. Чувства находятся в состоянии покоя, завершаясь сакраментальным: «А может быть в этом и состоит сермяжная правда жизни?».

Игра любителей, когда нет профессионалов

Если анализировать все состоявшиеся в последние несколько лет выборы, окажется, что их результат, словно назло, подтверждают сомнение спокойно-рассудительных, безразлично-скептических Лоханкиных. Какой бы расклад политических предпочтений ни существовал в той или иной губернии, депутатами или губернаторами становятся, за очень небольшими исключениями, деятели, в отношении которых заведомо известно как о ворах, мерзавцах или демагогах.

Кто виноват, что принимаемые в представительных собраниях законы составляют одно общее место, глубокомысленно утверждающее, что Волга впадает в Каспийское море? Кому следует приносить претензии по поводу того, что любой Кодекс является собранием банальностей, а не правовых норм, обеспечивающих защиту национальных интересов? Почему тысячи законов, с фантастической неутомимостью принимаемые вот уже в течение десяти лет парламентариями, способствуют распаду государства, уничтожению экономики и вымиранию самого народонаселения?

Причина на самом деле до удивления проста.

В наше время безумно-агрессивная власть, испытывающая удовлетворение, если ей удается нанести ущерб собственной стране, появляется в любом государстве из-за неспособности или нежелания нации создавать квалифицированный корпус политических руководителей. При этом, в зависимости от того, кто в стране осуществляет суверенитет, различны методы воспроизводства руководящего политического слоя. В текущем столетии суверенитет принадлежит не монарху или аристократии, а активной части нации - демосу, и для создания властных институтов используются избирательные технологии.

Когда власть избирается, появление в ней жуликов, дураков и проходимцев оказывается следствием неквалифицированности самих избирателей. В конечном счете именно благодаря неспособности демоса сделать правильный выбор происходят различные катаклизмы - экономические, геополитические или экологические. Они не могут не трясти страну под воздействием антинациональных, бездарно-ошибочных, преступно-халатных решений.

Но иных решений и не может быть, если господствующие высоты во власти оказываются в руках олицетворенного порока или преступления.

Таким образом, чтобы власть в каждой своей инстанции была бы компетентной и национально ориентирован-

ной, требуется компетентное и национально мыслящее большинство - подлинный демос.

Что это должно означать практически?

Прежде всего, демосу не может быть свойствен абсентеизм, то есть уклонение от участия в исполнении принадлежащих ему полномочий. Если же уклонение от участия в выборах принимает массовый характер, это очевидный признак отсутствия демоса, что, в свою очередь, делает невозможной и саму демократию. Нация, в которой нет гражданственности, не может управляться методами демократии.

Демос, далее, должен обладать определенными свойствами. Их суть - способность, возможность и желание принимать участие во власти, прежде всего - умение распознавать и выдвигать выдающихся деятелей на руководящие посты в правление страной. Это умение не дается случайно. Кроме того, оно не появляется в одночасье, с сегодня на завтра. Чтобы в политическом сообществе, именуемом государством, возникли качества демоса, нужен продолжительный опыт, накапливающий из поколения в поколение приемы и методы естественного отбора лучших представителей нации. Демократия - не только технология, но и состояние общественного вида, воспроизводящего, с одной стороны, профессиональных избирателей, а с другой - профессиональных политиков, испытывающих однородную потребность в ее институтах.

Разве не очевидно, что в самодержавно-монархической и самодержавно-коммунистической России отсутствовали условия для возникновения как самого демоса (профессиональных граждан), так и для демократических политиков. Поэтому октроированная (навязанная сверху) партийно-государственной номенклатурой демократическая технология формирования институтов власти могла обернуться лишь трагическим фарсом. Захват подонками общества законодательных и исполнительных органов в этих условиях предопределен.

Что делает неизбежным такой результат?

Диктатура бюрократии, денег и средств пропаганды

Если природа современного общественного организма не предполагает наличие в нем профессиональных граждан, их замещает охлос, говоря по-русски - босяки. При этом не важно, к какому имущественному или производственному разряду они принадлежат.

Охлос всеяден. Он заражает и ученого, и интеллигента, и государственного служащего, и профессионального военного. Главное - отсутствие какого-либо мировоззрения. Босякам чужды какие-либо моральные принципы, национальные ценности или политические убеждений. Духовный мир, в которым они живут, определяется не их внутренним миром, а внешними обстоятельствами.

Когда современные исследователи-политологи фиксируют предопределяющее значение, которое имеют на формирование общественного мнения средства информации или денежные мешки, они лишь констатируют, что в русском обществе нет сложившейся системы взглядов.

Большая часть населения свято верит всему, что вещает их домашний телевизор, к чему призывают или что предают анафеме Танечка, Светочка или Женечка. Им невдомек, что экран давным-давно превращен в психотропное средство, предназначенное для манипулирования мнением толпы. А за каждым комментатором или программой стоит беззастенчивый финансовый интерес, формулируемый для ОРТ и ТВ-6 Березовским, для РТР Чубайсом, Фридманом и Авеном, для НТВ - Гусинским. Фамилии могут поменяться, суффиксы и префиксы – никогда.

Разумеется, проповеди и пропаганда не могут повлиять на тех, у кого есть осознанные интересы, кто имеет определенные убеждения. Но современное население РФ в своей основной массе - толпа, у которой нет и не может

быть убеждений. Она, как и любой охлос, всегда живет чужим умом, испытывая наслаждение лишь от двух доступных ей удовольствий - низкопробной жратвы и сальных зрелищ. Чтобы иметь то и другое, босячество нуждаются в покровителях. Их роль выполняет «начальство» - администрация территорий или владельцы предприятий. Отсюда то благоговение, которое испытывается «электоратом» в отношении любого руководителя - начиная с деревенского старосты и кончая мэром или губернатором. Толпа делает то, что ей прикажут.

Мы не открывает здесь для читателя ничего нового. Мы лишь констатируем - если электронные СМИ, деньги и власть способны широко манипулировать голосами избирателей, поворачивая их пристрастия в любую сторону в зависимости от конъюнктуры, то это может означать лишь одно - демократия в современной России принципиально невозможна. Не отказ от демократических процедур, а их применение в отсутствие демоса смертельно опасно для любого социального организма, какими являются общество, нация и государство.

Деньги и выборы

Посмотрим на избирательные процессы под экономическим углом зрения. Избирательные кампании, ставшие в нашей стране привычным делом, ставят на первое место не политические программы, не партийную организацию и даже не личную известность политика. Все эти приметы времени оказываются далеко позади главного фаворита наших дней - *денег*.

Соревнуются не партии и не кандидаты, не авторитет или известность, не социальные интересы или национальные ценности, которые народные избранники готовы защищать. Решающее значение имеет величина *денежной массы*, которую бросают в избирательные схватки финансовые тузы. Чем больше мобилизованный фонд, тем надежнее позиция

избирательного списка или мажоритарного кандидата, гарантия того, что именно они окажутся победителями. Побеждает не политическая, а финансовая весовая категория, не совокупность положительных качеств, которыми обладает кандидат или партия, а всесилие *денежного мешка*.

Чем больше средств удается влить в так называемую избирательную кампанию, чем больше телевизионного времени, газетных полос, печатной продукции, эстрадных звезд удается закупить для предвыборных мероприятий, тем вероятнее оказаться в думском, мэрском или губернаторском кресле со всеми причитающимися им аксессуарами, полномочиями, привилегиями и возможностями.

Если же дело идет о троне президента, о резиденции в московском Кремле, то здесь для победы нужны не просто деньги, а сумасшедшие, фантастические, неправдоподобные деньги. Какая-то ничтожная коробка из-под ксерокса, наделавшая столько шуму, сущая мелочь, о которой смешно, недостойно, нелепо даже упоминать. Таких коробок необходимы сотни, если не тысячи. И их, конечно же, могут заполнить вожделенными банкнотами лишь государственные службы - то ли русские, то ли американские, то ли еврейские.

Но откуда возникло это денежное могущество? Почему, как только взамен постыдного, унизительного для граждан всеобщего голосования пришли настоящие, альтернативные выборы, новоявленные политики оказались низведенными до уровня живого товара?

Политики, мечтающие о захвате или удержании власти, продаются и покупаются как товар - оптом и в розницу. Они представляют собой не отцов нации или, на худой конец, города, не мудрых патрициев, заседающих в сенате, они - специфическая одухотворенная вещь, обладающая стоимостью, говорящее орудие, принадлежащее владельцу, рабы, обязанные безропотно прислуживать купившему их господину.

Господство в политике денег - свойство, присущее такому уровню развития общества, в котором уже существуют достаточно развитые товарно-денежные отношения, но еще нет значимого слоя граждан, отсутствует демос.

Разумеется, исследуя происходящее, и тем самым оценивая его, можно руководствоваться одними лишь морально-эмоциональными критериями. Можно, подчиняясь этическим чувствам, сколько угодно злословить и обличать господствующую в обществе власть денег, своекорыстие финансовой аристократии, лицемерие и эгоизм политиков, заседающих в парламенте или в правительстве. Можно обрушивать праведный и вполне обоснованный гнев на высшее должностное лицо государства, действие или бездействие которого носит разрушительный характер. Все, к чему бы ни прикасалась его мысль или рука, оказывается предметом разрушения, гниения, распада. И все-таки источник русских бед надо искать не здесь.

Если без излишней горячности взглянуть на происходящее, то окажется, что в пылу общественных споров, полемических страстей вольно или невольно место причин заняли следствия.

Сами по себе деньги не представляют собой ни добро, ни зло. Они - необходимый обществу объективный компонент, благодаря которому приходит в движение экономика, деньги ее кровь, функционирование которой заставляет хозяйственный организм постоянно находится в работоспособном состоянии. Сила денег, соединяясь с силой власти и силой традиций, приводит в движение все общество, в том числе и его политические механизмы.

Как справедливо заметил один известный в русской литературе герой, если есть деньги, где-то их должно быть очень много. В условиях частнособственнического социально-экономического строя деньги обладают центростремительными свойствами. Они концентрируются в руках не-

многих - это либо частные, главным образом еврейские банки, либо торговые корпорации.

В обществах, где денежный капитал сосредоточивается у немногих, создается экономика посреднического типа, торговая, коммерческая цивилизация. Если же финансовые ресурсы не имеют тенденцию концентрироваться у частных лиц или основные денежные ресурсы оказываются собственностью государства (то есть общества в целом), реализуется промышленная модель развития, создается индустриальная цивилизация. Первая модель реализуется в США, Англии, Китае, вторая - в России, Германии, Японии.

Своеобразие русской истории XX столетия состоит в том, что революция начала века создала в стране экономический механизм, обеспечивающий индустриальное, военно-промышленное, научно-интеллектуальное развитие. Поскольку индустриализация происходила в условиях мобилизационного типа, связанного с наличием непосредственной угрозы интервенции, а затем войны и послевоенного восстановления, она не могла происходить успешно, если бы власть в государстве создавалась самими гражданами. Население десятилетиями не создавало власть и не испытывало какой-либо потребности в таком процессе. Превращение выборов в процедуру голосования-праздника нисколько не вредило, никого не угнетало.

Институт денег благодаря обобществлению национального хозяйства свелся к обслуживанию потребительского минимума, остальные сферы общественной жизни функционировали, стимулируясь воздействием власти и традиции.

Ситуация постепенно изменялась по мере того, как повышался уровень социальной зрелости жителей страны, а малограмотная крестьянская масса превращалась в преимущественно городское общество всеобщего среднего, для многих - высшего образования.

Наличие авторитарной государственной власти, монополия на истину, присвоенная единственной политической организацией, каковой являлась КПСС, становились анахронизмом, изживали себя. Самодеятельное население, прежде всего городское, все больше проникалось сознанием того, что его отчуждение от политики представляет собой форму откровенного насилия, является ничем иным, как подавлением естественного права на участие в формировании институтов власти.

Кризис, зревший довольно долго, должен был рано или поздно разрешится. Так как высшая партийная олигархия оказалась не в состоянии, как бы ей этого и не хотелось, обеспечить приведение политических механизмов в соответствие с уровнем общественного сознания, оно было осуществлено самим обществом революционным путем. Имеются в виду события 1989-1990 годов.

Но замена формальных голосований по безальтернативным партийным спискам на альтернативные избирательные процедуры обернулась не установлением власти граждан - то есть демократией, а властью денег, точнее говоря - властью крупных финансовых монополий. В 1997 году применительно к РФ ее стали именовать семибанкирщиной, до тех пор, пока эта тёплая компания не объявила о своём неожиданном банкротстве.

Век, начавшийся в России господством сословно-бюрократической олигархии, сложившейся вокруг императорского двора, и попыткой избавиться от нее, заканчивается, пройдя ряд метаморфоз, монополией на власть в обществе крупных денежных олигархий. Изменилась до неузнаваемости форма, но сущность власти в России осталась неизменной. Она вновь делится между бюрократией и финансовыми спекулянтами, между высшим чиновничеством и торгово-посредническим капиталом.

Главная причина, в силу которой основная масса граждан вновь оказалась вне политики, состоит не во всеси-

лии денег, а в бессилии общества противостоять им. Когда семь-восемь лет тому назад наивная вера городского плебса в «демократию» была лицемерно использована партийной верхушкой, мало кто разглядел в этом превращении ловушку. Опасность заключалась в принципиальной несовместимости избирательной технологии формирования властных институтов государства с политической незрелостью и неорганизованностью самого общества. Демократии не может быть там, где нет демоса. В его отсутствие всеобщее избирательное право оказывается формальной процедурой, фарсом, благодаря которому большинство голосов получают на первых порах болтуны-идеалисты, затем и надолго - циники.

Все дело в том, что у плебса нет и не может быть потребности в действительной политике, босякам чуждо ею заниматься по-настоящему. Настоящая политика, предполагающая наличие партий и программ, политиков-профессионалов, лидеров и вождей, национальный целей и железной воли для того, чтобы их осуществлять, такая форма ее существования недоступна плебейскому сознанию, она несовместима с образом жизни босяков. Среда, в которой они чувствуют себя комфортно, где они находят удовлетворение своим прихотям и порокам - социальное дно. А на дне, как известно, жаждут лишь хлеба и зрелищ, жратвы и кайфа, диктаторов и демагогов.

Выборы депутатов, глав администраций и даже президента вместо акта творческого, сознательного участия граждан в управлении страной превращаются в разновидность рыночной сделки. На избирательном рынке каждый участник предлагает себя как товар: избиратель предлагает принадлежащий ему «равный, тайный, всеобщий» голос, а кандидат (оптовым списком или розничной фамилией) - самого себя как агента того или иного финансового магната. А раз избирательная процедура оказывается формой торговой сделки, где продается и покупается товар-избиратель и то-

вар-кандидат, решающее значение в ней приобретают деньги, точнее говоря - их владельцы.

Ничего подобного, конечно же, не происходит там, где имеется в наличии подготовленное для демократических процедур общество. А возникнуть оно может не с сегодня на завтра, не в силу декрета, а лишь благодаря длительной практике участия в выборах, при условии, что постепенно создается привычка голосовать профессионально, что в обществе имеются в наличии сами политики, способные осуществлять власть.

Если общество само себя организовало, если оно имеет политические интересы и институты для их реализации в виде партий, политических доктрин, настоящих общественных лидеров, то тогда никакие деньги не в состоянии навязать избирателям неавторитетных, случайных, сомнительных парламентариев или чиновников.

Дело, однако, меняется коренным образом, когда в наличии имеется не организованное должным образом общество, а бесформенная, деклассированная, политически индифферентная обывательская масса. Она не способна ни на упорный, изнурительный труд, ни на подвиг. Но ее в состоянии спровоцировать на самые пошлые, безрассудные, нелепые и безответственные поступки.

Авторитетом в ней не могут пользоваться отцы церкви, философы и мыслители, ученые или политики. Роль оракулов для обитателей социального и экономического дна исполняют, как правило, фиглярствующие актеры, писатели-образованцы, маргинальные «научные работники», злобствующие, продажные журналисты, над которыми возвышаются «люди дела», «столичные хозяйственники», «региональная элита», словом все те, кто, воспользовавшись моментом, безнаказанно овладел крупными денежными суммами.

Круг замыкается. В отсутствие дееспособного ядра, состоящего из полноценного демоса (граждан), общество не

в состоянии осуществлять эффективную для страны форму правления, оказываясь во власти денег. Когда же господствующие высоты в политике вместо национальных интересов занимают своекорыстные интересы денег, общество не в силах самоорганизоваться до такого уровня, чтобы власть в нем принадлежала национальной элите, аристократии. При плебействующем большинстве власть достается не лучшим, ею овладевают, словно добычей, гнуснейшие.

Таким образом, институты власти продажны и порочны, потому что над ними господствуют деньги, а деньги всесильны, потому что дезорганизовалось, заразилось нигилизмом, распалось общество. До тех пор, пока этот порочный круг не будет разорван самым безжалостным, беспощадным образом, не будет положительно решена ни одна проблема, стоящая перед Россией. И никакие выборы, главную роль в которых принадлежит деньгам, ее не спасут.

Безликая галерея претендентов

Навязанные русскому обществу после столетий правления олигархий «всеобщие, тайные, прямые, равные» выборы приобрели не политический, а опереточный смысл. Выборы депутатов или глав администраций различного уровня - спортивное соревнование, игра, тотализатор. Охлосу, в отличие от демоса, нечего терять. У него нет ни идеалов, ни собственности, ни отечества.

Поэтому-то он так легко и равнодушно отнесся к исчезновению СССР и образованию на его развалинах десятков вассальных государственных образований, к растаскиванию общенациональной собственности, которую он никогда не осознавал своею, к ликвидации культурной среды и замене ее примитивными американскими суррогатами. Все признаки цивилизованности, когда-то созданные в России, теперь сводятся при одобрительном человекообразном плебейском урчании к примитивному уровню, на котором на-

ходится новоявленные социальные отбросы - бывшие «советские люди».

В этих условиях появление претендентов на депутатское или административное кресла с высокими моральными, политическими и профессиональными качествами практически исключено. Лишь единицы, которым удается прорваться через избирательный частокол и рогатки и стать депутатами или главами администраций, могут соответствовать требованиям переживаемого страной момента. Но они оказываются белыми воронами, которых изолируют и которыми фактически пренебрегают, превращая в предмет издевательств, насмешек и провокаций.

Эффективность демократии обусловлена тем, насколько демосу удается возвести во власть политиков, стремящихся руководствоваться в своих действиях истиной. Поэтому высший смысл демократии - это власть, осуществляемая теми, кто стремится познать истину, то есть, по гамбургскому счёту, философами. Но когда демократические методы используются толпой или босяками, победа на избирательных соревнованиях достается не философам, а циникам. Их предпочитает использовать алчный финансовый капитал, им покровительствуют развязные СМИ, с ними сотрудничает насквозь обюрокраченная, продажная власть.

Присмотритесь к замелькавшим на всех телевизионных каналах политическим фигурантам, вчитайтесь в газетные или журнальные интервью, обратите внимание на серию искусно разыгрываемых скандалов, и станет понятным, кто патронируется, кому оказывается содействие, на кого сделаны ставки.

Правящая в Кремле олигархия, легализовавшая свое господство еще в августе 1991 года, практически неуязвима. После двух государственных переворотов, которым она способствовала, у нее нет конкурента, имеющего шанс на равновесный поединок. Силе власти и денег, плотоядно присвоивших несметные богатства, можно противопоставить

лишь силу консолидированного общества, объединенную силу самостоятельных граждан. Такой силы в столице России нет, но в обозримом будущем она может появиться.

Всесилие денег, бюрократии и телевидения, что бы там ни говорили, иллюзорно. Их доминирование может продолжаться лишь до тех пор, пока им не будет противопоставлена организованная воля, по крайней мере, 5 процентов (всего лишь пяти процентов!) взрослого русского населения страны.

Нет нужды искать Мининых и Пожарских в нищих, спившихся, равнодушных провинциях России, страдающих к тому же припадками сепаратизма. Бессмысленно устраивать потешные походы на Москву - ни из Терехова, ни из Анпилова, ни из Лимонова новых Муссолини образца 1922 года не получится. Поздно грезить в решимость армии избавить Россию от негодной и предательской политики - армия в очередной раз, как это произошло весной 1918 г., изменила своему предназначению, бросив фронт и разойдясь по домам.

Сердце России – Кремль и парламент, а потом и вся страна, могут быть излечены от псевдодемократического фарса лишь теми, кто всерьез считает себя русскими гражданами, кто делом утвердил себя в новых производственных отношениях, кто вложил в русскую землю не только личный капитал, но и все свои надежды, кто рано или поздно осознает, что политика - деятельность, превращающая тех, кто ею занимается, в истинных хозяев России.

Андрей Савельев,
кандидат физико-математических наук,
руководитель Аналитического центра
Конгресса русских общин

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ СОСЛОВНЫХ ГРУПП

Известный французский социолог Серж Московичи пишет: «Рациональное мышление и практика замыкаются на управление вещами и богатствами. Они изобретают все более многочисленные эффективные и автоматизированные оружия и инструменты. Руководство людьми, в том числе политическая власть, наоборот, отторгают это мышление и эту практику. В этой сфере общество создает только верования и влиятельные идеи. <...> Они служат для того, чтобы обезличить людей и мобилизовать их. Для этой цели их отливают в определенную форму догматической религии, заготовленную заранее»1.

От качества политической элиты зависит, будет ли управление людьми осуществляться за счет мифов, внедренных инструментами консциентального (смыслового) оружия, или на основе национальных архетипов и национальной мифологии. Первый случай создает условия для разложения государственности, второй – восстанавливает историческую преемственность и обеспечивает стабильность существования государства.

Политическая элита России сегодня, не осознавая того, находится на грани вымирания, ибо в ней нет понимания того, как можно и нужно управлять людьми. Она не умеет ни порождать более или менее долгоживущие мифы, ни следить за мифами, порожденными из других источников – за-

---

[1] С.Московичи. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Издательство «Центр психологии и психотерапии», 1996, с. 64.

частую враждебных стране и самому правящему слою. Это явный признак скорой смены элиты и замещения нынешних «верхов» людьми, которые не боятся радикальных мер в области восстановления национального мировоззрения и подавления нигилистических мифологий и ориентированы на прорыв в области национальной мифологии, требующий введения в общественный обиход огромного пласта соответствующих тем и образов.

Элита и политический лидер – две конкурирующих и взаимодополняющих друг друга сущности, которые могут сотрудничать или противостоять друг другу, призывая себе в поддержку массы или общественное мнение. Различие между этими сущностями состоит в том, что вождь в истории нации скорее вероятен, чем неизбежен, а элита – неотъемлемый признак нации.

Макс Вебер отмечал: «Уже на раннем этапе истории религий перед нами предстает имеющее большое значение неравенство в религиозной *квалификации* людей, в дальнейшем получившее свое наиболее резкое выражение в кальвинистском учении о предопределении с ее «партикуляризмом благодати». Наиболее высоко ценимые блага, даруемые спасением,— экстатические и визионерские способности шаманов, колдунов, аскетов и разного рода боговдохновенных людей — были доступны не всем, обладание ими обусловливалось «харизмой», которую, правда, можно пробудить у некоторых, но не у всех. Из этого во всякой интенсивной религиозности возникла тенденция к своего рода *сословному* членению в соответствии с различием в харизматической квалификации. «Героическая» или «виртуозная» религиозность противостояла «массовой» религиозности…»[2]. «Представители обеспеченных слоев, обладающих почестями и властью, обычно создают свою сословную ле-

[2] М.Вебер. Хозяйственная этика мировых религий. В кн. Мистика, религия, наука, М.: «Канон+», 1998, с. 255-256.

генду на основе якобы особого присущего им качества, большей частью по крови: действительное или мнимое бытие этих слоев является тем, что питает их чувство собственного достоинства. Напротив, слои, социально угнетенные, отрицательно (или во всяком случае не положительно) оцениваемые по своему месту в обществе, основывают свое достоинство прежде всего на вере в предназначенную им особую «миссию»: их *долг,* или их (функциональное) свершение, гарантирует или конституирует для них их значимость, которая тем самым становится поставленной им Богом «задачей»»[3].

Известный религиовед и политолог Вячеслав Полосин указывает тот же момент: «Когда не профессиональный жрец-богослов, а обычный человек отмечает религиозный праздник, то он радуется не теологическим особенностям этого события, которые он может и не знать (а большинство их и не знает), а архетипу знакомой ему по жизни ситуации: благого рождения, благословенной смерти, избавлению от опасностей дорогих ему людей и т.п. — т.е. обобщенной типичной ситуации, но обязательно со счастливым концом, дающим и ему лично надежду на обретение относительного комфорта, а затем и полной стабильности бытия»[4].

На основании этих умозаключений мы приходим к тому, что мифология привилегированных слоев общества серьезным образом отличается от мифологии управляемых слоев. Наблюдаемое в современной России смешение двух мифологий – тяжкая ноша для общества и признак глубокого кризиса.

Достаточно удобным для понимания мифологии этих слоев является их функциональное членение по схеме кастового сообщества (точнее – системы варн) древней Индии: брахманы (духовная каста), кшатрии (каста воинов), вайшья

---

[3] Там же, с. 243.
[4] В.С.Полосин. Миф, религия, государство, М., 1998, с. 163.

(каста производителей и торговцев) и шудра (неприкасаемые, чернь).

В идеальной схеме некоей социальной утопии такое членение возможно, но в реальности современного общества нельзя не видеть и более сложного подразделения на социально-профессиональные группы, в которых важную роль играет род занятий, возраст, место жительства (тип населенного пункта) и др. факторы. Вместе с тем, можно мысленно представить себе объединение социально-профессиональных групп в близкие по мировоззрению сословные блоки, которые как бы воссоздают сословно-корпоративную структуру в новом виде.

Остановимся, прежде всего, на трансформации высшей «касты».

Религиозный виртуоз в древнем сообществе прибегал к разного рода умерщвлениям плоти, обрекая себя на страдания, и демонстрировал такие состояния, которые считались признаком причастности к потустороннему миру и к обладанию сверхчеловеческими, магическими качествами.

Вебер пишет: «…мистическое, оргиастическое, экстатическое переживание является специфически необыденным, уводящим от повседневности и от всякой рациональной целенаправленной деятельности, и именно поэтому мыслится «священным». В силу этого в ориентированных таким образом религиях жизненное поведение «мирян» отделяла глубокая пропасть от уклада сообщества виртуозов. Господство сословия религиозных виртуозов внутри общины легко переходило в магическую антрополатрию: виртуозу поклонялись как святому, его благословение, его магические силы покупались в качестве средства преуспевания в мирских делах и гарантии религиозной благодати. Мирянин был для буддийского и джайнистского бхикшу в конечном итоге источником дохода (примерно так, как крестьянин для землевладельца), позволявшим им, не занимаясь мирским трудом, который всегда препятствует делу спасения, жить

только для высших помыслов. Жизненный уклад мирян мог, тем не менее, обрести известную этическую регламентацию. Виртуоз религии был по своей природе пастырем душ: духовником и directeur de la l'ame[5] мирян, следовательно, часто обладал очень большим влиянием. Однако на мирян, «не обладавших религиозным слухом», он либо не воздействовал вообще, либо только в сфере церемониальных, ритуальных и конвенциональных моментов его (виртуоза) религиозного жизненного уклада. Ведь деятельность в миру всегда оставалась в принципе не имеющей значения и вела по сравнению со стремлением к религиозной цели в противоположном направлении. Харизма чистого «мистика» служила только ему, а не другим, подобно харизме мага»[6].

Вместе с тем, более «продвинутым» случаем, отражающим более глубокое влияние на общество религиозной мифологии, является служение религиозного виртуоза «в миру»: «Где религиозный виртуоз живет в миру в качестве «орудия» Бога и при этом лишен всех магических средств спасения, где ему предъявляется требование «доказать» этическим качеством своего поведения в миру, и только им, свою избранность перед лицом Бога (а это по существу означало самому себе) там, как бы с религиозной точки зрения мир ни отвергался в качестве тварного и сосуда греха, психологически он становился ареной угодной Богу деятельности в рамках «мирского призвания». Такая мирская аскеза, правда, отвергала мир в *том* смысле, что она презирала красоту и величие, дурман и грезы, мирскую власть и мирской героизм, поскольку они противостояли царству божьему. Однако именно поэтому аскеза не уходила из мира, как того требовало созерцание, но стремилась этически рационализировать мир в соответствии со словом божьим и поэтому

---

[5] Руководитель в спасении душ - фр.

[6] М.Вебер. Хозяйственная этика мировых религий. В кн. Мистика, религия, наука, М.: «Канон+», 1998, с. 258.

оставалась в специфически более глубоком смысле обращенной к миру, чем наивное «приятие мира» людьми античности или мирянами-католиками. Милость божья и избранность религиозно квалифицированного человека подтверждались именно в повседневности. Правда, не в повседневности как таковой, а в методически рационализированной повседневной дельности и служении Богу. Рационально понятая до призвания повседневная деятельность стала подтверждением избранности к спасению»[7].

Иными словами, мистик мог, поступившись частью своей святости, обратиться к миру и превратиться в подвижника. В этом случае возникала потребность и возможность объединения религиозных виртуозов в аскетические секты. При этом приходилось отказываться от средства магического или сакраментального характера. «Ибо и они связаны с отношением к деятельности в миру как к чему-то в лучшем смысле лишь относительно значимому и связывают спасение с не повседневно-рациональными действиями. Полностью достигнуто было то и другое — расколдование мира и перемещение пути к спасению из созерцательного «бегства от мира» в активное аскетическое его «преобразование» — только (если отвлечься от нескольких рационалистических сект, имеющихся повсюду), в больших церквах и сектах аскетического протестантизма»[8].

Таким образом, религиозная мифология приближалась к политической, поскольку в конечном счете создавала условия для рационализации духовной жизни и сближения ее с хозяйственными задачами и задачами управления обществом. Закладывались основы иерократии, отделявшей себя от созерцательных, оргиастических и экстатических сект и обособленных религиозных виртуозов. Здесь уже нельзя говорить о единой кастовой корпорации, поскольку иерокра-

---

[7] Там же, с. 258.
[8] Там же, с. 258-259.

тия всегда борется за признание организованными ею учреждениями дарованной свыше благодати и монополии на нее.

Третьей частью реструктурированного высшего сословия становятся интеллектуалы, берущие на себя создание рациональной концепции спасения от нужды, болезней, страданий и смерти и образа мира, в котором спасение возможно. «Ибо от этого образа мира и отношения к нему зависело, что означало и могло означать спасение по своему смыслу и психологическому качеству. Интересы (материальные и духовные), а не идеи господствуют непосредственно над деятельностью людей; но «образы мира», создаваемые «идеями», очень часто служили стрелками, указывающими путь, по которому действия были движимы динамикой интересов»[9].

Возникает феномен религиозного рационализма, который все больше вытесняет деятельность иерократии в сферу иррационального, захватывая в то же время и проблему иррациональных элементов в рациональной действительности. Иерократия, приобретая профессиональные навыки и знания, становится замкнутым сословием, оппозиционным индивидуализму религиозных виртуозов и интеллектуалов. «Поиски спасения индивидом или свободным сообществом посредством созерцания, оргиастических или аскетических средств казались этой иерократии в высшей степени подозрительными,— она стремилась их регламентировать и, конечно, контролировать»10.

Аналогичным образом произошел раскол и в военной касте, образовавшей сословия собственно военное и управленческое.

«Религиозные обязанности сводились для чиновничества просто к должностным или социальным обязанностям государственных подданных или представителей того или

---

[9] Там же, с. 248.
[10] Там же, с. 251.

иного сословия: ритуал соответствовал правилам, поэтому там, где религиозность определялась чиновничеством, она принимала ритуалистический характер.

Интересы *рыцарского воинства* также носили обычно чисто посюсторонний характер и были далеки от какой бы то ни было «мистики». Как правило, оно не испытывало, как героические воины вообще, потребности в рационалистическом осмыслении действительности и не обладало способностью к этому. В представлении воинов над богами и демонами, мыслимыми как полные страстей, доблестные герои, от которых можно ждать помощи или вражды, славы и добычи или смерти, стоит иррациональная «судьба», иногда неопределенно детерминированный «рок» (Мойры у Гомера)»[11].

Причем мифология рыцарского сословия во многом противостояла мифологии иерократии (жреческой корпорации) - до такой степени, что порой возникали обособленные религиозные системы. Скажем, в зороастризме Спаситель мира выступает как верховный Воин — победитель всемирного зла, а в иудаизме формируется учение о Мессии, становящегося главой жречества — раввината[12]. В Шумере царствующие первосвященники-энси на вершине социальной пирамиды были замещены воеводами-лугалями, когда этого потребовали задачи защиты от внешних врагов. В древнем Египте цари-первосвященники со временем превратились в воевод-императоров.

Тем не менее, в современных условиях, в силу ослабления власти Церкви, мощи воинских ритуалов и близости воинского аскетизма религиозному, конфликт во многом нивелируется, становится возможен симбиоз. Одновременно и управленческая элита находит с жречеством куда больше общего, ибо их интересы сходятся в области организации

---

[11] Там же.
[12] В.С.Полосин. Миф, религия, государство, М., 1998, с. 389.

ритуала, который является гарантией верности подданных (или национального единства) и повседневного благочестия верующих.

Третье сословие (или третья каста), бюргеры, как отмечает Вебер, – самый многозначный по религиозным возможностям слой, и котором, однако, более всего сохранялась возможность. возникновения этически рациональной регламентации жизни. Конкурентные преимущества получали в этом сословии те, что предпочитал деятельность созерцательности, готов был находить в деятельности, угодной Богу, свой долг.

«Обращающееся к знати и крестьянству пророчество Заратустры, обращающееся к воинам пророчество ислама, так же как пророчество и проповедь в иудаизме и раннем христианстве, обладали таким активным характером в отличие от буддийского, даосского, неопифагорейского, гностического, суфийского учений. Однако специфические рациональные выводы миссионерского пророчества были сделаны именно в среде бюргерства»[13].

К третьему сословию в современном обществе придется отнести существенную часть тех, кого обычно называют «средним классом» - служащих и квалифицированных рабочих. Напротив, часть третьего сословия, превратившаяся в высший слой менеджеров, переходит в сословие управленцев, а крестьяне-производители, чья деятельность не поставлена на промышленную основу, становятся люмпенами, маргиналами и переходят в четвертое сословие.

В этом, четвертом сословии более всего распространена вера в магию, колдовство и духов. Поэтому для контроля над этой средой от прочих сословий (а прежде всего, от политической элиты) требуются специальные магические технологии, порождающие сильные и запоминающиеся

---

[13] М.Вебер. Хозяйственная этика мировых религий. В кн. Мистика, религия, наука, М.: «Канон+», 1998, с. 253.

эмоции: создание образов вождей и пророков или же использование психотропных средств (ритуальных, информационных, алкогольных, наркотических).

Таким образом, в современном обществе можно выделить четыре социально-профессиональные сословия, объединенные не только в силу условий жизни, но и в силу определенных умонастроений (как будет показано ниже):

(I) религиозные виртуозы (святые, подвижники, старцы, верхушка иерократии) и интеллектуальная элита;

(II) иерократия, управленцы и военные;

(III) предприниматели (бюргеры), инженерные кадры, квалифицированные служащие и рабочие;

(IV) низкоквалифицированные промышленные и сельские рабочие, обслуживающий персонал.

В силу изменения социальной структуры российского общества в течение последний десятилетий, к последней категории относится большая часть безработных, пенсионеров и колхозников.

Для анализа отношений конкуренции между элитными группами и отношений лидер-ведомый между элитными группами и социальными группами, используем предложенную нами схему и социологические данные, отражающие политические предпочтения различных социально-демографических групп (Рисунок 1)[14]. Из приведенного рисунка видно, каковы мировоззренческие ориентации тех или иных групп и какие сословные «клубки» они образуют.

Теперь проследим каковы мифологические ориентации общества в целом в случае доминирования той или иной сословной группы.

[14] А.Н.Савельев. Ценностные системы и пространство политических предпочтений. «Континент-Россия» №14, 1998.

Поскольку I сословие относительно немногочисленно, оно может быть при выстраивании типа государственности лишь направляющей силой. Ее лидерство соответствует демократии в понимании древних – правлению лучших. Главная опора демократии – II и III сословия. Общество добивается баланса путем озаглавливания жреческой, военной, управленческой и бюргерской корпораций религиозными виртуозами и ведущими интеллектуалами.

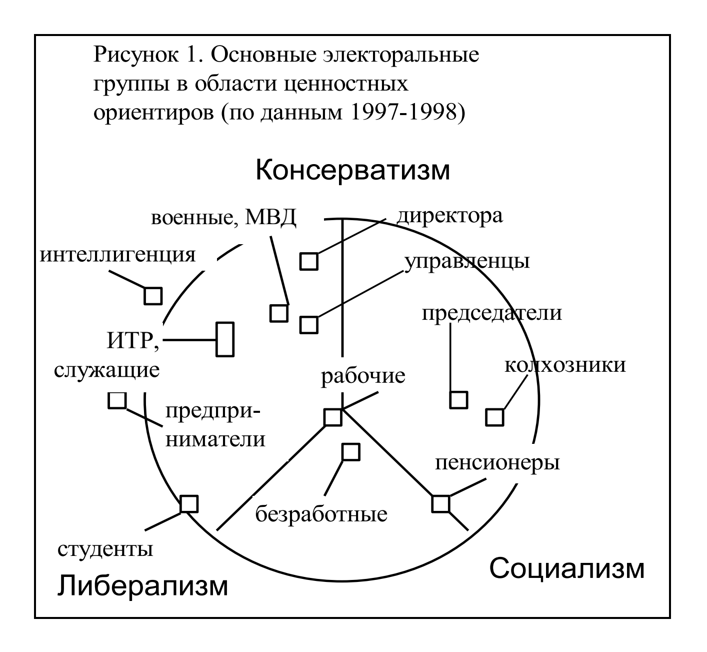

Рисунок 1. Основные электоральные группы в области ценностных ориентиров (по данным 1997-1998)

Тогда культ склоняется «к мифологически-напоминательному воспроизведению прошлых событий в сознании участников действа, где и происходит искомый «катарсис» — внутреннее переживание реального присутствия Божества и *нравственное отождествление* себя с ге-

роями мифа. очищение души по «образу и подобию» Бога и его святых»[15].

Народ осознает себя в качестве нации — Родины-Матери, рождающей сверхчеловека, контролируемого профессиональными корпорациями. Образ Бога-Творца не антропоморфизируется, аллегорические образы Родины-Матери и национального сверхчеловека не обожествляются.Усиление II сословия создает неустойчивый режим, в котором между собой в мифологическом пространстве конкурирует военная аристократия и иерократия, которым то и дело приходится апеллировать к управленческой элите и IV сословию, более всего подверженному чисто эмоциональному восприятию мифа.

Национальное единство в этом случае возможно лишь под властью разветвленного и рутинизированного ритуала. Из этого состояния рано или поздно понадобится выход. Он открыт либо в сторону подчинения лидерству I сословия, либо в сторону профанирования ритуала и создания тиранического режима в результате сговора IV сословия и вождя (церковного, военного или светского), либо (в наиболее мягком случае) – в сторону временного компромисса в системе конституционной монархии.

Опасность союзов с IV сословием связана с тем, что люмпенская масса требует примитивной социальной магии, «в религиозно-магическом сознании герой или пророк из посредника превращается в живое воплощение либо наместника, живую «замену» Божества, орган его *посюстороннего* реального присутствия и воздействия на естественный ход событий. При этом для магического сознания это воздействие Божества подчинено воле воплощающего его человека»[16]. Человек как бы становится сильнее богов, которыми

---

[15] В.С.Полосин. Миф, религия, государство, М., 1998, с. 173.
[16] Там же, с. 170.

он может управлять по собственной воле с помощью заклинаний.

Устремленности к политической магии более всего соответствует пантеистическое сознание, для которого человек — «недостойный раб, чернь, винтик, ценность которого возрастает лишь в меру присутствия в нем потусторонней тени (актуальной благодати, пассионарности из прошлого или и будущего) и в меру соответствия его имиджа глобальным планам потустороннего мира (возвращенного «золотого века», параллельно-симметричного царствия Божия или светлого будущего рая) в отношении полной инкорпорации им этого мира — его «освящения», «обожения». Место Родины-Матери занимает глобальный посредник между этим и тем мирами: магический человекобог или жреческая корпорация — одна или в союзе с какой-либо иной правящей политической элитой: военно-аристократической, олигархической или бюрократической»[17]. Вождь-сверхчеловек получает не подконтрольную нации абсолютную власть.

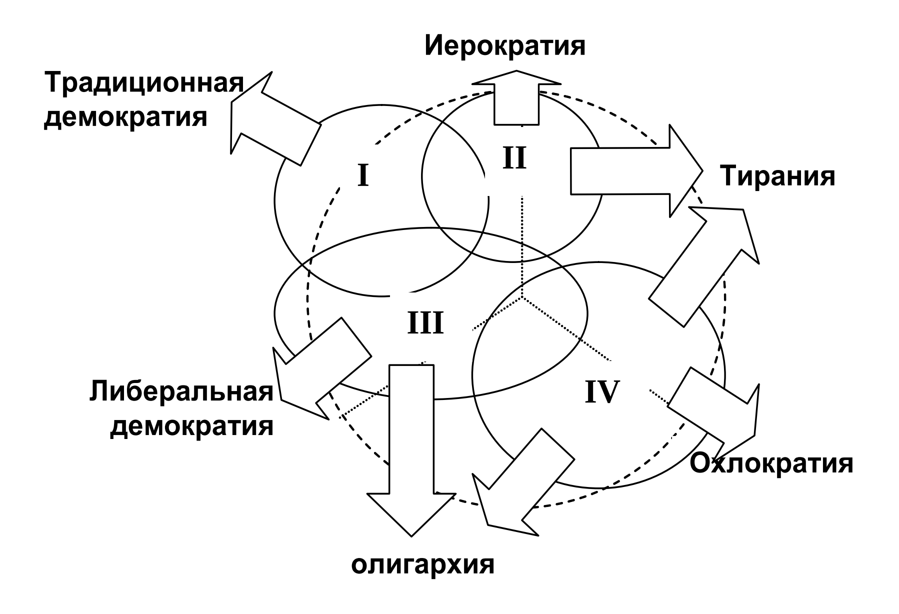
«На образ национальной Родины-Матери накладывается образ «Небесной Великой Матери», «Царицы Небесной» — персонифицированной в жреческой корпорации, церкви, которая заменяет собой реальную Родину-Мать и рождает сына-царя не от условного Прародителя нации, а от Отца небесного, сходящего в Духе. Отсюда божественный сын — царь приобретает богоносные или человекобожеские черты, а иерократия как государственный строй становится неотделимой либо от режима политической теократии, либо от режима самодержавия»18.

Культ склоняется «к магической вере в *буквальную тождественность* потусторонних персонажей с посюсторонними людьми, объектами фауны и флоры и реальность явления потусторонних персонажей во плоти тождествен-

[1717] Там же, с. 141.
[18] Там же, с. 349.

ных им и замещающих их объектов вследствие чего возможно общение с ними посредством ритуала («теургии» — «богоделания», «мистерии» — «тайнодейства» или шаманских заклинаний) с заведомой целью получения от них конкретного сверхприродного воздействия на повседневную жизнь, которое может совсем не затрагивать личность, внутренний мир человека»[19].

Рисунок 2. Государственно-политические «проекты» сословных групп в пространстве политических предпочтений.

В необходимости постоянного подтверждения харизмы очевидными победами (а значит – в необходимости постоянной игры на низменных страстях толпы)— главная

[19] Там же, с. 173-174.

слабость и причина относительной неустойчивости власти II сословия.

Лидерство III сословия, вынужденного более всего опираться на поддержку IV сословия, ведет к олигархическому правлению и утрате национальной перспективы. Формируется олигархический режим. Предельная рационализация ликвидирует культ как таковой, общество утрачивает контроль над иррациональными параметрами бытия.

Олигархия создает особую политическую мифологию, декларируемая цель которой - сделать законы рынка универсальными и устранить все иные пути приобретения материальных благ.

Собственность объявляется священной. Но в действительности социальная практика лидирующего III сословия основана на утверждении статуса сложившегося владения имуществом среди наиболее экономически мощных субъектов. Это значит, что альянс с IV сословием никогда не будет прочен, а со стоны II сословия всегда будет более или менее открытая оппозиция, выдержать которую в течение длительного времени III сословие не в состоянии.

Наконец, торжество IV сословия – это состояние бунта, гражданской войны, охлократического террора. Культ склоняется к футуристической вере в скорую реализацию утопии. Желаемое поглощает должное. Мифология заменяется стихийным желанием толпы.

Естественная трансформация бунта – установление тиранического правления или власти скрытой олигархии, управляющей с помощью демагогов.

В соответствии с позициями социальных групп в пространстве политических предпочтений, а также на основании их мифологических ориентаций, можно представить, какие государственно-политические проекты несет доминирование одной из сословных групп (Рисунок 2).

В современной России наблюдается отсутствие концептуальной мифологии или подмена ее мифологией сию-

минутной, обрывочной. Поэтому политика превращается в череду разоблачений, в беспрерывную смену одних лжецов другими. Это явный признак охлократии или демагогократии с олигархической властью за кулисами.

Отсутствие у государственной «верхушки» мифологической системы указывает на лидерство III сословия, которое ищет поддержки только в IV сословии. Отсюда и все признаки олигархического режима с элементами охлократии в избирательной системе и политической риторике.

Заметим, что деинтеллектуализированное III и IV сословия оказываются наиболее податливыми воздействию консциентального оружия, ломающего национальное мировоззрение. Именно здесь легко поселяются контр-мифы, распространяемые СМИ и уничтожающие национальную мифологию, подменяющую ее калейдоскопом реклам, карикатур и анекдотов.

Особенностью современной ситуации является то, что некоторые сословные и профессиональные группы стремятся, собственно, не к целям России, не к возможности формулировать такие цели, а к тому, чтобы целей у страны не было. Соответствующая стратегия рассчитана на то, чтобы противопоставить любым идеям силу внушения, снижающую личностную энергетику (личность «засыпает», ее кругозор сужается, уровень актуализации снижается).

Психолог Юрий Громыко[20] называет соответствующие механизмы «стимуляционными машинами», которые отщепляют индивидуальное сознание от социума и вынуждают к имитации активности. В результате создается ложная среда, в которой существование сознания имитируется или подменяется химеричными формами его осуществления. «Стимуляционные машины» создают «группы участия» – фиктивные общности или модифицируют отдельных видных деятелей, предлагая их в качестве образцов для подра-

[20] Ю.Громыко. Консциентальное оружие. РАО №8-9, с. 79.

жания (к примеру – «новые русские» в малиновых пиджаках или полностью сменивший внешность и стиль речи Григорий Явлинский).

В современной России теоретической основой консциентального оружия стал «постмодернизм», который не порожден закономерностями внутреннего развития страны, а имплантирован в нее извне. Результатом имплантации стал тот «новый стиль», который прижился в крайне немногочисленном слое населения (в основном столичного и связанного с инфраструктурой средств массовой информации), но превратился в образец для подавляющего большинства средств массовой информации.

На результаты внедрения «постмодернизма» обращает внимание современный исследователь Нина Громыко[21], относя к таковым

- стилевой синкретизм, смешение жанров;
- языковую игру, интертекстуальность (стиль «стеба», самопародия, размывание значений русского языка);
- нарочитую недоговоренность, непроясненность, нарочитые ошибки и оговорки.

«Постмодернистский» проект, внедренный в нашу страну с весьма непрезентабельными целями, является мифо-технологией, направленной на изведение русского самосознания, русского волевого начала, блокаду политических проекций русского традиционного мифа. В наиболее явной форме данная мифо-технология проявлена именно в политике, в стиле и методах обсуждения политических тем средствами массовой информации.

Последствия рекламной профанации политики как для «верхов» общества (правящей номенклатуры, крупных и мелких собственников) так и для «низов» весьма сущест-

---

[21] Н.Громыко. Постмодернизм – оружие массового поражения? РАО №7, 1998.

венны. Ведь за профанацией политики неизбежно следует профанация государственности и вырождение общественных институтов.

Разлагающей силе контр-мифологических технологий может быть противопоставлена только конструктивная сила гражданского общества, структурированного в общественные, творческие, политические объединения, каждое из которых вносит свою лепту в национальную мифологию. Корпоративный политический миф, в котором концентрируются не только общие для всех архетипические ориентиры, но и ценности данной социально-профессиональной группы, становится щитом против «оккультной войны», против разрушительного манипулирования общественным сознанием.

В связи с виртуальным характером российской многопартийности и пустотелости политических мифов, формирующих образы политических героев, что были рождены в эпоху перестройки, возникает необходимость формирования корпоративных политических мифов орденского типа. Отчасти орденская технология уже используется в России на некоторых частных предприятиях, сословных группах (например, выпускники Суворовских училищ, участники Афганской войны и т.п.), в религиозных братствах, а также в криминальных сообществах, где появляются писаные этические кодексы. Но речь идет о такого рода структурах орденского типа, которые оказывали бы существенное влияние на политические процессы.

Право на особую форму духовной жизни, определенную рациональность в использовании бессознательно порожденных мотивов политического выбора и использование мифологии в целях общественного управления может быть признано лишь за теми, кто отъединен от массы. Между тем, отшельническое отъединение не имеет ничего общего с лидерством, руководством массой. Следовательно, возникает необходимость в той или иной форме организации, отделен-

ной от массы, но ставящей себе задачи управления. Именно такую организацию мы и называем организацией орденского типа.

Московичи подходит к пониманию орденской структуры со стороны идеи «светских религий»: армии, церкви, партии «используют совокупность церемоний, эмблем, паролей (вспомните франкмасонов!), которые ее защищают и пресекают всякую попытку ее раскрыть. Она служит для оправдания иерархии. Индивид, который поднимается по ее ступеням, приближается к этому священному пункту, другие остаются на дистанции»[22].

Здесь Московичи произносит ключевое слово, которое он обычно старается всячески избегать. Это слово «иерархия», тянущее за собой тезис о «тайне веры», раскрывающейся по-разному на той или иной ступеньке иерархии. Между тем, почти вскользь оброненные слова французского социолога отражают важнейшие элементы любой общественной организации, без которых структуры гражданского общества должны быстро рассыпаться или обюрокрачиваться.

Именно в этом еще в начале XX века направлении развивал свои идеи Габриэль Тард: «…потребность в иерархическом строе среди разросшихся обществ стала до того сильна, что по мере их демократизации, как это ни странно, им порою все более и более приходится принимать военную организацию, укреплять, усовершенствовать ту по преимуществу иерархическую и аристократическую организацию, которая называется армией, не говоря уже об администрации, этой второй огромной армии; и этим путем, они, быть может, готовятся по миновании воинственного периода, под эгидой мира, промышленности, науки и искусства облачить-

[22] С.Московичи. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Издательство «Центр психологии и психотерапии», 1996, с. 423.

ся в корпоративную оболочку, чтобы стать огромной мастерской»[23].

Таким образом мы видим, что мифология корпоративных групп становится неотъемлемой частью современного общества. Не символы оправдывают иерархию, а сама иерархия создается символами, происходящими из «тайны веры». В идеале корпоративное сообщество порождается мифом и само порождает мифы, которые закрепляют иерархические принципы в усложняющемся мире. Группы, сформированные по принципу братства или ордена, включенные в корпорацию, обеспечивают горизонтальные связи, придавая иерархической конструкции прочность.

Задача замены «постмодернистской» модели формирования национального самосознания моделью конкуренции корпоративных мифов натыкается на покуда не проявленную у элитных социальных групп «волю к власти». Созревшая до политических задач группа, как отмечал французский социолог Пьер Бурдье, ведет непрерывно борьбу, дабы навязать другим свое видение мира, свое представление о социальной идентичности тех или иных групп. В конкуренции за обладание правом внушать обществу свои представления о здравом смысле достигается баланс интересов социальных групп, кристаллизуется национальная идея и стратегия общенационального успеха.

В современной России такой баланс достигнут быть не может, пока не отомрет ставший фальшивым миф ранней перестройки о противостоянии «демократов» и «коммунистов», пока социальные группы не станут действительными субъектами политической конкуренции.

Действительно, современную российскую ситуацию определяет раздробленность социально-профессиональных корпораций и противоборство химерических кланов, сло-

---

[23] Г.Тард. Мнение и толпа. В кн. «Психология толп», М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998, с. 372.

жившихся вокруг олигархических групп. В результате угнетаются перспективы формирования корпоративных мифов, а каждая из олигархических групп претендует на право манипулировать сознанием нации, исходя из своих корыстных интересов. Такая система не может быть жизнеспособной и соответствует переходному периоду.

Вероятно, в ближайшем будущем преимущество в борьбе за власть получит та политическая сила, которая сможет решить промежуточную задачу: предложить обществу букет сословных мифов и угадает точку равновесия, в которой эти мифы дадут максимальный мобилизационный эффект. Соответствующую интеллектуальную задачу, на наш взгляд, может решить только организация орденского типа, в которой подавлен вождистский импульс и олигархический интерес, но признаны интересы и ценности сословных групп.

После этого можно будет надеяться на фрагментирование доминирующей политической группировки по сословно-профессиональным корпорациям, каждая из которых в отдельности сможет развивать собственный сословный миф, а вместе они сформируют национальный миф сословно-корпоративного общества.

Валерия Михалюк,
кандидат политических наук,
эксперт Фонда «Русский проект»

ТИПОЛОГИЯ РЕГИОНОВ И СТРАТЕГИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ФЕДЕРАЦИИ

Настоящее исследование ставило перед собой две основные цели: первая, выяснить насколько рейтинг статистический совпадает с реальным положением дел в регионах и насколько возможно отобразить имиджевые представления российского населения о региональном строении нашего государства. Статистическое путешествие по российским регионам показало, что в случае соединения репрезентативной социологической методики и проецирование ее на имеющуюся статистику только и можно получить вполне объективную картину.

Инструментарий исследования состоял в следующем : одновременно велись социологические опросы по общенациональной репрезентативной выборке ВЦИОМ, а также направленные фокус-группы и одновременно анализировались последние статистические данные - здесь основу составляли процентное соотношение доходов к прожиточному минимуму, обеспеченность определенным количеством квадратных метров жилья на душу населения и число преступлений, совершенных на душу населения в той или иной местности.

Первый параметр - процентное соотношение доходов к прожиточному минимуму отчасти позволяет судить о материальной стороне жизни в тех или иных уголках России. Второй - обеспеченность определенным количеством квадратных метров жилья на душу населения отчасти свидетельствует о социальных аспектах регионального развития. Третий параметр - число преступлений, совершенных на душу населения в той или иной местности, говорит сам за себя :

любые материальные блага, если они никем не защищены становятся ненужными. По определенной методике регионам присваивалось место (чем лучше показатель, тем выше место в рейтинге). Далее поводилась операция сложения места каждого региона и получался индекс качества жизни.

Помимо основных базовых показателей обращалось внимание на инфляцию и благосостояние, которые нельзя в России связывать напрямую, как это делается в западных странах. В Росси чем больше благосостояние, тем выше инфляция. Ни в одном из регионов инфляция не поглотила само понятие благополучия. Например, самый большой ее показатель – в Москве.

Имиджевый рынок: выставка достижений

Несмотря на инфляцию, Москва занимает первое место в рейтинге по качеству жизни, причем с большим отрывом. При этом соотношение средней зарплаты трудоспособного населения Москвы к прожиточному минимуму составляет 246,8%. Становится понятно, что не на одну зарплату живут москвичи. Неужто на пенсию? Кстати, разрыв между этими двумя показателями в Москве самый большой по сравнению с другими регионами, впрочем как и число работающих одновременно на нескольких работах. Правда, московскую картину смазывает рост числа преступлений, совершенных на 1000 человек (сейчас эта цифра составляет 8,1). Да, и к тому же экологическая ситуация оставляет желать лучшего. Эта картинка не будет полной, если не добавить, что при этом 82% опрошенных считают, что Москва живет большей частью за счет регионов.

Обратимся к рассмотрению экономических и качественно-имиджевых характеристик ведущих регионов.

После Москвы, неплохие позиции у Белгородской области. Здесь вполне терпимое соотношение доходов и прожиточного минимума, а также соотношение средней зарплаты к минимуму. Вот где живут добропорядочные

граждане: доходы практически равны официальной заработной плате. По обеспеченности жильем белгородцы перещеголяли москвичей: 20,8 кв. м на душу населения. Число преступлений на тысячу человек составляет 11,5. Прирост цен – 67,6%.

На третьем месте Липецкая область. Этот регион можно сказать даже последствия 17 августа затронули незначительно. Здесь весьма велико соотношение доходов к прожиточному минимуму, которое даже превысило показатель 1997 года. Показатель жилья на душу населения – 19,9 кв. м, зарегистрированная преступность – 13,6 преступления на тысячу человек, что само по себе является довольно неплохими показателями.

А вот следующий результат исследования несколько опровергает устоявшееся мнение, о том, что на российском Севере дела совсем плохи. Результаты опросов и фокус-групп вывели на 4-е место Мурманскую область. Инфляция в крае моряков достаточно высока, но соотношение доходов к прожиточному минимуму позволяет сносно при ней существовать. Оказывается, на Севере на зарплату может жить гораздо больше людей, чем принято думать.

Следующая пятерка из десятки ведущих регионов начинается с Республики Саха (5-е место). Далее следует Ямало-Ненецкий автономный округ. Шестое место практически поровну делят Архангельская область, Татарстаном и Нижегородская области. Хотя, именно жители этих регионов в основной своей массе по данным фокус-групп числятся безработными и не платят налогов.

Седьмое место делят две области две области из Поволжского района - Ульяновская и Самарская. Они схожи по показателям доходов и жилья (256,5% и 280,3%, 18,1 и 18,8 кв. метров на чел. соответственно), но по количеству преступлений Ульяновская область впереди (14,6 против 10,5 на 100 тыс. человек). Данные фокус-групп по занятости говорят о том, что, судя по всему, ситуация в Поволжье вполне тер-

пимая, по сравнению со всей Россией: безработица на уровне 10,5 в Ульяновской области и 14,6 - в Самарской.

Восьмая позиция в рейтинге у двух исконно русских областей - Рязанской и Орловской. В Орловской соотношение доходов с прожиточным минимумом выше, чем в Рязанской (194,8% и 218% соответственно), но с жильем дело похуже (18,9 против 19,7 кв. м на человека). Кроме того, в распределении этих двух мест также сыграла роль сравнительно низкая преступность (12 преступлений на 100 тыс. чел. в Орловской и 19,7 - в Рязанской области). Показатель безработицы в этих местах относительно невелик и составляет 7,3 и 7,8 безработных на 1000 жителей соответственно.

Девятое место держит Тульская область, десятое у Тюменской.

Шестые-десятые места рейтинга - это скорее уже "середняки”, у которых есть потенциал вырваться вперед. Картина вполне может измениться с течением времени. Возможно, потенциал регионов будут определять такие показатели как размер инвестиций, производство промышленной продукции, производство технологически и научно-инновационной продукции в плане материальной и интеллектуальной собственности. Неплохой потенциал у Ростовской области. А вот количеством правонарушений отличаются Приморский край, Архангельская область, Сахалин и Республика Бурятия.

Такую ситуацию трудно объяснить высокими доходами, в частности на Сахалине они не так уж велики по сравнению с остальными регионами.

Оставив в стороне преступность, можно сказать, что около среднего уровня перспективности и ближе к отстающим почему-то оказались Тюменская, Челябинская область и Красноярский край.

Такому, на первый взгляд, странному распределению мест все-таки есть объяснение. Если ваши доходы велики, то, наверное, в той местности, где вы их зарабатываете, не

очень-то строят для вас жилье, поскольку власти держат в голове нехитрый расчет: жить в условиях не самой лучшей климатической зоны долго вы не станете и уедете на родину - в Воронеж, Липецк или куда-нибудь еще. А ваше место займут другие люди, тоже желающие заработать.

Интересны данные по Воронежской области, на первой взгляд больше неблагополучной, чем благополучной. Оказывается, что этот взгляд в достаточной степени обманчив. Официальная столица Черноземья приближается по уровню жизни к почетной десятке. Действительно, после спада времен застоя (имеется в виду внешнее запустение и отсутствие продуктов) Воронеж опять расцветает и превращается в нарядный купеческий город. Соотношение доходов с необходимым минимумом расходов составляет в Воронежской области 192,9%. По нашему условному показателю этот регион занимает пока 15-е место.

И все-таки вышеперечисленным регионам много не хватает, чтобы по праву называться лидерами. А именно - возможностей так называемого качественного расширенного воспроизводства , завязанного на проблему инвестиций.

Своеобразной «лакмусовой бумажкой» при выявлении качественной имиджевой характеристики отстающих регионов оказался вопрос в анкете и предложение в ходе фокус-групп выбрать регион, в который респондентам хотелось бы переехать как на постоянное место жительство, так и в смысле поиска работы или ряда других причин. Соотношение оказалось однозначным - в «слабые» регионы, оказавшиеся в хвосте рейтинга, в ближайшее время переезжать никто не планирует. Это некоторые из сибирских и дальневосточных районов, прежде всего Республики Тыва и Бурятия, Читинская область, Алтай и Алтайский край.

В Тыве доходы в процентах к прожиточному минимуму составили всего 68,8, жилой площади там оказалось 12,1 кв. м на душу населения. Преступность довольно велика - 22,4 преступления на 100 тыс. человек. Однако уровень

зарегистрированных безработных не так уж и велик – 11 на 1000.

В Бурятии процентное отношение доходов к прожиточному минимуму составляет 142,6%, на душу населения приходится 15 кв. м общей площади жилья. Правда, по показателю преступности этот регион все же обогнал Бурятию - 12,8 зарегистрированных в 1997 преступлений на 100 тыс. жителей.

В Читинской области процентное отношение доходов к необходимым расходам составило всего 92,1, но мрачную картину скрашивают обеспеченность жилой площадью (15,4 кв. м на чел.) и несколько меньшая, чем у аутсайдеров, преступность (показатель - 23, 5).

Так же нелегка, получается, жизнь на Сахалине, Алтае и в Хабаровском крае. Данные из таблицы говорят о том, что больше всего зарегистрированных безработных приходится на Сахалинскую (19 на тысячу человек) и Читинскую области (23,5). В Хабаровском крае отношение доходов к необходимым расходам составляет 153,3%, на душу населения приходится 17,6 кв. м общей площади жилья, безработных не так много - 17,4 зарегистрированных на тысячу человек. Но преступность поднялась до опасного уровня - 25,3 правонарушения на каждые 100 тыс. человек.

Близкими к десятке отстающих по качеству жизни районов оказались Калмыкия, Курганская область, и Республика Ингушетия. Например, в "шахматном королевстве" Калмыкии отношение доходов к расходам составило 122,5%, обеспеченность жильем - 15,5 кв. м на душу населения, уровень зарегистрированных безработных велик - 32,5 на тысячу человек. До осуществления мечты о процветающих Нью-Васюках пока далеко... В Курганской области уровень преступности 23,9, невелики доходы по отношению к прожиточному минимуму - 162,9%, жилья приходится по 17,1 кв. м общей площади на душу населения. Однако пока-

затель зарегистрированных безработных вполне терпим - 17,9 на тысячу человек.

Имиджевая таблица регионов России
(чем выше позиция, тем больше возможностей
к изменению положения к лучшему).

	Группа лидирующих регионов	***рей-тинг***	***Группа «отстающих» регионов***	***рей-тинг***
1.	Москва	+20	Республика Тува	-5
2.	Белгородская обл.	+19	Читинская обл.	-6
3.	Липецкая обл.	+18	Коми-Пермяцкий автономный округ	-7
4.	Мурманская обл.	+16	Республика Алтай	-9
5.	Республика Саха	+16	Агинский Бурятский автономный округ	-10
6.	Ямало-Ненецкий автономный округ	+15	Усть-Ордынский Бурятский автономный округ	-11
7.	Республика Татарстан, Самарская и Нижегородская обл.	+15	Еврейская автономная область	-13
8.	Орловская и Рязанская обл.	+14	Республика Бурятия	-15
9.	Тульская обл. и Архангельская обл.	+13	Республика Хакасия	-17
10.	Тамбовская обл. и Кабардино-Балкарская Республика	+11	Амурская область	-20

Прирост потребительских цен по регионам России
(по убывающей)

	Группа лидирующих регионов	***Группа «отстающих» регионов***
1.	Москва	Республика Бурятия
2.	Московская область	Республика Хакасия
3.	Белгородская область, Ямало-Ненецкий автономный округ	Новосибирская область
4.	Республика Татарстан	Республика Алтай
5.	Республика Башкортостан, Липецкая область, Краснодарский край	Архангельская область
6.	Ульяновская область	Магаданская область
7.	Кабардино-Балкарская Республика	Эвенкийский автономный округ
8.	Самарская область	Курганская область
9.	Орловская область	Республика Тува
10.	Тюменская область	Еврейская автономная область

Центр и регионы: доверие и полномочия

Центр не ладит с регионами не только в России, с этой проблемой сталкиваются многие страны и не обязательно на почве национальных конфликтов. Рузвельт выводя страну из кризиса в свое время потребовал прекратить несвоевременные дебаты о расширении суверенитета американских штатов, ссылаясь на возможность ее решения только после преодоления кризиса. Когда же кризис был преодолен , вопрос решился сам собой.

Сейчас права регионов расширены, а предоставленным возможностям позавидовали бы и сами вышеупомянутые штаты США в 30-х годах. Но, как показывает опыт других стран, расширения полномочий и свобода не всегда однозначно приводят к успеху на региональном уровне. Ожидаемый эффект может быть и обратным: пока новые про-

граммы, разрабатываемые федеральным Центром, на уровень качества жизни в регионах повлияли мало.

Саму же оценку качества жизни в регионах приходится проводить по двум координатам: преуспевающий регион-Центр, средний регион - Центр, глубинка -Центр. Интересно, что практически во всех регионах в целом около 43% населения живет на грани прожиточного минимума. При этом в регионах Севера, Центральной части России, в преимущественно русских областях Юга России, а также в Москве и Санкт-Петербурге наиболее высокий процент людей уже приспособившихся к переменам, произошедшим в стране в течении последних 10 лет. Это практически каждый пятый. А вот на Дальнем Востоке, в Уральском регионе и в Сибири, а также в ряде национальных автономий и областей, спутников наиболее крупных городов (Московская, Ленинградская и др. области) наиболее часто встречаются самооценки типа не сможем приспособится или даже никогда не сможем приспособиться вообще. Их больше и сейчас цифры подобных самооценок зависают на уровне 40-45%.

Существующий дисбаланс в отношении Федерального Центра и регионов оценивается общественным мнением достаточно негативно. Практически во всех случаях как респонденты, живущие в благополучных регионах, так и отстающие защищают интересы местных властей и встают на их сторону. Так, 32% опрошенных считают, что местные органы власти честнее оценивают ситуацию в России. В отношении федеральных властей такой точки зрения придерживаются лишь 13% опрошенных. Практически та же картина и в отношении эффективности предлагаемых путей выхода из кризиса: 27% за то, что лучше в этом плане работают местные органы власти и 14% - федеральные. Характерно правда, что все-таки наибольшее количество голосов отдается позиции - "ни те, ни другие"(43-44% соответственно).Получается, что российское население не видит широких возможностей как местных, так и центральных властей в

реальной оценке сегодняшней ситуации, и соответственно сомневается в выборе ими оптимальных путей дальнейшего развития.

Проблема доверия как своим, так и чужим стоит также достаточно остро. Собственным главам администраций скорее не доверяют, чем доверяют: 45% против 35%. В отношении центральных разрыв еще больше.

Другой показатель - отношение собственно к столице, говорит сам за себя - 82 % опрошенных считают, что Москва живет большей частью за счет регионов, а их собственный регион или область больше отдает, чем получает. Особенно характерны такие высказывания для жителей регионов доноров, но встречаются не редко такие ответы и среди населения отстающих дотационных регионов.

Есть и обнадеживающие моменты: как ни критикуется роль Москвы желание найти ей замену у российского населения нет - 76% против переноса столицы в другой крупный город.

В настоящее время происходит поиск оптимального баланса общенациональных и региональных интересов. Возможно ли разорвать порочный круг бюджетного дефицита, невыплаченных зарплат и социальных пособий? Общественное мнение, которое в силу обладания своеобразным внутренним голосом, редко ошибается высказывается достаточно оптимистично. Так, 64% опрошенных считают, что дальнейшее повышение самостоятельности регионов позволит лучше решать проблемы социальной защиты населения. Отрицательно к расширению самостоятельности регионов относятся 24% респондентов. Далее - 70% считают, что предоставление большей самостоятельности позволит лучше решать хозяйственные вопросы их области или региона. То же, что самостоятельность мало чем в этом поможет считают 19% респондентов.

В отношении преступности у граждан (вне зависимости от региона) остается озабоченность личной безопасно-

стью и незащищенностью, отсюда и растущие в целом показатели неуверенности в завтрашнем дне. 53% в решении этой проблемы уповают опять-таки на повышении региональных полномочий и возможностей. Правда, практически каждый третий, напротив, считает, что проблему надо решать на более глобальном уровне и самостоятельность не намного изменит картину.

Какие органы власти - местные или федеральные, с вашей точки зрения…

	…честнее оценивают ситуацию в России?	…предлагают более эффективные пути выхода из экономического кризиса?
Местные	32	27
Федеральные	13	14
ни те, ни другие	43	44
Затрудняюсь ответить	12	15

	Определенно да	скорее да	скорее нет	Определенно нет	Затрудняюсь ответить
Доверяете ли вы главе администрации вашего населенного пункта?	17	28	25	20	10
Согласны ли вы с утверждением, что Москва живет большей частью за счет регионов?	53	29	8	2	9
Как вы считаете, ваш регион больше полу-	13	17	23	24	25

чает от федеральных властей в Москве, чем отдает, или больше отдает, чем получает?					
Хотели бы вы, чтобы столицу России перенесли из Москвы в какой-нибудь другой крупный город, или нет?	3	4	27	59	7
Как вы считаете, позволит ли дальнейшее повышение самостоятельности регионов лучше решать вопросы социальной защиты населения?	25	39	17	7	12
Как вы считаете, позволит ли дальнейшее повышение самостоятельности регионов лучше решать хозяйственные вопросы развития вашей области?	28	42	14	5	11
Как вы считаете, позволит ли дальнейшее повышение самостоятельности регионов лучше решать вопросы сокращения преступности?	20	33	20	10	17

ВЦИОМ, общенациональная репрезентативная выборка, опрошено 2400 человек, поэтапное исследование февраль - апрель 1999 года

Итак, как бы там ни было, население в регионах позитивно относится и поддерживает шаги по развитию местного самоуправления. Правда, предоставление долгожданной самостоятельности регионам приходит с большим опозданием: Центр слишком поздно понял, что делиться все-таки на это раз придется ему, почему и пошел на значительное разграничение региональных полномочий. Хотя насколько это будет эффективным в сложившейся ситуации сказать однозначно нельзя :это только сказка быстро сказывается от местного самоуправления провозглашенного до практического предстоит пройти не простой путь. По самым скромным экспертным подсчетам процесс регионального реформирования опаздывает сейчас минимум как лет на десять. Поэтому реально потребуется не меньше 12-18 лет, чтобы эффективно наладить региональный механизм местного самоуправления.

Грядущая перегруппировка регионов

Данные исследований позволяют утверждать, что попытка исследования качества жизни и его имиджевых составляющих на региональном уровне в России сродни головоломке с названием "У кого есть иммунитет против кризиса?" Похоже, российским регионам вскоре придется решать задачку - как из 89 субъектов Федерации составлять 12 или 24? При условии, чтобы ни один из регионов не должен потеряться.

В таком случае встает вопрос, вокруг каких регионов пойдет группировка? Наиболее сильными в плане социально-экономического потенциала, а значит, имеющими право претендовать на роль объединительных центров, сегодня являются Москва, Санкт-Петербург, Свердловская, Московская, Самарская, Белгородская, Новосибирская, Нижегородская, Тюменская и Архангельская области, республики Татарстан и Саха (Якутия), Башкортостан, Ханты-Мансийский

автономный округ, Красноярский край и Кабардино-Балкарская Республика.

Сейчас в России явно складывается группа экономических регионов-лидеров с высоким уровнем инвестирования и потенциального развития. Это Московский, Северо-Западный, Донской, Дальневосточный и Уральский центры. От того, как будут развиваться интересы этих регионов внутри России, зависит и ее будущее в целом.

На первый взгляд, чтобы повысить свой рейтинг, регионам необходимо убедить инвесторов в своей привлекательности и возможности собственными силами создать жесткий контроль за сбором налогов. Но выиграют все-таки только те регионы, которые смогут осуществить эффективное управление человеческими ресурсами. Невозможно не считаться с тем, что как минимум четверть населения в каждом регионе можно отнести к разряду бедных. Мобилизация возможностей этой категории граждан может повлиять на позитивный или негативный исход региональной перегруппировки. К тому же, как показало время, потуги по созданию однородной экономической среды, несогласованность хозяйственных механизмов в наднациональных масштабах во многом породили кризис, который сейчас переживает Россия.

Основные предложения по решению проблемы государственного устройства сводятся часто к взаимоисключающим позициям: 1) возрождение унитарной России и раздел ее на губернии; 2) создание жесткой квази-федерации; 3) развитие Федерации с уравниванием прав ее субъектов и поднятием их до прав республик; 4) сохранение все в том виде, как существует сегодня; 5) приостановка выравнивания прав до лучших времен; 6) уравнивание прав всех субъектов с восстановлением губернского принципа деления России; 7) укрепление и развитие прав российских республик, которые они определят сами; 8) отделения отдельных регионов от России, дезинтеграция и сепаратизм.

Трагичность сегодняшней ситуации в России состоит отчасти и в том, что у каждой из перечисленных позиций есть право на существование и за каждой стоят определенные политические и экономические силы, пытающиеся претворить ее в жизнь. Но в какую бы сторону ни пошли регионы, их проблемы будут во многом схожими, и решить их можно будет только с помощью сильного центра. Всем придется заниматься вопросами пенсионного обеспечения и социальных гарантий. Проблема занятости и переквалификации кадров тоже не может решаться эффективно, если не будет разработана на федеральном уровне. То же самое относится к приведению структуры цен к рыночному равновесному состоянию.

В этой ситуации в более выигрышном положении находятся те предприятия, которые расположены в середине производственной цепочки, а не в начале или в конце. Взаимозачеты и отраслевые интересы не понимают значения естественных границ. Положение того или иного предприятия в отрасли уже не означает автоматической связи с благополучием самой области или региона. И в этом один из основных просчетов региональной политики последних семи лет.

Одна из ключевых сегодняшних проблем - распределение собственности, правовых полномочий и регулирование налоговых поступлений - как с центральной, так и с региональной стороны. Невозможно уйти от того, что в большинстве субъектов Федерации наравне с региональной собственностью находятся и объекты сугубо федерального подчинения и финансирования.

Скорее всего, вскоре изменится демографическая структура самих регионов. Потерявшие работу и не сумевшие вновь устроиться или уже несколько лет подрабатывающие то там то сям, начнут перебираться, пусть даже на временное жительство, в сельскую местность. Эта тенденция пока лишь только намечается, но уже сейчас опросы по России показывают, что практически каждый десятый живет

на летних заготовках и подработках. Впервые за последнее время тенденция к снижению городского населения за счет естественного оттока была отмечена еще в 1992, ранее она наблюдалась в России между 1914 и 1922 (историческую канву вспомнить несложно). Возможно, поселения, что называется, ни город, ни село, будут двигаться к оформлению в сельские.

Особенностью складывающейся региональной ситуации станет восстановление связей со странами - бывшими республиками СССР. Развитию таких связей в первую очередь будет способствовать территориальная близость и, несомненно, выигрышное географическое положение СНГ. Ведь СНГ - это примерно половина Евразийского континента, промышленный потенциал государств Содружества составляет примерно 10% мирового, запасы основных видов природных ресурсов - около 25%.

К проблеме реструктурирования регионов имеет отношение восприятие национальных проблем, которое стало в последнее время более личностным. Между тем, 60% опрошенных готово подняться над узконациональными интересами ради сохранения целостности России. С другой стороны, право нации на самоопределение считается во многих регионах неприкосновенным, что затрагивает интересы национальных меньшинств данной территории.

Социологические исследования позволяют говорить также о том, что русские в большей мере способны воспринимать идеи интеграции и взаимодействия с другими народами, чем представляют наши средства массовой информации. Так, исследования ряда центров (ВЦИОМ, ФОМ, ИСПИ РАН) показывают, что ответы на вопрос “Как вы относитесь к лицам другой национальности?” распределяются в течение последних лет следующим образом: около 70% - положительно, около 13% - отрицательно и примерно 13% стабильно затрудняются с ответом.

В исследование обычно включаются специальные вопросы, связанные с отношением к представителям наций и народностей, населяющих Кавказ. Ведь Северный Кавказ является тем пространством, где православие встречается с исламом, вступая с ним в диалог. Так, более половины опрошенных указывают, что они не против дружбы с горцами, а около 40% даже отмечают, что среди их друзей есть и представители кавказских народностей. 40% считают, что могут вступить с ними в брак. В последнее время, правда, увеличился процент опрошенных, которые не допускают такой возможности ни для себя, ни для своих детей.

В целом можно сказать, что русские лишены устойчивых этнических предрассудков. На вопрос о том, превосходят ли некоторые народности другие, только восемь процентов опрошенных отвечают, что да, есть нации, более развитые в нравственном и интеллектуальном плане. 62% считают, что у каждой нации есть свои достоинства, 18% вообще не задумываются над этим. Но, что показательно, 68% опрошенных отвечают, что они не согласны с лозунгом "Россия - для русских". Не удивительно, что в такой ситуации на протяжении нескольких последних лет общественное сознание негативно оценивает большинство решений по урегулированию межнациональных конфликтов, которые принимались руководством Российской Федерации исходя из этнической причины этих конфликтов.

Общественное мнение также достаточно едино в оценке признания необходимости сосуществования одновременно как полиэтнических территорий, так и этнически гомогенных. Признание и юридическое закрепление этнического разнообразия всех республик, краев, областей и автономий, входящих в состав Российской Федерации - один из важных моментов равноправия субъектов Федерации.

Данные, полученные в настоящем исследовании, говорят о том, что России требуется оперативное формирова-

ние эффективной региональной политики, которая предусматривала бы:

1. создание единого законодательного поля, которое устранит противоречия между валом законодательных актов в регионах и неспешной выработкой аналогичных законов Государственной Думой, Советом Федерации;

2. реорганизацию бюджетной и налоговой политики, разработку законов, регламентирующих все аспекты взаимоотношений бюджетов различных уровней;

3. эффективное внедрение на местах опыта самоуправления как западных стран, так и собственного исторического опыта земств;

4. развитие на местах инновационных управленческих технологий;

5. разработку более эффективной внутренней политики в области связей, сотрудничества и обмена опытом между различными регионами Российской Федерации.

Вероятно, наиболее важными мерами, способными остановить процессы дезинтеграции, станут 1) превращение исторической неоднородности регионов из отрицательного в положительный фактор, через проведение Центром специальной политики баланса интересов; 2) развитие двухсторонних соглашений о распределении полномочий между Центром и регионами; 3) создание экономических ассоциаций, свободных зон в центрах притяжения инвестиций – регионах-лидерах.

Часть 2

Владимир Попов
Председатель правления Фонда "Русский проект"

ПОНЯТИЕ ВЛАСТИ. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Большинство исследователей относят определение феномена власти к числу наиболее трудных методологических понятий. Казалась бы, несложная задача обозначить границы понятия и выявить основные механизмы функционирования власти обнаруживает массу разногласий. Можно утверждать, что в настоящее время отсутствует общая социологическая теория власти, хотя периодически делаются попытки разработать единый методологический подход. В России же социология власти вообще явилась на свет только в самые последние годы. До этого ни о каких попытках выдвинуть свою теорию власти речи не могло и быть. Поэтому в своих рассуждениях мы будем опираться на теоретические разработки власти западных исследователей.

Современные дискуссии о власти проходят в виде реакции на упрощенность общего определения власти как способности А оказать каким-то образом воздействие на Б. Определение власти в данном виде остается расплывчатым, применимым практически к любому способу общественного взаимодействия. Из этого определения не вытекает ясное понимание того, что же представляет собой власть. Поэтому в рассуждениях о власти вычленяются специфические вопросы, нацеленные на выявление характерных особенностей власти. Типичны следующие вопросы. Является ли власть потенциалом, действием или тем и другим одновременно? Власть - это власть над кем-то или власть сделать что-то, или опять-таки и то, и другое? Кто является субъектом вла-

сти? Кто или что является объектом власти: индивид, предпочтения, интересы, сознание, выбор? Что символизирует власть? Включены ли уже в определение власти конфликт, оппозиция, асимметрия или согласование интересов и консенсус? Вообще, возможно ли определение сущности власти?

По устоявшемуся мнению большинства исследователей современные социологические концепции власти описываются в рамках двух основных традиций: "секционной" и "несекционной"[24] Секционная традиция исходит преимущественно из *каузального* объяснения власти. Видными представителями этой традиции являются Т.Гоббс, М.Вебер, Х.Ласуэлл, Р.Даль, С.Льюкс и другие. Несекционная традиция объясняет власть из *коллективистских основ* общественного взаимодействия. Известными представителями этой традиции выступают Т.Парсонс, Ю.Хабермас, Д.Истон, отчасти Н.Луман. Разумеется, что эти традиции не являются исчерпывающими, вмещающими все существующие подходы. Мы сосредоточим наше внимание только на наиболее влиятельных и признанных концепциях. В рамках данной статьи мы рассмотрим "секционный" подход, его достоинства и ограничения.

Для начала обсуждения обратимся к идейным предшественникам этих двух традиций.

Теоретические истоки современных теорий власти.

Предшественниками современных концепций власти по праву считаются Т.Гобсс и Н.Макиавелли. С именем Гоббса связана каузальная концепция власти, впервые в истории принявшая форму наукообразности и заложившая основу "секционной" традиции. С именем Макиавелли связан

---

[24] См. Scott J. General commentary // Power / Ed. By J. Scott. V.1.London: Routledge, 1993.

ситуативный анализ стратегий власти, избегающий любого теоретизирования.

Определение Гоббса: "*Могущество*[25] *человека* (взятое в общем виде) есть его наличные блага и являются или *естественными*, или *инструментальными*", и далее "*Природным могуществом* является превосходство способностей тела и ума, таковы необычайная физическая сила, благоразумие, ловкость, красноречие, щедрость, благородство. *Инструментальным* являются формы могущества, приобретенные посредством вышеуказанных качеств или благодаря удаче и являющиеся средствами или инструментами для приобретения еще большего могущества",[26] - заложило основы каузальной концепции власти. Из определения Гоббса вытекает, что власть проявляется в отношениях между субъ-

---

[25] В оригинале использовано слово "power", которое в отношении социальных контекстов принято переводить как "власть". Помимо познавательных, существуют лингвистические и семантические трудности со словом "власть". На многозначность слова "власть" указывает большинство исследователей. В русском языке "власть" содержит несколько значений. Приведем основные: право, возможность распоряжаться над кем, чем-либо; политическое господство, государственное управление и его органы; лица, облеченные правительственными и административными полномочиями (Ожегов С.И. Словарь русского языка. Москва: Русский Язык. 1990. С.90.). Немалые трудности связаны с переводом слова власть с английского языка на русский. В английском языке эквиваленты русскому власть "power" и "authority" часто употребляются синонимично, хотя значения этих слов далеко не совпадают. Это и вызывает трудности, поскольку оба английских слова переводятся на русский практически всегда как "власть". На наш взгляд, английское слово "power" больше означает способность, возможность оказать влияния; по отношению к субъекту оно отсылает вперед к его физическим и умственным данным; в отношении контекста взаимодействия оно, скорее, ситуативно. В это время "authority" больше означает признанный общественный вес, связано, прежде, с ожиданиями участников социального взаимодействия.

[26] Гоббс Т. Левиафан // Сочинения в 2-х томах. Т.2. М.: Мысль, 1991. С.63. (курсив переводчиков).

ектами в виде средства достижения благ, когда один из субъектов выступает причиной действий другого в свою пользу. Между этими субъектами существуют асимметричные отношения, поскольку один из них обладает, по меньшей мере, превосходящими физическими и духовными данными.[27] Наряду с этим, обнаруживается кумулятивный эффект власти: власть, основанная на каком-либо превосходстве, имеет тенденцию усиливаться. В соответствии с общей канвой рассуждений Гоббса, отношения власти по природе нестабильны, содержат угрозу открытого конфликта.

Определение власти Гоббса органично вписано в его концепцию политического порядка. Основной вопрос, больше всего интересовавший Гоббса, - как в ситуации господства естественного права сохранить и поддержать существующие строй и порядок. Поэтому при концептуализации власти важными становятся вопросы легитимации власти.

Другой подход представляет Макиавелли. В его работах определение власти отсутствует. Внимание Макиавелли целиком сосредоточено на проблеме: "какими способами государи могут управлять государствами и удерживать над ними власть".[28] Иными словами, великого итальянца интересует анализ стратегий власти. В центре внимания Макиавелли находится: "изначальный факт, заключающийся в том, что базовым ядром власти является насилие и применять власть - часто означает проявлять насилие над кем-то или

[27] Власть в определении Гоббса, таким образом, приобретает онтологический характер: ее источник обнаруживается в физических и духовных характеристиках субъекта. Поскольку физические и духовные данные у людей различны, власть в обществе распределена неравномерно, отчасти случайным образом. Символами власти, следовательно, у Гоббса выступают в первую очередь отсылки к физической силе, а также к нравственным и умственным превосходствам человека.

[28] Макиавелли Н. Государь. Москва: Эксмо-Пресс, 1998. С.50.

чем-то".[29] Чтобы стратегия была эффективной, следует знать, где быть жестоким, а где отступить. Макиавелли настаивает на учете изменчивого контекста действий. Подход Макиавелли можно описать как рецепт "экономии насилия". Эффективная "экономия насилия" требует внимательного рассмотрения средств достижения цели. В некоторых случаях, например, согласие может быть даже полезнее насилия, которое означало бы в тех обстоятельствах слабость власти.

Базовый вклад Гоббса и Макиавелли в современные концепции власти отмечен в таблице.[30]

Таблица 1. Сравнение двух концептуализаций власти у Гоббса и Макиавелли.

Гоббс	**Макиавелли**
Акцент на "каузальность"	Акцент на "стратегию"
Наука и монарх конституированы в качестве авторитетных источников действия, указывающим на то, каким оно должно быть	Прагматический совет и этнографическая ориентация по отношению к формам действия, актуально происходящим
Принятие роли "законодателя"	Принятие роли "толкователя"
Акцент на механистические метафоры	Акцент на военные метафоры
Акцент на источник "изначального движения"	Акцент на контингентную природу действия

[29] Цит. по: Clegg S. Frameworks of power. London: Sage Publications, 1989. P.33.
[30] Ibid. P.34.

позади действия	
Проблематика легитимности, придающая объяснению власти имплицитно "моральное позиционирование", с акцентом на легитимной идентификации (в терминах науки) средств власти, а также заботу о правильном порядке в целях, которым служит власть	Проблематика стратегии, придающая объяснению власти имплицитно "аморальное позиционирование", с акцентом в первую очередь на эффективности средств, чем на добропорядочности целей
Использование мифа политического сообщества	Использование мифов в политической организации

Каузальный подход Гоббса оказал существенно большее влияние на современные концепции власти, чем подход Макиавелли. Если же следовать классификации М.Фуко, то подход Макиавелли оказывается явно ближе к "пост-модернисткому" анализу власти, в то время как концепция Гоббса положена в основу "модернистких" подходов.[31]

В начале XX-го столетия существенный вклад в каузальную концепцию власти внес М.Вебер. В его определении власть есть “вероятность того, что деятель в социальном отношении окажется в состоянии осуществить свою волю вопреки сопротивлению, независимо от того, на чем эта вероятность основывается.”[32] В отличие от определения Гоббса, у Вебера власть проявляется не в свойствах индивидов, а в самом социальном отношение между ними. Появляется

[31] Foucault M. Questions of method: An interview with Michel Foucault / Ideology and Consciousness. 1981. 8. Цит.по: Clegg S. Frameworks of power. London: Sage Publications, 1989. P.22.

[32] Weber M. The theory of social and economic organisation / Ed. by T.Parsons. Glencoe: The Free Press, 1957. P.152.

понятие вероятности осуществить власть, которое Вебер вводит как указание на предопределенное существование сопротивления любому проявлению воли индивида. Чтобы власть могла реализоваться, необходимо найти причину, до минимума снижающую сопротивление партнера по взаимодействию. Поэтому для Вебера важны условия, которые делают вероятность достаточно весомой, способной относительно беспрепятственно осуществиться. Однако Вебер считал понятие власти излишне обобщенным с точки зрения социологии. Коль скоро не специфицированы условия, "любые качества личности и любые комбинации обстоятельств способны создать ситуацию, в которой индивид может требовать подчинения своей воли".[33] Поэтому, с его точки зрения, требуется более точное определение, которое можно найти с помощью понятия "господства". "Социологический концепт господства ... может лишь означать вероятность, что приказ встретит повиновение".[34] Исследовательский ин-

---

[33] Ibid. P.153.

[34] Ibid. P.153. Выше в тексте, Вебер дает более развернутое определение господства. "Господство - это вероятность того, что приказ в определенном специфическом контексте найдет подчинение данной группы индивидов". Любопытны у Вебера формальные отличия определений власти и господства. "Деятель" в первом случае заменяется на "приказ" во втором, "социальное отношение" заменяется на "определенный специфический контекст", "сопротивление" заменяется на "подчинение". Во втором определении вводиться еще дополнительный аспект "данная группа индивидов". Как видно, считая господство частным случаем власти, Вебер весьма существенно меняет приоритеты анализа. Акцент смещается с рассмотрения условий (личностных или ситуативных), усиливающих вероятность проявления власти и снижающих сопротивление, на анализ условий, способствующих подчинению приказа. То есть опускается проблема властвующего и поднимается проблема подвластного. Надо отметить, что этот аспект отсутствует у Гоббса. Собственно говоря, Вебер закладывает традицию, которая начинает интересоваться только одной стороной взаимоотношений власти - проблемой подчиненного или подвластного. В рамках этой традиции открываются две основные перспективы - либо рассматривать условия подчинения, либо условия сопротив-

терес Вебера, таким образом, минует разнообразные аморфные социальные ситуации, в которых власть проявляется спорадически. Акцент перемещается, прежде всего, на институциональные формы рациональной бюрократии, где власть в качестве господства ограничена специфическими условиями. Основная проблема состояла в понимании того, почему вообще подчиняются приказам и распоряжениям. "Господство может быть обусловлено интересами, т.е. целерациональными соображениями повинующихся относительно преимуществ и невыгод. Оно может обусловливаться, далее, просто "нравами", привычкой к определенному поведению. Наконец, оно может основываться на простой личной склонности подданных, т.е. иметь аффективную базу".[35] В данном определении Вебера впервые появляются новые сюжеты для анализа: "интересы", "целерациональные соображения", "нравы", "привычки", "аффективность", выступающие в качестве "мотива уступчивости". Заострение интереса Вебера на анализ условий господства в политической организации, заложило канву современным исследованиям власти, продолжающим развивать каузальный подход.

Современная секционная традиция концептуализации власти.

Бурные дискуссии о власти развернулись в 1950-х начале 1960-х годов. Инициаторами научных обсуждений стали Х.Лассуэл и Э.Каплан, Р.Берштедт, Х.Саймон, Д.Картрайт, Дж.Марч, Р.Даль и другие исследователи, заложившие основы "секционной" традиции концептуализации власти.

ления. В первом случае интересуются основами порядка в обществе, во втором - возможностями изменения ситуации.

[35] Weber M. Staatssoziologie / Hrsg. von J.Winckelmann. Berlin, 1966. S.99. Цитата по: История буржуазной социологии XIX - начала XX века / Под ред. И.С.Кона. М.: Наука, 1979. С.283.

Наибольшую полноту и широкую систематизацию анализ власти получил в концепции Р.Даля. Определение власти Даля подытожило исследовательские усилия того периода, выступив одновременно основополагающими для всех последующих дискуссий. Далевский подход основывался на “интуитивной идее власти”[36]: “А имеет власть над Б настолько, насколько может заставить Б делать что-то, что Б в ином случае не стал бы делать”.[37] Формальный анализ определения Даля показывает следующее. Во-первых, в отличие от определения Вебера, для которого главную роль играло понятие "вероятности", Даль сосредотачивает внимание на понятиях "меры", "степени" распространения власти над объектом. Во-вторых, объект власти мыслиться как "принужденный" действовать вопреки собственному желанию.

Теоретическая конструкция Даля стала итогом его интереса процессами принятия политических решений. Проблема состояла в том, чтобы для каждого решения выявить альтернативы, которые, в конечном счете, были приняты, и альтернативы, которые были отклонены. Выдвижение альтернатив рассматривалось как показатель дальнейшего успеха или неудачи индивида, который эти альтернативы представлял. Участники политического процесса, успешно проводящие большее количество решений, считались

---

[36] Интуитивную идею власти Даль заимствует у Платона и Аристотеля. Они, по его мнению, не находили нужным подробно разбирать такие понятия как “власть”, “влияние”, “правление”, так как с их точки зрения эти термины понятны любому индивиду со здравым смыслом. См. Dahl R. Power as the control of behavior // Power / Ed. by S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986. P.39. Даль оговаривает для себя право использовать понятия "власть", "влияние", "контроль" в качестве близких синонимов, хотя и признает, что между ними существуют определенные различия.

[37] Dahl R. The concept of power // Political Power: A reader in the theory and research / Ed. by R.Bell, D.V.Edwards, R.Harrison. N.Y.:Free Press; London: Collier-Macmillan, 1969. P.80.

более влиятельными. Исследовательский акцент, таким образом, сосредотачивался на поведении тех, кто превалирует в процессе принятия решения. [38] Согласно логике рассуждений Даля, принятое решение влечет за собой наблюдаемое изменение поведения объекта, к которому последний совершенно не стремился. Отношения власти, следовательно, проявляются в наблюдаемой причинно-следственной связи. Даль приходит к следующим выводам: "Ближайшим эквивалентом властного отношения является каузальное отношение. Поэтому утверждение "С имеет власть над П можно заменить утверждением "поведение С является причиной поведения П".[39] Однако эмпирические наблюдения за процессом принятия политических решений в Нью Хейвене заставили Даля несколько пересмотреть принципы каузального объяснения отношений власти. Стало очевидно, что принятая им схема каузальности слишком упрощена. Вне поля зрения неизменно остаются многочисленные звенья каузальной цепочки с набором ряда значимых факторов. Модернизацию каузального подхода Даль обнаруживает у Х.Блэйлока.[40]. Далю импонирует идея Блэйлока о том, что ввиду многообразия переменных, оказывающих воздействие на поведение, эмпирическое наблюдение становиться затруднительным или требует чрезмерных затрат; поэтому следует ограничиться набором переменных, не слишком перегружающих наблюдателя. Признаком достаточности у Даля выступает присутствие в объяснительной схеме поведения временного фактора. "А вряд ли может считаться обладающим властью над Б *до тех пор, пока* за попытками А

---

[38] Dahl R. Who governs? Democracy and power in an American city. New Haven and London: Yale University Press, 1961.
[39] Dahl R. Power as the control of behavior // Power / Ed. by S.Lukes. Oxford: Blackwell, 1986. P.46.
[40] См. Blalock H.M.Jr. Causal inferences in nonexperimental research. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1964.

реализовать власть не последует реакции Б".[41] То есть властное отношение принимает завершенную форму только тогда, когда усилия А заставить что-то сделать Б по прошествии определенного промежутка времени воплощаются в требуемом поведении Б.

Главная проблема подхода Даля, как представляется, заключена в нечеткости различения между понятиями "власть", "влияние" и "контроль". Остался нерешенным вопрос, в чем же, собственно, состоит специфика власти. Где тот водораздел, отграничивающий ситуации осуществления власти от ситуаций влияния, контроля, принуждения.

Концепция власти Даля инициировала в 1960-х годах ряд эмпирических исследований процесса принятия политических решений. Вскоре обнаружилось, что установка Даля исследовать только внешние признаки поведения оказывается в ряде случаев неоправданной. Новый виток дискуссий о власти вызвала статья П.Бэкрэка и М.Бэтрэтца "Два лица власти: решения и ситуации отсутствия решений". Оба исследователя указали на то, что измерение единственно внешнего поведения актеров политического действия иногда блокируется вмешательством неизмеримых элементов, существенно затрудняющих адекватное понимание процесса. "Власть осуществляется также и тогда, когда А направляет всю свою энергию на создание и усиление социальных и политических ценностей и институциональных практик, которые ограничивают для публичного рассмотрения сферу политического процесса только сравнительно безвредными для А проблемами".[42] Второе лицо власти, таким образом, принимает вид рестрикций: А удается отсечь попытки Б выдви-

---

[41] Dahl R. The concept of power // Political Power: A reader in the theory and research / Ed. by R.Bell, D.V.Edwards, R.Harrison. N.Y.:Free Press; London: Collier-Macmillan, 1969. P.81. Курсив переводчика.
[42] Bachrach P., Baratz M. Two faces of power. Decisions and nondecisions. // Power / Ed. By J. Scott. V.1.London: Routledge, 1993. P.87.

нуть альтернативные вопросы, решение которых будет угрожать предпочтениям А.

"Свежий" подход Бэкрэка и Бэтрэтца основан на известном принципе функционирования политической организации: "Все формы политической организации проявляют предвзятость (bias) в пользу эксплуатации некоторых типов конфликтов и подавлении других. Организация, поэтому, является мобилизацией предвзятостей. Некоторые проблемы ставятся в политическую повестку, другие - исключаются".[43] Непринятие решения, таким образом, может выступать мощным фактором власти. Вслед за Далем, Бэкрэк и Бэтрэтц определяли власть как форму контроля. Власть проявляется тогда, когда "а) между А и Б есть конфликт в отношении ценностей или направления действий; б) Б подчиняется желанию А; в) Б поступает так, поскольку опасается, что А лишит его более значимых ценностей, чем те, которые он будет иметь в результате неповиновения".[44] Собственно говоря, Бэкрэк и Бэтрэтц расширяют определение власти Даля. В формулу: "А имеет власть над Б настолько, насколько может заставить Б делать что-то, что Б в ином случае не стал бы делать", добавляется уточнение, что власть А над Б проявляется и в тех случаях, когда А может заставить Б не делать то, что он хочет сделать. Другое дело, что Бэкрэк и Бэтрэтц начинают акцентировать непременный конфликт ценностей между А и Б, и разный ценностный потенциал, как катализатор проявления второго лица власти.

Подход Бэкрэка и Бэтрэтца, как видно, обнаруживает те же ограничения, свойственные концепции власти Даля. По сути, "второе лицо" власти больше напоминает доминирование авторитета, чем раскрывает специфику отношений власти.

---

[43] Schattschneider E.E. The semi-sovereign people. New York. 1960. P.71.
[44] Bachrach P., Baratz M. Power and poverty: Theory and practice. Oxford: Oxford University Press, 1970. P.24.

Ключевым этапом развития дискуссии о власти стало появление в 1974 году книги Стивена Льюкса “Власть: радикальный взгляд”.[45] Цель книги, по утверждению Льюкса, - пересмотреть существующие подходы рассмотрения власти, преодолеть их ограничения и сформулировать более адекватную концепцию.

Основная проблема всех подходов, как ее видит Льюкс, заключена в том, что в определение власти вмешиваются дисциплинарные конвенции, теоретические перспективы и политические ценности. В результате, исследователи оперируют узкими и односторонними определениями. Существующие подходы Льюкс описывает при помощи понятий “одномерный” и “двухмерный” взгляды на власть. “Одномерный” взгляд на власть, проявившийся в концепции Даля, необоснованно зауживает анализ властных отношений, рассматривая исключительно поведенческие аспекты. Это объясняется тем, что господствующая в то время теоретическая конструкция бихевиоризма затеняла другие перспективы, оттесняя их на периферию. “Двухмерный” взгляд на власть, который отстаивали Бэкрэк и Бэрэтц, хотя и выходил в некоторых аспектах за границы чистого бихевиоризма, преодолеть поведенческий крен так и не смог. Кроме этого, оба исследователя, по мнению Льюкса, необоснованно ассоциировали власть с формами открытого конфликта. В действительности, А может осуществлять власть над Б путем влияния, определения и формирования потребностей Б. " Разве высшая власть, - отмечает Льюкс, - не заключается в том, чтобы заставить других иметь те желания, которые выгодны тебе, то есть, обеспечить повиновение других путем контроля за их мыслями и желаниями."[46]

Другой пункт критики Льюкса подхода Бэкрэка и Бэрэтца состоял в связи с их трактовкой власти непринятия

[45] Lukes S. Power: A radical view. Basington and London: Macmillan, 1974.
[46] Ibid. P.23.

решения. Там, где отсутствуют выдвигаемые претензии, согласно обоим исследователям, нет пространства для власти путем непринятия решения. Следовательно, есть признаки консенсуса. Льюкс возражает: "Допустить, что отсутствие претензий приравнивается к истинному консенсусу, значит исключить возможность порочного и обманного консенсуса".[47] Отсюда вытекает существование латентных форм конфликта, не артикулированных противоречивых желаний и потребностей. Для собственного определения власти Льюксу потребовалось ввести понятия субъективных и реальных интересов. Упор на эти понятия и стал отличать "трехмерный" подход к определению власти.

Отправляясь от трехмерного взгляда на власть, Льюкс предлагает заменить в определении власти ”конфликт предпочтений” на “конфликт интересов”. Понятие “интерес" представляется Льюксу более вместимым, предполагающим одновременно предпочтения, желания, намерения и еще нечто то, что может оставаться вне актуального сознания. Определение власти в этом случае приобретает следующую форму: “А осуществляет власть над Б, когда А воздействует на Б вопреки интересам Б”.[48] “Третье лицо” власти, таким образом, принимает форму, непременно наносящую ущерб интересам объекта.

Следует отметить, что понятие “интерес” претерпело у Льюкса изрядную эволюцию. Прежде всего, он проводит различие между “субъективными” и “реальными” интересами. “Субъективные” интересы в принципе совпадают с предпочтениями и целями индивида, часто бывают обусловлены социальными отношениями.[49] “Реальные” интересы,

---

[47] Ibid. P.24.

[48] Ibid.P.24.

[49] В книге “Власть: радикальный взгляд” примечателен тот факт, что Льюкс, вводя свое определение власти, совершенно ничего не говорит о интересах А. Как бы само собой разумеется, что А осуществляет власть в своих интересах. Проблема для Льюкса в этой работе - интересы Б.

напротив, это то, что люди бы выбрали в условиях “относительной автономии”, то есть в ситуациях, где над ними бы не осуществлялась власть.[50] В ситуациях отправления власти, следовательно, возникает расхождение интересов властвующего и подчиненного. Возможны все же ситуации, когда властвующий может намеренно действовать в соответствии с “реальными” интересами подчиненного. Однако это будет, по мнению Льюкса, краткосрочным взаимодействием (“краткосрочной властью”), поскольку намерения властвующего вступят в противоречия с его предпочтениями, а подчиненный осознает в достаточной мере свои “реальные” интересы.[51]

Данный подход вызвал существенные возражения. В первую очередь, критике подверглось определение "реаль-

---

Формулируя иначе, проблема заключается в том, как А, действующему в русле своих интересов, удается заставить Б делать что-то вопреки своим интересам. При этом нигде в книге не говориться о том, осведомлен ли А о интересах Б или осведомлен ли Б об интересах А. Без взаимного знания об интересах участников взаимодействия, определение Льюкса теряет весьма значимое основание. Чувствуя неявно данную неопределенность, Льюкс усложняет ее еще и понятием “реальный” интерес. Со стороны Б это понятие вводит сомнение, различает ли Б в определенный момент “реальный” и “субъективный” интересы, а если различает, то может ли осознанно артикулировать “реальный” интерес.

[50] Понятие “реального” интереса, как кажется, очень напоминает “субъективное моделирование ситуации”. Поскольку он нигде в книге не отождествляет “реальный” интерес и “объективный” интерес (который предполагает, например, универсальные потребности индивида), понятие “реальный” интерес не выходит за рамки предпочтений, желаний индивида. Это понятие, очевидно, просто идеализирует эти предпочтения и желания, моделируя для их реализации наилучшие условия в любой актуальной ситуации.

[51] Очевидно, понятие "краткосрочная" власть, подразумевающая возможность действий в пользу объекта власти, вводиться Льюксом в качестве смягчения его жесткой формулы власти, предусматривающую действия во вред объекту власти, подчеркивая при этом возможную, но неубедительную и маловероятную, по мнению автора, альтернативность действий.

ных" интересов. Непонятно, почему в условиях "относительной автономии" индивид выберет именно свои "реальные" интересы, а не другие предпочтения и желания? Вообще, что представляют собой "реальные" интересы в отличие от других модальностей индивида?

Во многом правомерная критика заставила Льюкса уточнить, а в некоторых аспектах даже пересмотреть, понятие "интереса". Он стал опираться на формулировку "интереса" Д. Файнберга, данную им в книге "Ущерб в отношении других".[52] Файнберг дает следующее определение: "...интересы, взятые в качестве смешанного набора, состоят из тех вещей, на которые сделана Социология, в представлении Бурдье, - "представляет собой *социальную топологию*".[53] Она изучает совокупность отношений, складывающихся в многомерном социальном пространстве. Социальное пространство у Бурдье подразделяется на отдельные независимые поля, выделяемые по принципу доминирования в каждом поле определенного рода власти или капитала.[54] Так, существуют поля политики, экономики, образования, культуры, искусства и т.д. В границах определенного поля агенты (Бурдье предпочитает говорить об агентах в противовес "индивидам" и "субъектам", чтобы подчеркнуть разрыв с структуралистской и феноменологической традициями) занимают позиции или классы близких друг другу пози-

---

[52] Feinberg J. Harm to others. N.Y.: Oxford University Press, 1984.

[53] Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр. / Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. М.: Socio-Logos, 1993. С. 55. Курсив автора.

[54] Капитал здесь подразумевается в самом широком смысле (от лат. capitalis - главный) как "совокупность действующих свойств", придающих силу и власть их владельцу (агенту) в рамках заданного пространства, поля. Следует подчеркнуть еще одну важную особенность - у Бурдье само пространство детерминирует позиционное расположение действующих агентов, определяет их соответствие или несоответствие, меры близости и отдаленности.

ций, которые имеют относительный характер.[55] Каждому полю присуща специфическая "совокупность объективных отношений сил, которые навязываются входящим в это поле и которые не сводимы к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным *взаимодействиям*".[56] Активные свойства поля (любое поле находится в динамике, то есть всегда содержит возможность пространственного перераспределения позиций) представляют собой различные виды капитала, которые имеют хождение в том или ином поле. Агенты, занимающие определенные позиции в поле, стремятся завладеть капиталом (будь то доверием избирателей, если речь идет о политике; будь то денежным состоянием, если речь идет о экономике; будь то более высокой ученой степенью, если речь идет о науке и т.п.). Владение капиталом есть власть над полем. Оно позволяет улучшать позиции в данном поле (переходить с более низкой ступени на более высокую, "пространственная мобильность") и, тем самым, получать доступ к распределению специфических (всегда дефицитных) доходов и прибылей. Таким образом, капитал, находящийся в наличии у агента, склоняет к определенной стратегии действий - стратегии присвоения физического пространства. "Капитал позволяет держать на расстоянии нежелательных людей и предметы и в то же время сближаться с желательными людьми и предметами, минимизируя таким образом затраты (особенно времени), необходимы для их присвоения. Отсутствие капитала доводит опыт конечности до крайней степени: оно приковывает к месту".[57]

Что за механизм отношений власти предоставляет социологическая теория Бурдье? Чтобы ответить на этот во-

---

[55] Следует подчеркнуть, что поле у Бурдье существует не как некая аналитически вычленяемая реальность, а имеет сугубо объективный характер. "Нельзя реально занимать две противоположных области в пространстве, даже если мысленно это возможно". Тоже. стр.56.

[56] Тоже. стр.56. Курсив автора.

[57] Тоже. стр.43.

прос, необходимо предварительно рассмотреть его концепцию восприятия социального мира. Французский социолог исходит из того, что "объективистская теория должна интегрировать представления, имеющиеся у агентов о социальном мире, точнее, их вклад в построение видения социального мира и через это в самое построение социального мира, посредством *работы представления* (во всех смыслах этого термина), которую они ведут непрерывно...".[58] Таким образом, отправной точкой анализа Бурдье являются представления агентов о социальном мире и специфические конструкты - видения социального мира.[59] Видению социального мира предшествует восприятие, которое структурируется двояким образом: с "объективной" и с "субъективной" стороны. В первом случае, восприятие структурировано свойствами агентов и институтов, предстающих восприятию всегда в неравномерных комбинациях. Во втором случае, восприятие структурировано предшествующим опытом, кото-

---

[58] Тоже. стр.63. Курсив автора.

[59] Примечателен тот факт, что Бурдье не поясняет, что он имеет в виду, рассуждая о социальном мире и вообще о социальном как таковом (неясное место в данном определении). Согласно общему строению аргументов Бурдье, можно думать, что социальный мир включает в себя прежде всего пространственный аспект - относительные позиции агентов внутри определенного поля и перемещения в рамках этих позиций - действия агентов. В результате, "социальное" определяется посредством триединой формулы: пространство - действия агентов - восприятие. Получается, что "социальное" в рецепции Бурдье оказывается как бы немым - в нем только действуют и воспринимают. Нам представляется, что концепция власти Бурдье характеризуется известной долей недосказанности, неизменно присутствующей во многих рассуждениях французского социолога. Это особенно скажется в дальнейшем, когда рассуждая о навязывании определенного видения социального мира, он будет опускать то, что это навязывание может происходить только посредством коммуникации. Французский социолог говорит в этом случае о "объективации", "выражении" о "выходе наружу" и т.п. Этим, следовательно, он обозначает свою познавательную позицию - взгляд изнутри агента социального мира.

рый всякий раз приспособляют к текущему моменту. Условия восприятия социального мира, таким образом, предполагают множественность различных точек зрения, плюрализм видения мира. Из этой ситуации вытекает неопределенность перспектив. Поэтому агенты вынуждены прибегать к "когнитивным стратегиям *восполнения*". Они должны придавать значения объектам социального мира, выходя за границы непосредственно воспринимаемого в настоящем. Отсюда возникают различные "схемы построения" способов видения социального мира, вводятся специфические логики различий. Множественность этих схем приводит к постоянной борьбе между агентами за право признания собственного видения в качестве легитимного, "за возможность сохранить или трансформировать социальный мир, сохраняя или трансформируя категории восприятия этого мира".[60] Эта непрерывная борьба принимает характер символического насилия, поскольку в бой вступают различные системы значений с целью навязать другим свою систему координат. Преимуществом в этой борьбе пользуются те, кому удается добиться легитимного признания собственного видения социального мира. При помощи легитимности достигается эффект некритического принятия позиции, видения социального мира как "само собой разумеющихся". Это происходит за счет трансформации восприятия тех, кто испытывает воздействие "символической власти". "Легитимность власти предполагает "незнание", бессознательное принятие людьми господствующих ценностей и установок. Символическая власть возникает и функционирует при соучастии угнетаемых ею людей, так как они признают ее легитимный характер".[61]

---

[60] Там же. стр.66.

[61] Современная западная социология: Словарь. / Москва: Политиздат, 1990. С.379.

Таким образом, вырисовывается следующая схема механизма власти в социологической теории Бурдье. С одной стороны, агенты, занимающие различные позиции в социальном пространстве или, определяя более узко, в поле борются за приобретение и распределение наличного капитала, прибыли от которого укрепляют и возвеличивают позицию в этом пространстве. С другой стороны, агенты заняты символической борьбой за определение легитимных принципов деления поля. В первом случае целью борьбы является физическое вытеснение противника, лишение доступа к дефицитным ресурсам. Во втором случае целью борьбы является легитимное навязывание своего видения мира или видения своей позиции в этом мире, своей социальной идентичности. Достижение последней цели предполагает трансформацию восприятия и представлений подчиненных, кристаллизацию отношений господство-подчинение.

Резюме

Для "секционной" традиции анализа власти характерно подчеркивание индивидуального контекста социального взаимодействия в обществе. Власть в этой традиции - это определенные индивидуальные преимущества одной из сторон, позволяющие ей оказать каузальное воздействие на другую сторону, то есть изменить ее дальнейшие действия, намерения или образ мыслей. Источниками индивидуального преимущества выступают самые разнообразные факторы. Т.Гоббс, например, выделял среди прочего физические свойства индивида. Для М.Вебера фактором власти может выступать ситуативный предлог, дающий основания требовать подчинения своей воле или же определенные "мотивы уступчивости" (подчинение возможно из целерациональных соображений, привычки или же на основе аффектов). Для Р.Даля фактором власти выступает способность индивида, использую сподручные средства, навязать другому собст-

венные решения и добиться их исполнения. Фактором власти может оказаться способность навязать свою систему ценностей в качестве общезначимой, которая начнет отсекать альтернативные возможности определения ситуации. Для С.Льюкса власть - это способность действовать в собственных интересах вопреки реальным интересам другой стороны. З.Бауман считает основным фактором власти сконцентрировать в своих руках большее количество всевозможных ресурсов и на основе этого заставить другую сторону действовать в свою пользу. Наконец, П.Бурдье видит во власти использование символического капитала с целью физического вытеснения противников из значимых полей социального пространства, лишения его доступа к дефицитным ресурсам и т.д.

Таким образом, все разновидности "секционных" подходов концентрируют внимание на индивидуальных особенностях участников властных отношений. Считается, что возрастание власти одного участника взаимоотношений приводит к уменьшению власти другого. Поэтому исследуются именно механизмы приобретения и стратегии осуществления власти.

Иван Чихарев

Национальные интересы, безопасность России и современная цивилизация

Центральной проблемой статьи является сама возможность отстаивания национальных интересов, безопасности России в условиях современной цивилизации, то есть в особых условиях глобального развития. При этом как понятие цивилизации, так и концепты национального интереса и безопасности имеют специальную трактовку. Исходной посылкой исследования является проблематичность самого существования понятия национальной безопасности России, а следовательно - национального интереса в современных цивилизационных условиях (в классическом понимании интереса как стремления к сохранению целостности, идентичности, а значит - безопасности политического субъекта - «интерес - это изменения в международном окружении, которые с такой большой вероятностью приведут к подрыву национальной безопасности, что им следует противостоять»[1]). Исходная проблематичность охватывает и само понятие нации в качестве концепта, выражающего современную форму российской государственности, а также возможность национальной самореализации России в условиях транснационализации. Традиционные цели подобного исследования (определение новых сфер жизненных интересов, выявление современных угроз национальной безопасности) были бы уместны только в том случае, если бы не являлась очевидной современная ситуация структурного кризиса всей системы национальной безопасности, глубинной причиной

[1]H. Kissinger. Diplomacy. N.Y.,1994, p.812. Цит. по: Арбатов А. Национальная идея и национальная безопасность. МЭиМО, №6, 1998.

которого является принципиальная неопределенность всех государственных структур в качестве национальных. Подобная постановка проблемы означает, что существует определенное противоречие между национальными интересами России и реалиями, которые охватываются понятием «современная цивилизация». Это должно означать, что интересы России лежат вне спектра возможностей для социального развития, которые предлагаются современной цивилизацией. Россия может интегрироваться в мировую цивилизацию, более или менее успешно выполнять определенные функции в организации глобального целого, но это не будет иметь ничего общего с действительным культурно-историческим творчеством. Цивилизация - необходимое для выживания, достойной и лучшей жизни ограничение свободы, ограждение от тех или иных опасностей, в качестве которых предстают и любые альтернативы, контр-проекты. Будущее цивилизации - в количественном нарастании благ, расширении цивилизованных пространств путем тотальной организации и навязывания единой меры. Необходимость противопоставления перспективам цивилизации любых «национальных интересов» обосновывается наличием внеположных этим перспективам культурных проектов, внецивилизационных культурных заданий. Их выдвижение на историческую сцену происходит благодаря культуро-субъектам[1], которые только и могут претендовать на «национальные интересы», обеспечивать безопасность всходам своей культуры. Они обладают сознанием своей национальной культурной задачи, вызревающим в процессе общенационального представительства, задачи, разложимой на частные жизненные цели, осознаваемые каждым носителем культуры в каждом месте, в любой момент времени. Отсутствие такого представления в России не может служить основанием отказа россиянам в праве на самобытность. Это отсутствие вы-

[1] Термин Л.П. Карсавина

звано проникновением цивилизации в сам процесс формирования представительства, которое превращает последний в перформанс, театр, в котором действие ни как не связано с возможными национальными интересами, но играет на аппетитах народа как «голосующей и при нужде прикармливаемой правителями скотинки»[1]. Поэтому задача настоящей статьи состоит прежде всего в том, чтобы показать, как возможны национальные интересы, как освободить дискурс общественного мнения от направленного информиационно-цивилизационного влияния. Только тогда вступит в силу критерий Н.Я. Данилевского: «*всякая народность имеет право на самостоятельное существование в той именно мере, в какой сама его сознает и имеет не него притязание*»[2]. Любая доктрина национальных интересов и «концепция национальной безопасности» должна формулироваться свободным сознанием, а не служить очередным вливанием для народа, находящегося в коме «цивилизационного бессознательного».

Понятие цивилизации появляется в этом контексте в качестве наличных в современности условий, рамок процесса конституирования России как нации, условий, предшествующих этому конституированию и формулированию национального интереса. Эти условия направленно влияют, накладывают требования (ср. требования МВФ) на процесс формирования государственной структуры , что ставит под угрозу национальную безопасность как таковую. Они обуславливают действие и поведение каждого человека с самого начала, выступают как априори понимания всего происходящего, как на политической арене, так и в любой сфере социального быта.

---

[1] Карсавин Л.П. Основы политики. / Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993, С.199.
[2] Данилевский Н.Я. Россия и Европа. С.-Пб., 1995, С. 20

Необходимы и соответствующие оговорки касательно понятия «нация» в связи с контекстом обсуждения национальных интересов и безопасности. Сознавая спорность этого термина в современной политической науке, ограничимся пониманием нации как такой формы социально-политической организации, которая создает возможности для преимущественного развития специфической культуры, и обосновывается существованием особенных культурных заданий. Такая точка зрения представлена, в частности, в статье одного из крупнейших идеологов Евразийства Н.С. Трубецкого «Об истинном и ложном национализме». «Истинным, морально и логически оправданным, - пишет Трубецкой, - может быть признан только такой национализм, который исходит из самобытной национальной культуры или направлен к такой культуре»[1]. Разумеется, нация понимается не как этническая категория, но как культурная и государственно организованная общность. Здесь наиболее точной представляется характеристика другого русского философа, Г.П. Федотова. «Нация, разумеется, не расовая и даже не этнографическая категория. Это категория, прежде всего культурная, а во вторую очередь - политическая. Мы можем определить ее как совпадение государства и культуры. Там, где весь или почти весь круг данной культуры охвачен одной политической организацией, и где, внутри ее, есть место для одной господствующей культуры, там образуется то, что мы называем нацией»[2] - пишет он.

К сожалению, приходится констатировать, что современная российская государственность не только не совпадает с культурой, но в некоторых моментах прямо враждебна последней. Разрешению этой проблемы и посвящена статья. Возможность раскрытия подлинно и исходно на-

---

[1] Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме. / Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. М., 1993, С. 42.

[2] Федотов Г.П. Судьба и грехи России. В 2-х тт., т. 2, М., 1992, С. 245.

циональных интересов, являющихся стремлением цельного и самоидентичного субъекта-нации, преследующего цель сохранения этой идентичности и целостности, понятой в качестве национальной безопасности - выражение основной задачи данной статьи.

Смысл, вкладываемый здесь в понятие цивилизации, обусловлен целями исследования, порядком дискурса о национальной безопасности и национальном интересе, и в силу этого - современными особенностями цивилизации, актуальными для России. Аналитические рамки цивилизационного рассмотрения выстраивают, в свою очередь, хронополитическую, историческую перспективу, глобальную перспективу, развертывающие проблематику интересов и безопасности современной России до масштабов, соразмерных постановке вопроса - поиска основ национальной политики, так как проблема охватывает исходное и генетическое понимание национальной безопасности и национального интереса. Этой же цели служит комплексность понятия «цивилизация», предельный охват понятием цивилизации всех сфер социального бытия, необходимый для целостного, всеобъемлющего подхода к национальной безопасности.

Для реализации такой композиции исследования необходимо привлечение соответствующего концептуального аппарата. Центральным концептом, охватывающим комплекс отношений между современной Россией и цивилизацией, представляется понятие империума. «Жизненный сюжет каждой цивилизации исключительно индивидуален и своеобразен...Однако стержнем любой и всякой исторической миссии, основы имперского целедостижения вполне естественно становится алгоритм неукротимого и спонтанного в-чинения (это и есть внутренняя форма слова imperium)»[1]. Как известно, этимология термина «цивилиза-

---

[1] Ильин М.В. Опыт описания ключевых политических понятий. М.,1997, С.345.

ция» коренится в имперской практике Рима; в качестве атрибута цивилизации имперскость выступала у Шпенглера, выдвинувшего тезис «империализм - это чистая цивилизация»[1]; убедительная в своей непосредственной актуальности «имперскость» звучит в концепции агрессивных, экстравертивных, склонных

к столкновению и властному вменению своих ценностей цивилизаций Хантингтона: «Запад, в действительности, использует международные институты, военное могущество и экономические ресурсы, чтобы управлять миром, поддерживая западное превосходство, защищая западные интересы и распространяя западные экономические и политические ценности.» [2]. Таким образом сразу задается понимание современных цивилизационных условий не как пассивной или благодатной среды, а как развертывающейся силовой структуры - сети, стремящейся полностью «преформировать», обусловить образ политического бытия, а следовательно - всех других сфер социального бытия нецивилизованного мира, загнать его в контролируемые рамки. Для объяснения этого феномена достаточно осознания того, что любая цивилизация так расположена к окружающему миру, что не утруждая себя задачей его понимания, видит в нем дикость, варварство, «опасность для прогрессивного человечества», а следовательно, - материал господства, «гумус», подчинение цивилизации для которого - благо.

Сущность цивилизации заключается в сохранении и развитии определенного типа социальной организации, который дает организованному сообществу гарантированный стандарт жизнеобеспечения и возможность нарастания качества жизни (заметим, что категория «качества жизни» понимается исключительно количественно, как нарастание уров-

---

[1] Шпенглер О. Закат Европы. М., 1993, Т.1, С. 170.

[2] Huntington S. Clash of Civilizations? / Foreign Affairs. 1993. Summer. P.40.

ня потребления определенных благ, продолжительности жизни и т.д.) Сохранение цивилизации понимается как ограждение от неформального, альтернативного поведения, которое может подорвать существующий порядок вещей. Альтернативность может существовать в рамках цивилизации как пустая экзотика, клапан для выпускания социального пара, оставаясь при этом не только под контролем цивилизации, но прямо служа ее целям. Цивилизация пресекает внутренние порывы к изменению своего стандарта, и стремится к насаждению этого стандарта вовне, дабы исключить возможные контр-проекты - национальные, культурные, религиозные, этнические. Раньше для этого использовались преимущественно военно-полицейские методы. Исторические формы, которые цивилизация использует для насаждения своих стандартов , естественно, различны. В развертывании Римской империи особое значение имели военно-административные аспекты воздействия на варварское окружение[1]; хронополитическое развитие империй-цивилизаций потребовало иных подходов - начиная со второй половины XX века неоколониализм держится на геоэкономическом и технологическом влиянии. Современная цивилизация наряду с этими, традиционными ресурсами господства использует информационный ресурс[2]. Обоснование его использования видится в том, что конечным итогом развертывания цивилизации становится «привитие» цивилизационных стандартов поведения и программирование сознания, итогом, который практически исключает альтернативную цивилизации активность как принципиальную возможность «нативности», того, что понимается в данной статье как «национальный интерес». Это привитие получает более

---

[1] Ильин М.В. Цит .соч., стр. 346.

[2] Подробнее см.: Панарин А.С. Атлантизм и евразийство: два сценария для России. / Россия: опыт национально - государственной идеологии. М., 1994, С. 116.

полное и эффективное воплощение с использованием информационных каналов (массовой информации). Информационное господство понимается, вслед за Тоффлером, как наименее ресурсозатратное (по сравнению с военно-экономическими ресурсами господства), и в то же время - эффективное и всепроникающее (в терминологии одного из современных теоретиков цивилизации Ф. Броделя - заразное), обусловливающее и геостратегическое (военное) и геоэкономическое превосходство. Поэтому информационный подход к современной проблематике национальной безопасности представляет собой соразмерную задаче исследования концепцию, основные аспекты которой призвана рассмотреть настоящая статья.

Итак, современная цивилизация использует новые формы контроля, которые позволяют «на корню» пресечь любую внецивилизационную активность. Последняя попросту невозможна, потому что современная цивилизация завладевает сознанием, формирует необходимый тип поведения на бессознательном уровне. Если проникновение цивилизационных императивов в сознание любого «нецивилизованного» народа не является столь глубоким, используются иные меры пресечения. Такая мера пресечения может быть опознана в так называемой «гражданской политической культуре», развитие которой сводит на нет национальную волю, так как она не может найти выражение в государственной политике, быть представленной в действительных политических решениях (подробнее см. ниже). Достаточно универсальным средством оказываются элементы материальной культуры, которые делают привлекательными «блага цивилизации». Именно формирование потребительского общества придает цивилизации поразительную устойчивость - гарантия нарастающего потребления является действительным соблазном, против которого, как кажется, не может устоять ни один человек. Однако необходимо сознавать, что «остальной мир» и, в частности, Россия никогда не по-

лучит западного стандарта жизнеобеспечения хотя бы потому, что при приближении всего мира к уровню потребления, равному американскому, глобальных ресурсов хватит на считанные десятилетия. Этот аргумент - пределы роста - оказывается решающим для активного поиска внецивилизационных альтернатив. «Дабы поступательное движение вообще не прекратилось в жизни всего человечества, необходимо, чтобы, дойдя в одном направлении до известной степени совершенства, началось оно с новой точки исхода и шло по другому пути, то есть надо, чтобы вступили на поприще деятельности другие психические особенности, другой склад ума, чувств и воли, которым обладают только народы другого культурно-исторического типа»[1].

Для цивилизации характерно единое представление о мире, нетерпимое к национальным и другим различиям, всему, что нельзя подвергнуть технологической калькуляции, чем нельзя управлять с точки зрения особого типа рациональности, который присущ современной цивилизации. Поэтому современный человек заключен в герметизированный универсум действия и поступка, загон для сознания. Ему отведена роль в цикле производства и потребления. Окружающий мир и особый внутренний мир человека как представителя отдельной культуры является для цивилизации материалом, который должен быть подвергнут опредмечиванию и поставлен в распоряжение интегрированного цивилизационного целого. Н.Я. Данилевский следующим образом обрисовывает цели насилия цивилизации над национальной культурой народов: «дабы обратить их со временем в подчиненный, служебный для высших целей этнографический элемент, мягкий, как воск и глина, и принимающий без сопротивления все формы, которые ему заблагорассудят дать»[2].

---

[1] Данилевский Н.Я. Цит. соч., С. 92.
[2] Там же, С. 83.

Таким образом, средством развертывания современной западной цивилизации является информация, доминирующим способом развертывания - информационное влияние. Ставя цель достижения всеобщего униформизма, всеподконтрольности и всеподрасчетности, современная западная цивилизация успешно пользуется неравноценностью информационных возможностей. Так выявляется исходная опасность для России: навязывание чужеродной, неуместной политической, экономической, культурной формы, что противоречит самому понятию нации, а следовательно - национальной безопасности. Опасно, что этот процесс «преформирует» мироотношение, политического сознание, «хозяйственную этику» народа, то есть в конечном счете - порождающие структуры национального интереса. Таковы цивилизационные условия формирования национальной безопасности России и существования национального интереса.

Прежде всего, необходимо развеять один миф, связанный с «вхождением России в мировую цивилизацию». Навязывание России западных цивилизационных стандартов, протагонисты которого есть и в самой России, подталкивается иллюзией получения западного стандарта жизнеобеспечения, приобретения западной политической стабильности и уровня социальной безопасности, транснационализации и проведении Западом наших интересов под рубрикой «партнерство», распределения на Россию властных и финансовых ресурсов запада. Реалии, разрушающие этот миф, таковы. Во-первых, сама западная цивилизация себя исчерпала. «Рыночно - потребительская цивилизация, - пишет А. Гор, - не только исчерпала себя, но более того, завела американское общество в тупик, стала подводить нашу планету к черте гибели»[1]. Во-вторых, страны Запада не могут и не хотят содействовать приобретению Россией западного уровня и качества жизни. «Униформизм», таким образом, не

---

[1] Гор А. Земля на чаше весов. М., 1993, С. 215.

следует понимать в качестве полного переноса действующих на западе политических и экономических форм. Здесь он означает единство и единственность западного мировосприятия, в котором коренится его интерес. Транслируемая нам политическая форма решает двойственную задачу, с одной стороны, - сохранения полицейской стабильности в условиях экономического хаоса, перед угрозой того, что этот хаос затронет безопасность запада; а с другой стороны, - недопущение того, чтобы национальное правительство России, придя к власти, возродило военно-политическую опасность для «мировой цивилизации». Экономическое развитие России допустимо, с точки зрения «цивилизации», только в виде придатка, развертывания на пространствах России экологически опасного неоиндустриального фронта при сверхэксплуатации ресурсов. Россия получает особую, дисциплинирующую безопасность от самой себя. Финансовые вливания и инвестиции способны, разве что, препятствовать полной маргинализации народа и деградации политической формы до террористически-племенного уровня, так как это вызывает у цивилизации страх эскалации практически неподконтрольного терроризма. Именно такое единство формы подлежит глобальному навязыванию.

Можно возразить, что Россия, по крайней мере, получила внутренний высокий правовой стандарт, уровень «цивильности», в том числе - свободу мировосприятия и политического самовыражения каждого гражданина. На самом деле и то и другое укладывается в транслируемые западом фреймеры[1] - смысловые, контекстные, ситуационные модели поведения. Нас интересует прежде всего политическая сфера. Сама по себе гражданственность (в противоположность бытующему в русском языке значению высшей степени политического участия, выраженному, к примеру, в рус-

---

[1]См.: Никитаев В.В. Пресса и журналистика в рамках культуры. // Вопросы философии, №2, 1998, С.71.

ской поэзии XIX века), понимаемая как огражденность, отгороженность - является этимологически однокоренной слову «цивилизация» и представляется одним из ее атрибутов (требования «political correctness», к примеру, фактически аннигилируют возможность значимых суждений о политике, затормаживают и подрывают политическую коммуникацию). Цивилизации присуща особого рода «внутренняя имперскость», дисциплинарность (М. Фуко), искоренение инициативы и политического участия. В этом плане симптоматичны некоторые положения концепции «гражданской культуры» («Civic Culture») Г. Алмонда и С. Вербы, которые явно накладывают ограничения на политическое участие. То, что всходы этой культуры укоренились и в России - признак того, что западная цивилизация во многом уже подчинила Россию. Г. Маркузе рассматривал эту отгороженность как «герметизацию политического универсума» и «герметизацию универсума дискурса»[1]. Эта «отгороженность» от политики и социальной жизни стала болезнью современной молодежной (и не только) культуры.

Демократия, также полагаемая как приобретенное Россией достижение цивилизации, в условиях информационного влияния оказывается фактически несостоятельной. Ю. Хабермас рассматривал современную демократию как дискурсивный, делиберативный процесс; дискурс же, как показано выше, герметизирован, вращается в рамках поставленных цивилизацией образцов мышления и политического поведения. Даже если предположить, что «система» (российское вненациональное правительство) принципиально открыта запросам, рождающимся в процессе формирования общественного мнения, то в любом случае этот процесс функционализирован самой системой. Как пишет Хабермас, «вписанный в перспективу власти, программированный законом процесс циркуляции нормативного саморе-

[1] См.: Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994, С. 109-161.

гулирования получает противоположный смысл. Ведь он сам становится самопрограммированной циркуляцией власти: управление программирует само себя, руководя поведением электората, заранее программируя правительство и законодательство и функционализируя судебные решения.»[1]. Если рассуждать не только в политическом аспекте, то все жизненные потребности, запросы человека в условиях цивилизации подчиняются выявленному Г. Маркузе алгоритму «Preconditioning» - преформирование, предобусловливание[2]. Эти проблемы еще раньше нашли рассмотрение в русской общественно-политической мысли. В частности, один из идеологов Евразийства Н.Н. Алексеев пишет: «Европейская демократия гордится тем, что она основывает свою власть на «свободном» общественном мнении, выражающем волю большинства «нации». Общественное мнение, по внешней видимости, играет немалую роль в жизни европейских демократий, оно свергает правительства, изменяет состав парламентов, определяет основные направления политики. Но что же называет демократический режим таким «общественным мнением»? «Общественным мнением» на Западе называется не стабилизированное, прочное, глубоко укоренившееся в народе убеждение, а, скорее, известные, очень изменчивые народные настроения, возникшие к тому же не самостоятельно, а искусственно привитые политическими партиями. Политические партии в демократическом государстве инспирируют такое «общественное мнение» по любому вопросу политики. Партии вызывают и пробуждают политические настроения, разжигают страсти и их культивируют. Такое «общественное мнение», по большей части, создано искусственно, вздуто и не отвечает ни интересам отдельных народных слоев, ни интересам государственного целого. Существуют особые приемы такого возбуждения

---

[1] Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995, С.49.
[2] Маркузе Г. Цит. соч., С.6.

«общественного мнения» - это политическая агитация, вооруженная ныне всеми приемами новейшей рекламной техники»[1]. Хабермас, в целях возвращения демократии исконного смысла предлагает «осаду» власти со стороны свободных общественных ассоциаций, постоянно формирующих особый и заинтересованный взгляд на все процессы, имеющие политическое значение. Алексеев является сторонником евразийской концепции «демотичности» власти в противовес современной «демократии» - сущность «демотии» заключается в представительстве конкретных носителей интересов. Последнее ведет к формированию идеократического государства, то есть подлинного выражения национального сознания, представления о национальной идее. Эти концепции, несомненно, следует учесть при формировании современной доктрины национальных интересов и безопасности России.

Что касается экономического развития России, то оно придерживалось, вплоть до последнего времени, курса либерализации. В этом видится подтверждение того, что России навязываются отнюдь не современные западные формообразующие параметры. Западную форму экономики все чаще характеризуют как «штабную», виртуальную постэкономику»[2], иными словами в большей степени - плановую. Возможно предположение, что либерализация - стратегия деструктивной хаотизации национальных экономик; не случайно самая одиозная из либеральных доктрин («Конец истории?» Ф. Фукуямы) родилась в недрах стратегического государственного департамента США. Внешне противоположные процессы монополизации и концентрации инвестиций в ресурсодобывающей сфере подтверждают мысль

[1] Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство. / Россия между Европой и Азией... С.170.
[2] А. Неклесса. «Российский проект». // МЭиМО, №6, 1998, стр. 32.

о парадоксальности поддерживаемой Западом в качестве либеральной линии экономических реформ.

Самой опасной формой «цивилизовывания», которая «венчает» самоосуществление цивилизации, исключая возможность «сознательного отказа» от заимствования каких-либо элементов цивилизации , является преформирование социального мира и внутреннего мира человека. Следствием навязывания «цивилизованных» образцов в качестве формы сознания и образца поведения является либо формирование выгодных западу политических реакций, либо комплекса социально-экологически иррелевантных моделей поведения и структур мировосприятия. Достаточно сложно говорить о каких-либо конкретных формах поведения, которые прививаются средствами массовой информации. Скорее всего, таковых и не существует. Основная цель коммуникационных сетей цивилизации - вызвать «головокружение» публики, полностью дезориентировать сознание, растворить любую идентичность, субъектность, которые могут стать основой критического отношения к цивилизации.

Таковы формы цивилизационного влияния, которые напрямую затрагивают основные аспекты безопасности - политический, экономический, идеологический, экологический. Следствия этого процесса - утрата собственной национальной формы, структуры, целостность которой - предельная задача национальной безопасности. То есть национальная безопасность ставится под угрозу по всем направлениям. Россия стоит перед фактом принципиальной невозможности национальной безопасности, бытия в государственной форме нации, имеющей и защищающей собственные, суверенные интересы. «У России больше нет *собственной* концепции бытия и она по этой причине утратила право на жизнь»[1].

---

[1] Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке. // Пер. с англ. N.Y.: Liberty publishing house, 1989, стр.50.

Следуя логике информационного подхода к безопасности, можно сказать, что обеспечение национальной безопасности современной России, само ее национальное конституирование - задача прежде всего информационная. Принципиальным является допущение о наличии в социально-политических системах своего рода тезауруса - необходимой структурообразующей информации, препятствующей распаду системы, нарастанию энтропии. Она выражается как во внешних формах политического устройства и законодательства, так и в тексте культуры, в который вписаны модели поведения и сознания. И то, и другое формируется в результате постоянного взаимодействия с политическим и природным окружением, является следствием «расположенности» к окружающему миру, очерчивания «месторазвития», образа бытия в мире. Этот тезаурус понимается как наследие. Описанная структура несет на себе архетипические модели взаимодействия с природным и социальным окружением, возможные и оптимальные варианты ответов на вызовы среды, то есть по существу - безопасности. Как пишет Данилевский, «собирается запас сил для будущей сознательной деятельности, закладываются те особенности в складе ума, чувства и воли, которые составляют всю оригинальность племени, налагают на него печать особого типа общечеловеческого развития и дают ему способность к самобытной деятельности, - без чего племя было бы общим местом, бесполезным, лишним, напрасным историческим плеоназмом в ряду других племен человеческих. Эти племенные особенности выражаются в языке (вырабатывающемся в этот длинный период времени), в мифическом мировоззрении, в эпических преданиях, в основных формах быта, то есть в отношениях как ко внешней природе, источнику материального существования, так и к себе подобным»[1]. Высвечивание этой структуры и дает исходную воз-

---

[1] Данилевский Н.Я. Цит. соч. С.90.

можность существования национальной безопасности, причем во всеобъемлющем информационном аспекте. Сам этот процесс не может иметь нормативный характер (подобно тому, как нельзя «декретировать», «выдумывать» идеологию; концепция бытия, об отсутствии которой говорит Бжезинский, вызревает в языке, культуре народа). Фактически перед современным российским правительством стоит задача активизации наследия, инспирирования процесса исторического «припоминания». В свое время аналогичная задача стояла перед Сталиным, когда в условиях войны деконструированное революцией, именно национальное наследие пришлось активизировать (вплоть до восстановления института Православной Церкви).

Данный подход не должен, в то же время, рассматриваться как «консервативная революция», впадение в архаику. Актуализация наследия рассматривается как исходная, генетическая возможность национальной безопасности, условие, собственная основа устойчивого современного развития нации.

Образующие нацию процессы могут быть выведены из сферы влияния западной цивилизации путем осуществления следующих мер. Во-первых - поддержка семьи и генетическая политика вообще, исходя из того, что семья, род представляют собой простейшую и самую устойчивую структуру протополитической организации, информационный фильтр (в этом качестве противостоит информационному развертыванию цивилизации, исключает формы поведения и мировосприятия, неадекватные культурной интериоризации и социализации); в самом прямом смысле сохраняет наследие. В подтверждение этого можно привести и суждение Шпенглера, утверждавшего, что цивилизации могут противостоять лишь «исторически здоровые» народы. Следует учитывать и то, что «само латинское слово *natio*... восходит к индо-европейскому корню gen. Первоначально *natio* означало рождение и происхождение как реализацию... акта

порождения родителями и возникновения нового поколения»[1]. Таким образом, идеи наследия и евгеники (теории и практики хорошего, доброкачественного рода, семьи) представляют собой фундаментальные основания национальной политики, обуславливающими построение безопасности нации.

Другие реальные возможности противостояния цивилизационному влиянию (не ставящие запредельных задач информационного доминирования России, заведомо обходящие представляющую новую угрозу для национального наследия России деконструкцию политической системы во главе с современным правительством, и акцентирующее в то же время самоопределенность, сущностную интравертивность нации) заключает в себе становление в России органов местного самоуправления. Последним присуща большая степень открытости и адекватности реагирования на имеющиеся на местах интересы, большая, непосредственная ответственность, которая полагается в качестве основного критерия «национальности» политики; они, находясь в кругу своих местных проблем, менее подвергаются преформированию. Именно местные органы власти инспирируют заинтересованность, делают процесс дискурса о национальном интересе собственно интересным, реализуют национальное представительство. «Места сосредотачиваются на самоуправлении в духе частых приоритетов, весьма демократичных *заинтересованных* традиций земства. Гибкость их деятельности гарантируется правовой базой , специфицирующей полномочия ... властей *в данных условиях* (курсив мой - *И.Ч.*)»[2]. Понятие «местного самоуправления» призвано включать как территориальные, так и производственные и другие социальные объединения, которые могут высту-

---

[1] Ильин М.В. Цит.. соч., С. 241.
[2] Россия: опыт национально - государственной идеологии, М., 1994, С. 96.

пить носителями интересов национального значения. Местное самоуправление реализует идею непосредственной внутренней открытости нации. Истинно и исходно национальный интерес в современной России может быть сформулирован на местном уровне (так как центральное правительство открыто только вовне, транснационализировано).

В этом же ракурсе видится возможность совершенствования в России малого предпринимательства. Теоретическую основу этой возможности составляет понятие дома (ойкос, давший имя экономике), то есть такого способа ведения хозяйства, при котором усилия и результат соразмерны реальным, а не завышенным потребностям, и не превышают разумных пределов эксплуатации ресурсов. Модель малого предпринимательства с успехом противостоит макроэкономическому массиву влияния, крупным корпорациям, создает возможность для неформальной экономической инициативы. Опять же близка идее нации в аспекте ориентации на самодостаточность экономики. Русская модель экономики развивалась на традиционных ценностях крестьянской общины и артели, взаимопомощи, трудовой демократии, местном самоуправлении. «Малые предприятия - это перенос принципов трудового крестьянского двора в промышленность»[1].

Изложенные возможности противостояния цивилизации (от актуализации наследия до совершенствования малого предпринимательства) представляются важнейшими условиями существования России в национальной форме, необходимыми для поддержания устойчивости этой формы, ее целостности и идентичности, то есть безопасности. Они содержат в себе и исходную возможность национальной осознанности в направлении политики, выявления и оценки тех

---

[1] Маслов В.И. Россия: поиск пути и проблема политического выбора. //Вестник Московского Университета, серия 12. Политические науки, 1997, №1, С. 73.

внешних угроз и выгод, на которые обращается национальный интерес в процессе идентификации нации. Эти возможности связаны с особым отношением к условиям цивилизации. Они не совместимы с агрессивным прожектерством националистической самореализации России, только выгодного цивилизации, представляющего ей новое оправдание эскалации «миротворчества»; по возможности, нейтрализуют цивилизацию, но не в варварской форме, а путем внутреннего совершенствования. Они, наконец, противостоят формам цивилизации модерна, но исключают впадение в архаику, преследуя цель развития творческой и неформальной мысли, как ресурса процветания России XXI века. Формируется стратегия критического взаимодействия с цивилизацией, не отрицающая «взаимообогащения», заимствования, но дающая возможность сознательного отказа от угрожающих национальной форме элементов цивилизации, открывающая возможность формулирования альтернатив глобального развития, которые может выдвинуть Россия. В статье не ставилась задача описания «конкретных национальных интересов». Мы постарались выявить условия их реализации, которые открывают основания для складывания национальной формы, национальной безопасности и подлинно национального интереса, фундаментальные для современной российской политики.

Леонтий Бызов
Директор исследовательских и аналитических программ
Фонда "Русский проект"

АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ СИТУАЦИИ НА ПЕРВОМ ЭТАПЕ ПАРЛАМЕНТСКОЙ ИЗБИРАТЕЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Проходящая избирательная кампания в Государственную Думу– уже третья по счету. Можно говорить о некоторых сформировавшихся традициях, определенном опыте политической культуры, политических и избирательных технологий. В чем-то эта кампания носит рутинный характер, в чем-то существенно отличается от предыдущих. Каждая кампания требует от обслуживающих ее социологов и политических технологов совершенствования методической базы. Предлагаемый анализ сделан на самом старте кампании – в середине октября, когда еще только начиналась пропагандистская акция по понижению рейтинга «Отечества», личный рейтинг премьера В.Путина еще не достиг космических высот, которые были набраны месяц спустя, а перспективы проправительственного объединения «Единство» еще оставались туманными. И, тем не менее мы уверены, что серьезных сюрпризов данная кампания не принесет. Тем интереснее сравнить результаты данного анализа с тем, что в действительности принесут декабрьские выборы. В основу анализа положены результаты исследований, проведенных в сентябре и октябре 1999 года Фондом «Русский проект» и Российским независимым институтом социальных и национальных проблем.

Общий социально-политический фон накануне выборов

За четыре года, прошедших с парламентской кампании 1995 года произошла существенная, хотя и малозаметная на первый взгляд, трансформация электорального поля. Это связано с изменением ценностных и политических ориентаций граждан, их представлений о себе, своем месте в мире, будущем страны. Определилось массовое осознание неудач российского варианта либеральных реформ, ныне наблюдается беспрецедентное в российской истории падение доверия общества к власти, а также резко возросла тревожность общества, связанная как с «внешним фактором», так и с системным кризисом внутри страны. Что касается последствий августовского кризиса, то он, как известно, в той или иной степени затронул каждого, привел к снижению жизненного уровня почти **80%** россиян, а главное - многое изменил в общественном климате в стране, что, несомненно, скажется как на ходе избирательной кампании, так и на ее возможных результатах. Так, в качестве главной проблемы, которая вызывает тревогу, отмечается снижение уровня жизни и рост цен **(52,1%).** Следом идет угроза войны на Северном Кавказе **(27,0%).** Сочетание неблагоприятных экономических и политических факторов выражается в том, что **41,1%** населения оценивает общую ситуацию в России как катастрофическую, а еще **52,1%** как кризисную и только лишь **3,1%** как нормальную. Подобный рост катастрофических настроений не наблюдался с первой половины 90-х годов.

В тоже время за год, прошедший с августовского кризиса, произошла определенная *регенерация "средне-*

го класса”. Его объем по разным критериям колеблется от **33%** (столько населения само себя относит к среднему или верхнему слою общества) до **21%** (столько относят себя к высоко- и средне материально обеспеченным). Разница между этими показателями в **12% -** это те, чей социальный статус остается достаточно высоким, но материальное положение оставляет желать лучшего. Таким образом, можно оценить долю “адаптантов” в обществе (то есть тех, кто приспособился к социально-экономическим условиям) примерно в **20%** или немногим более. Понятно, что достигнутый личный успех существенно влияет на умонастроения людей, в частности, во многом предопределяет их электоральный выбор. Но если в 1995 году политический центр скорее был готов поддержать «адаптантов» в их стремлении сохранить общий вектор развития, сформировавшийся в 90-е годы, то сегодня те, кто считает общее направление развития правильным, находятся в меньшинстве даже среди адаптировавшихся слоев общества.

Таблица 1. Отношение к сложившемуся в 90-е годы режиму различных социальных слоев общества

Социальные слои	***«Необходимы радикальные перемены»***	***«Пусть все идет своим чередом»***
«Адаптанты»	55,6	44,4
Низкая материальная обеспеченность	70,2	29,8
Живут за чертой бедности	77,7	22,3

Если в 1995 году отношение к действующей власти, либеральным реформам и Западу глубоко раскалывало об-

щество, то сегодня эти факторы его скорее объединяют. В радикальной критике режима успешно соревнуются прежняя «непримиримая оппозиция» и силы, еще недавно составлявшие его оплот (лишь ЛДПР выступает в качестве лоббиста интересов Кремля); жесткой критике либеральные реформы образца начала 90-х подвергают даже их непосредственные архитекторы (П.Авен); лишь совсем маргинальные группы поддержали НАТО во время конфликта в Югославии (К.Боровой), в равной степени как при всеобщем одобрении осуществляется военная операция против Чечни. В 1999 году общество намного более консолидировано, чем в 1995. Сформировался общественный консенсус по следующим основаниям:

- сложившийся в России в 90-е годы экономический и политический режим надо менять, причем радикально (с этим тезисом согласны примерно **70%** населения);
- необходимо усиливать роль государства, как в экономике, так и во всех сферах жизни **(75-80%);**
- надо наводить порядок во всем, даже если понадобится «твердая рука» **(68%);**
- следует стремиться к преодолению сложившегося гипертрофированного раскола общества на нищих и сверхбогатых, в том числе за счет передела «неправедно нажитых состояний» **(58%);**
- следует жить «своим умом», а не полагаться на «цивилизованный Запад» **(73%).**

«Западническая» составляющая российского национального самосознания, доминировавшая в стране как минимум последние 15-20 лет, ныне подвергается весьма серьезному испытанию. Именно «Запад» становится в массовом сознании концентрированным воплощением «зла», разного рода страхов и угроз.

Наибольшее распространение среди сторонников различных идейно-политических течений получают идеи социальной справедливости и национального возрождения, укрепления государственной мощи. В то же время ряд проблем и социальных ценностей продолжают раскалывать общество. Так сохраняется противоречие между "традиционалистскими" представлениями об обществе как системе, требующей регулирования - доходов, общественной морали, других социальных отношений; первичности государства и его интересов над частными интересами - и "индивидуалистическими" представлениями, более свойственными современному горожанину.

Таким образом, можно предположить, что общество за прошедшие годы сдвинулось ***в лево-националистическом направлении***. Однако масштабы этого сдвига не следует переоценивать. Отрицательное отношение к Западу не распространяется на «западный образ жизни», предполагающий приоритет индивидуальных ценностей над общественными и коллективными. Продолжают цениться такие завоевания демократии как право на частную жизнь, включая свободу передвижения, свободу предпринимательства, свободу получения информации, выборность органов власти и т.д. Лишь **2,4%** населения готово поддержать введение режима ЧП, предусматривающего отмену парламентских и президентских выборов, другие массовые ограничения. Около **47%** населения продолжают оценивать переход к рыночной экономике как скорее положительное явление, хотя и содержащее очевидные отрицательные моменты (при **39%** уверенных, что переход к рынку - это грубейшая ошибка или даже преступление). В

результате все большую популярность приобретает модель социально-ориентированного капитализма с государственным регулированием определяющих сфер жизни и широкой экономической свободой на его "нижних" этажах - в мелком и среднем бизнесе, торговле и сфере обслуживания. Так **33,6%** опрошенных россиян считают, что «экономика должна быть основана на государственной собственности с отдельными элементами рыночного хозяйства»; еще **24,0%** - выступают за экономику, основанную на частной собственности с элементами государственного регулирования.

Если выборы 1995 года проходили в условиях, когда правящий режим, несмотря на ставшие явными черты его одряхления, был достаточно прочным и было очевидным, что никакие результаты парламентских выборов не способны его поколебать, то сегодня ситуация принципиально иная. “Центральная” ветвь власти, представленная Кремлем и Старой площадью, оказалась практически полностью делигитимизирована (уровень доверия действующему президенту составляет всего **3,5%).** Шансы режима в его прежнем виде на сохранение, исчезающе малы, и шансы эти связаны с перспективами авантюрных шагов, которые способны еще в большей степени делигитимизировать режим в целом. Отсюда - дистанцирование большей части экономической и региональной элиты от Ельцина и его окружения, их активные поиски конфигурации новой “партии власти”. Большую заинтересованность в конструировании новой партии власти демонстрируют региональные элиты, впервые на этих выборах открыто заявившие о себе как значимая политическая сила, стремящаяся повлиять на результаты выборов. Наиболее активные ре-

гиональные лидеры мечутся в поисках той политической силы, союз с которой даст им наилучшие перспективы. С этой точки зрения весьма высока вероятность того, что предстоящие парламентские выборы будут восприниматься населением как первый этап поиска тех политических сил и отдельных персонажей, которые смогут обеспечить переход к постельцинской эпохе. Причем, персональный состав будущей власти и ее идеологическая окраска мало волнуют россиян. Главное, чтобы она воспринималась обществом как субъект общенациональных стратегических интересов, которые оказались в последнее десятилетие "растащены" между отдельными экономическими и политическими группировками.

Электоральное поле его основные сегменты

Несмотря на очевидно произошедшую деидеологизацию российской политической жизни, смещение основных политических субъектов в направлении политического Центра, что делает идеологические и программные различия между ними малосущественными, сохраняются определенные электоральные ниши, сформировавшиеся еще в середине 90-х годов. Согласно представлениям политологов, электоральное поле в современной России делится на три крупных сегмента:

А) «Коммунисты»;
Б) «Русские национал-державники»;
В) «Демократы».

Причем если коммунистическая электоральная ниша носит консолидированный характер, то «национал-державники» делятся на «государственников», «державников», придерживающихся ценностей укрепления государст-

венного могущества и собственно русских националистов, выносящих на первое место, так называемый «русский вопрос». В свою очередь в третьей электоральной нише выделяются «либералы», приоритетом для которых являются радикальные рыночные реформы и «демократы», ориентированные на такие ценности как демократия, гражданское общество и права человека.

Подобное расслоение либерального электората особенно проявилось в период после 1993 года, когда одна его часть оказалась готовой поддержать нелигитимные действия власти «во имя продолжения реформ», а другая выступила против. Именно тогда сформировалась электоральная ниша «демократической оппозиции» режиму.

Исследования показывают, что среди населения России названные электоральные ниши занимают следующее место:

1. Сторонники социального равенства или «коммунисты» – 17,7%;

2. «Национал-державники» 27,1%;

2.1. «Державники» - сторонники укрепления силы и могущества российского государства – 20,3%;

2.2. «Русские националисты» - сторонники самостоятельного русского пути развития - 6,8%;

3. «Демократы» – 19,8%;

3.1. «Либералы» - сторонники проведения радикальных рыночных реформ – 5,8%;

3.2. Собственно «демократы» - сторонники прав человека и демократического пути развития России – 14,0%.

4. Деидеологизированная часть общества – 35,4%.

В исследовании замерялись пять основных ценностных «трендов», характеризующих:

1). Отношение к роли государства в материальном обеспечении людей (шкала «либерализм» – «патернализм»);

2). Отношение к развитию России по западному пути (шкала «западничество» – «почвенничество»);

3). Отношение к необходимости «твердой руки» и установлению авторитарного режима (шкала «авторитаризм» – «демократизм»);

4). Отношение к планам «конфискации неправедно нажитых состояний» и передела собственности (шкала «социальный реванш» – «социальный мир»);

5). Отношение к режиму, сложившемуся в 90-е годы (шкала «перемены» – «стабильность»).

Так все электоральные группы кроме «радикальных рыночников» считают, что «государство должно обеспечивать каждую семью минимумом доходов». Лишь среди радикальных рыночников большинство полагает, что «каждый человек должен сам заботиться о материальном обеспечении своей семьи, не надеясь на государство» (**65,7%** против **34,3%).**

Все электоральные группы с подавляющим перевесом придерживаются мнения, что «Россия – особая цивилизация, в ней никогда не привьется западный образ жизни». Исключение составляет лишь группа радикальных рыночников, остающаяся на западнических позициях (тезис «Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны» поддерживается **59,8%** представителей данной группы). Много западников (хотя и меньше половины») в группе «демократов» – **41,2%.**

Только эти же две названные группы выступают и против «твердой руки» – за приоритет демократических ценностей (соответственно, **65,7%** среди «рыночников» и **55,5%** среди «демократов» – сторонники демократических ценностей), тогда как среди остальных групп преобладают сторонники авторитарного режима. Идея «твердой руки» остается в современной России достаточно идеологически

окрашенной – большинство имеет ввиду именно «твердую руку» государства.

За «социальный реванш» выступают опять-таки все группы, кроме «рыночников» и «демократов». В первой из этих групп за передел собственности выступают лишь **29,4%;** во второй – **44,5%.**

За радикальные перемены режима выступают все электоральные группы, хотя «рыночники» и «демократы» менее консолидировано – соответственно, **52,0% и 57,1%.**

С помощью факторного анализа все пять «трендов» преобразуются в одну главную компоненту, положение на которой определяет ценностные ориентации отдельных электоральных групп. Так если все использованные шкалы интерпретировать как «правые» – «левые» в традиционном понимании этих терминов, то средний уровень сторонников «правых ценностей» во всей совокупности опрошенных составляет **33,7%,** что свидетельствует о доминировании в обществе левоцентристских настроений**.** *Именно показатель 33,7% соответствует сегодняшнему политическому центру.*

Данная методика позволяет определить положение основных электоральных групп на шкале «левые» – «правые». *Группы с уровнем «правизны» выше 33,7% можно охарактеризовать как «правые», а ниже 33,7% - как «левые».*

Таблица 2. Положение основных электоральных сегментов на шкале «левые» – «правые».

Электоральные сегменты	*Среднее значение на шкале*	*Общая характеристика*
1. Сторонники социального равенства	18,1	Левые
2. Русские националисты	28,3	Левый центр

3. Державники	30,6	Левый центр
4. Демократы	46,3	Правый центр
5. Радикальные рыночники	62,0	Правые

Движение общества в направлении политического центра привело к формированию в электоральном центре *«национал-державнического большинства».* Оно придерживается умеренно левой, государственнической ориентации, дистанцируясь одновременно как от «коммунистов», так и от «либералов». Соответственно, этот «центр» является легкой «добычей» со стороны «партии власти», в том случае, естественно, если она ведет традиционную для себя политику, ориентированную на государственнические, патриотические ценности. Этот центр не был в состоянии консолидировать президент, но премьеры, начиная с Е.Примакова, именно из него черпали свой электоральный потенциал. Сегодня главными конкурентами на занятие данной электоральной ниши являются Е.Примаков и В.Путин. Пока ни одному из них не удалось консолидировать вокруг себя новую, постельцинскую «партию власти» - а лишь ее некоторые сегменты, включая и поддержку региональных элит. На наш взгляд, шансы В.Путина как действующего премьера выглядят предпочтительнее (даже если отвлечься от личностных особенностей названных лидеров), поскольку у него как у носителя реальной власти имеется больше возможностей поддерживать имидж волевого, крутого государственника, стоящего над схваткой отдельных партий и кланов. Что же касается Е.Примакова, то его имидж «человека, стоящего над схваткой» стал размываться союзом с Ю.Лужковым, представляющим именно определенный клан, а также самим фактом участия в парламентских выборах во главе одной из

соперничающих структур, что ставит его в «общий ряд» с другими «ветеранами политической сцены», такими как Г.Явлинский, В.Жириновский и другие.

Конкретно-политическое наполнение электоральных сегментов

Приведенные данные хорошо демонстрируют то обстоятельство, что в национал-державнической нише со значительным перевесом доминируют «державники» (а ниша собственно русских националистов остается предельно ограниченной – отсюда все попытки использовать «русский фактор» в качестве основного не приводят к ожидаемому эффекту – несмотря на рост антизападнических настроений). Также очевидно, что ниша либерально ориентированной части общества остается достаточно большой – около **20%,** однако «демократы» в ней существенно превосходят «либералов-рыночников». На практике это проявляется в том, что вот уже вторые выборы «Яблоко» занимает устойчивые позиции одного из фаворитов, а либералы – «Демвыбор» или «Союз правых сил» без серьезных шансов на успех борются за электоральное выживание.

Таким образом, **20**% по стране в целом **и 22%** в крупных городах – это тот «потолок» на который могут рассчитывать все политические силы, придерживающиеся рыночно-демократической ориентации. За свое место в этом электоральном сегменте борьбу ведут «Яблоко», «Союз Правых Сил», «Наш Дом Россия», а также блок «Отечество», имеющий крайне противоречивый электоральный имидж в силу принципиального различия слоев, ориентированных на Е.Примакова и Ю.Лужкова.

Блок “Отечество” (ОВР) является на сегодняшний день фаворитом на предстоящих парламентских выборах. Уже сейчас (начало октября) за него готовы проголосовать **25,6%** избирателей. Однако аналитики отмечают и значи-

тельной число уязвимых мест, в первую очередь связанных с рыхлостью и неоднородностью этого блока, потенциальным соперничеством двух его лидеров Е.Примакова и Ю.Лужкова и их команд, за которыми стоят мощные финансово-экономические и политические группировки. За последние месяцы наметилась тенденция падения персонального рейтинга Юрия Лужкова, ставшего основной мишенью со стороны пропагандистов нынешней партии власти (его президентский рейтинг снизился до показателя **7,6%),** а рейтинг доверия стал отрицательным (ему доверяют **30,5%,** а не доверяют **43,1%)** при сохранении высоких электоральных показателей Е. Примакова (президентский рейтинг **17,7%,** а показатель доверия **59,7%).** Ю. Лужков при этом, как показал ход событий, не устраивает значительную часть региональных экономических элит в качестве будущего лидера партии власти, в то время как Е. Примаков в гораздо большей степени соответствует этим требованиям, в том числе и потому, что за ним не стоит никаких мощных финансово-экономических группировок.

Почти наверняка на втором месте на финише избирательной кампании окажется КПРФ, на сегодняшний день которую готовы поддержать **18,1%.** Шансы КПРФ в значительной степени определяются стратегической поддержкой Кремля, для которого КПРФ значительно более удобный партнер, чем «ОВР». Целенаправленная «игра» на понижение рейтинга «ОВР» (в частности, специально для этого сформированный блок «Единство») может привести к тому, что КПРФ все-таки займет первое место. Но в меньшей степени этот электоральный успех может быть записан на счет самой КПРФ. По сравнению с прошлыми выборами, КПРФ сохранила ядро своего электората, однако лидерам КПРФ не удалось создать вокруг этой партии широкую протестную коалицию, включающую в себя силу государственнической и патриотической ориентации. Поэтому, несмотря на значительный электоральный потенциал, КПРФ продолжает на-

ходиться в политической изоляции и не воспринимается всерьез как реальный претендент на формирование будущей партии власти***. КПРФ оказалась заперта в своем электоральном сегменте*** и не сможет претендовать на свою долю «национал-протестного» электората, который практически полностью имело шанс монополизировать «Отечество» (благодаря имиджу Е.Примакова). Однако в октябре как серьезный конкурент за протестный электорат заявил о себе и В.Путин, самый «крутой» премьер за новейшую историю России. В то же время КПРФ сумела монополизировать свою электоральную нишу, а «коммунисты-раскольники», пытающиеся играть на том же поле, обречены на фиаско (объединения В.Анпилова и В.Тюлькина, а также «Движение в поддержку армии» во главе с В.Илюхиным).

На третьем месте практически наверняка окажется движение "Яблоко" (**13,7%),** представляющее интересы в первую очередь протестно настроенной городской интеллигенции, сохраняющей приверженность общедемократическим ценностям. Вхождение в этот блок сравнительно популярного бывшего премьера С.Степашина не принесло "Яблоку" существенного расширения его электората. «Яблоко» имеет «привычку» плохо финишировать, так что вполне возможно наберет-таки «свои» **7-8%.**

На грани прохождения и непрохождения в Думу балансируют еще ряд партий и движений. Среди них Либерально-демократическая партия В.Жириновского, коалиция "Союз правых сил" (С.Кириенко, Б.Немцов, И.Хакамада) и вполне возможно, наспех создаваемый при поддержке Кремля и Белого дома блок "Межрегиональное движение "Единство" (во главе с С.Шойгу). Ни одна из остальных партий, которые будут участвовать в избирательной кампании, не имеет реальных шансов быть представленной в следующей Думе.

При этом электоральная ниша «правых радикалов» оказалась вообще практически незанятой, так как «Союз

правых сил» располагает в настоящее время не традиционным электоратом А.Чубайса и Е.Гайдара, а концентрируется вокруг личности С.Кириенко, не имеющего имиджа радикального политика, и борется за выживание на электоральном поле «Яблока». Так среди "сторонников радикальных рыночных реформ» лишь **15,7%** готовы голосовать за «СПС».

Не оказалось среди участников избирательной компании и политических сил, готовых внятно занять нишу русского национализма (маломощные объединения Д.Рогозина и С.Бабурина не в состоянии освоить и сотой доли своего потенциального электората). Так «сторонники самостоятельного русского пути» в большей степени готовы поддержать «Отечество» (**24,2%),** КПРФ **(20,0%)** и даже «Яблоко» **(10,8%),** тогда как за рогозинский КРО проголосуют всего **0,2%** представителей данной ниши.

Если у «державников» есть своя партия – «Отечество», у «коммунистов» – КПРФ, то у других ниш не существует очевидного, своего предпочтения. Так «либералы» вынуждены делить свои симпатии между тем же «Отечеством» и «Яблоком» ввиду маломощности «своего» СПС, «демократы» - также между «Отечеством» и «Яблоком», а «националисты» - между «Отечеством» и КПРФ.

Таблица 3. Конкретные электоральные предпочтения на предстоящих парламентских выборах различных электоральных сегментов

Избирательный блок	*Радикальные рыночники*	*Демократы*	*Державники*	*Националисты*	*Коммунисты*
«Отечество»	**27,5**	**34,3**	**31,5**	**24,2**	**20,3**

«КПРФ»	2,9	**6,9**	**19,1**	**20,0**	**43,1**
«Яблоко»	**20,6**	**25,3**	**13,5**	**10,8**	**7,7**
«Союз правых сил»	**15,7**	4,1	1,7	3,3	1,9
ЛДПР	3,9	2,9	4,8	5,8	2,3
НДР	2,0	1,6	0,6	3,3	1,0
Конгресс русских общин	0,0	0,0	0,1	0,2	0,0
Движение в поддержку армии	0,0	0,4	1,1	0,0	0,6
Еще не решили	25,4	18,4	22,0	21,7	25,3

Таким образом, будущая Государственная Дума будет по своей политической окраске достаточно похожа на нынешнюю, хотя, скорее всего, КПРФ и ее союзники вряд ли смогут играть в ней такую же роль. Блок “Отечество - Вся Россия”, который наверняка укрепится за счет депутатов-одномандатников, в новой Думе будет претендовать на ведущую роль.

При этом «Отечество» наряду с «Яблоком» являются наиболее «лабильными» политическими объединениями, которые кроме электорального «ядра» имеют широкую как ближнюю, так и дальнюю периферию – тех, кто мог бы проголосовать за эту партию при определенных условиях (выдвигает ее на второе место по предпочтительности), и тех, кто симпатизирует этой партии, но пока не готов голосовать за нее.

Таблица 4. Электоральный потенциал основных участников парламентской избирательной кампании.

Партия, объединение	*Объем нынешнего электората («ядро»)*	*Объем потенциально электората (с учетом «ближней периферии»)*	*Электоральный потолок (с учетом «дальней периферии»)*
«Отечество-Вся Россия»	25,6	40,9	63,1
КПРФ	18,1	22,8	24,2
«Яблоко»	13,7	25,0	43,1
«Единство»	3,9	5,6	25,9
ЛДПР	3,6	5,0	19,4
«Союз правых сил»	3,4	9,6	26,5
«НДР»	1,1	3,7	17,2
ДПА В.Илюхина	0,5	1,8	21,0
«КЕДР»	0,4	1,2	18,4
Блок Ю.Болдырева	0,3	0,8	14,8
Блок В.Тюлькина	0,3	1,2	3,9
«Союз труда и народовластия»	0,2	0,9	17,3
«Духовное наследие»	0,2	0,5	12,4
Конгресс русских общин	0,1	0,3	5,4
РОС С.Бабурина	0,1	0,4	6,3
Блок В.Анпилова	0,1	0,7	3,7

Обращает на себя внимание то, что по сравнению с кампанией 1995 года, когда объединения, преодолевшие 5-% барьер, представляли менее 50% проголосовавших за партийные списки, в нынешней кампании эта цифра будет составлять не менее **70-75%. За партии, не относящиеся к числу фаворитов, голосовать не будут.** Соответственно,

для партий, балансирующих на грани барьера, необходимо поддерживать уверенность своих избирателей в электоральном успехе.

Уже сейчас ожидаемая минимальная явка на парламентских выборах составит **67,6%** - доля тех, кто твердо намерен участвовать в выборах. Большая или меньшая явка не способна существенно повлиять на шансы основных фаворитов. Так в случае минимальной явки, «Отечество-Вся Россия» сохраняет лидирующие позиции – **30,6%;** КПРФ остается на втором месте с **22,9%;** а «Яблоко» – на третьем – с **15,3%.**

Анализ партий "второго ряда" – то сеть тех, за кого бы проголосовали во «вторую очередь», показывает, что происходит определенное «стремление» в направлении политического центра. Оно проявляется в том, что не прими, например, участия в выборах КПРФ, ее электорат поддержал бы с большей охотой «Отечество» **(38,1%),** и даже «Яблоко» **(6,0%),** чем, казалось бы, «духовно близкие» к КПРФ блоки В.Анпилова **(2,5%)** и В.Тюлькина **(4,4%)** и даже «Движение в поддержку армии» В.Илюхина **(4,1%).**

В случае снятия с дистанции «Яблока», его электорат поддержит то же «ОВР» – **32,0%** или «Союз правых сил» – **16,2%.** Почти аналогичные симпатии и электората ЛДПР (возникла ситуация, угрожающая снятию с дистанции этого объединения) – **29,7%** «жириновцев» готовы поддержать «Отечество» **и 14,1%** - «Яблоко».

Схождение же с дистанции самого «Отчества» – «ОВР» – добавит голоса прежде всего «Яблоку» – **28,3%.**

Это позволяет сделать вывод, что радикально протестные настроения в обществе близки к своему потенциальному исчерпанию, и то же голосование за КПРФ – это скорее дань «традиции», нежели форма реализации социального протеста. А наиболее «лабильные» и центристские электораты «Отечества» и «Яблока» на сегодняшний день в любом случае могут рассчитывать на пополнение своих голо-

сов за счет партий-аутсайдеров и партий, которые по разным причинам будут сходить с марафонской дистанции.

Ценностное позиционирование ведущих партий и объединений – участников избирательной кампании

В ходе проведенных исследований выявлены особенности идеологических ориентаций электоральных групп. Самым протестным можно назвать электорат КПРФ. Он наиболее ожесточенно относится к нынешней власти. **85%** сторонников КПРФ считают, что "нынешняя власть должна быть заменена во что бы то ни стало", они также согласны с утверждением, что "богатства, нажитые нечестным трудом, следует конфисковать, а их владельцев посадить". У этой части электората сильна тяга к "жестким мерам" и "сильной руке", при помощи которых можно было бы достигнуть выше поставленных целей. Что касается культурно-цивилизационной ориентации России, то **90%** сторонников коммунистов считают, что у России свой особый путь и спешить с вхождением в сообщество западных стран не стоит.

Наименее протестными по отношению к происходящим социально-экономическим и политическим событиям являются сторонники "Отечества" и "Яблока". Они также более лояльно относятся к развитию отношений России с западными станами.

Что касается материальной помощи со стороны государства, то патерналистские настроения более всех присущи сторонникам КПРФ. В наибольшей степени о своей независимости заявляет электорат "Союза правых сил". Причиной тому может быть то, что, это - молодая и высоко образованная часть населения, лучше других сумевшая адаптироваться к современным условиям.

Особую группу составляет **“электоральный резерв”** - люди, не определившие для себя приоритетную партию. **18%** этой группы являются сторонниками укрепления России как сильного государства, **13,6%** поддерживают восстановление социальной справедливости, **9,9%** выступают за укрепление стабильности, а **9,4%** - за наведение порядка с помощью “сильной руки”. Таким образом, можно заключить, что два главных приоритета у этой группы людей также соответствуют приоритетам всех опрошенных, однако, третьей по важности целью в общественном развитии России является “укрепление стабильности”, что в структуре ответов всех опрошенных занимало второстепенное место. По идеологическим ориентациям эта группа занимает центристские позиции.

Электораты ведущих партий и их лидеров размещаются по шкале «левые» – «правые», методика построения которых была уже описана выше. Напомним, что отметка 33,7 является средней по всему массиву опрошенных.

Таблица 5. Обобщающие характеристики электоратов ведущих партий и движений, а также политиков федерального уровня

Ведущие партии (блоки), а также политики федерального уровня	*Значение на шкале (правые» – «левые»)*	*Обобщенная характеристика электората*
«Отечество»	32,4	Центр
КПРФ	16,3	Левые
«Яблоко»	40,4	Правый центр
ЛДПР	32,6	Центр
«Союз правых сил»	42,1	Правый центр
«НДР»	40,9	Правый центр

Б.Ельцин	54,8	Правый
В.Жириновский	32,5	Центр
Г.Зюганов	18,4	Левый
С.Кириенко	43,3	Правый центр
А.Лебедь	29,7	Левый центр
Ю.Лужков	37,3	Чуть правее центра
Б.Немцов	48,3	Правый центр
Е.Примаков	30,8	Чуть левее центра
В.Путин	35,3	Центр
Вл.Рыжков	39,1	Чуть правее центра
Г.Селезнев	34,8	Центр
С.Степашин		
Е.Строев	28,9	Левый центр
А.Тулеев	24,2	Левый
В.Черномырдин	65,1	Правый
А.Чубайс		
Г.Явлинский	41,5	Правый центр

Из таблицы видно, в какой степени участие Е.Примакова изменило качественные характеристики электорального состава блока «Отечество», способствовав его расширению в направлении центристской и левоцентристской протестной ниши. Аналогично, лидерство С.Кириенко в блоке «СПС» резко сместило электорат этого объединения в направлении умеренного правого центра.

Из этих данных легко видеть, что именно Е.Примаков является одной из фигур, способных сцементировать сегодняшний политический Центр. Его готовы поддержать как умеренные, так и более радикально настроенные «правые» (в качестве наименьшего «зла», по сравнению с радикально-левой оппозицией), и, одновременно, значительная часть провинциального протестного электората. Однако характеристики электората В.Путина очень близки к «примаковским». Несмотря на то, что является откровенным ставлен-

ником «ненавистного» Кремля, В.Путин консолидирует вокруг себя отнюдь не либеральный электорат. Он практически «съел» электорат А.Лебедя. В этой связи интересно обратиться к взаимосвязи между стартовавшей парламентской избирательной кампанией и предстоящей президентской.

Президентские ориентации электоратов политических партий и блоков

Нынешняя парламентская кампания отличается от всех предыдущих, что она воспринимается обществом в качестве некоего «праймериз» перед предстоящими президентскими выборами. Если в 1993 и 1995 году правящий режим (несмотря на более или менее явные черты его одряхления) в любом случае, независимо от исхода парламентских выборов, оставался прочным, то теперь налицо перспектива достаточно радикальной смены существующего режима. Идет интенсивный процесс конструирования новой «партии власти». Причем наиболее активная конкуренция за роль будущей «партии власти» происходит между теми силами, которые начинают группироваться вокруг нынешнего главы правительства В. Путина, деятельность которого на посту Премьера одобряют 47,1%, а также вокруг крупнейшего избирательного объединения “Отечество - Вся Россия”, аккумулировавшего вокруг себя ту часть российской политической элиты, которая в последний год оказалась в оппозиции к режиму. В ходе этой конкуренции практически выпали из числа реальных кандидатов такие еще недавно перспективные политики как Ю.Лужков, Г.Зюганов, Г.Явлинский, А.Лебедь.

Таблица 6. Президентские ориентации электоратов политических партий и объединений

Кандидаты в	*ЛДПР*	*СПС*	*КПРФ*	*«Оте-*	*«Яб-*

президенты				*чество»*	*локо»*
В.Жириновский	**79,7**	0,0	0,3	0,2	0,0
Г.Зюганов	3,1	0,0	**66,7**	0,9	0,0
С.Кириенко	0,0	**42,4**	0,6	1,8	2,5
А.Лебедь	1,6	1,7	1,6	0,9	2,1
Ю.Лужков	1,6	1,7	1,3	18,7	2,5
В.Путин	3,1	20,3	4,4	9,4	12,0
Е.Примаков	3,1	8,5	4,8	**59,0**	5,8
С.Степашин	3,1	0,0	0,7	0,6	12,0
Г.Явлинский	0,0	10,2	0,3	1,6	**53,1**

Таким образом, большинство партийного электората готово проголосовать за «своего» лидера как кандидата в президенты. В тех случаях, когда лидеров два (как в «Отечестве» или «Яблоке»), ощутимое предпочтение отдается, соответственно, Е.Примакову и Г.Явлинскому.

Движения, участвующие в избирательной кампании, делятся на «лидерские» и «ценностные». Наиболее значимым фактором, определяющим электоральную мотивацию, является «доверие к лидеру блока» для электоратов ЛДПР **(43,8%),** «Яблока» **(40,2%)** и «Отечества» **(46,8%).** Наиболее высокая «ценностная» мотивация («идейно-политическая близость») характерна для электората «СПС» – **39,0%,** а также в определенной степени КПРФ. Действительно, «Отечество» - попытка формирования новой «партии власти» вокруг союза Е.Примакова и Ю.Лужкова. И именно их лидерские амбиции являются главным фактором консолидации электората.

31,3% опрошенных отметил, что при выборе того или иного объединения он руководствовался доверием лидерам и лишь **18,2%** - сходством собственных взглядов с

идейными и политическими установками данного объединения. Все это подтверждает ту мысль, что основное соперничество на данных выборах перенесено в личностную плоскость, а не в идейно-ценностную.

Наиболее консолидированным вокруг своих лидеров и дисциплинированным является электорат КПРФ, почти вровень с ним по этому показатель электорат ЛДПР. Недавно наспех созданный блок «Единство» в наибольшей степени ориентирован на Е.Примакова и В.Путина.

Социальные и демографические факторы, определяющие электоральный выбор

Возрастной состав основных электоральных групп существенно различается. Так, самыми молодыми являются потенциальные избиратели объединения “Союз правых сил», что связано со спецификой электората С.Кириенко, стержнем которого является городская студенческая молодежь с достатком выше среднего. Самым старым можно назвать электорат КПРФ (каким он и был на выборах 1995 года) - почти треть этого электората (30%) составляют люди в возрасте старше 60 лет.

По уровню образованности лидируют электораты “Яблока” и “Отечества”, тогда как наименее образованными являются потенциальные избиратели КПРФ. Это частично также объясняется возрастным составом этих электоральных групп - для более молодого поколения получить образование было значительно легче, чем в свое время для пожилых. Более показательным можно считать электорат ЛДПР. Несмотря на молодой возраст, он отличается низкой образованностью.

Но главным фактором, определяющим электоральный выбор, является социальная адаптация. Чем «правее» электоральная группа по своим политическим ориентациям, тем, как правило, больше в ней доля «адаптантов» – тех, кто приспособился к современным социально-экономическим

условиям и добился относительного достатка. Всего около трети взрослого населения России так или иначе можно назвать «адаптантами».

Таблица 7. Некоторые социально-демографические характеристики электоратов ведущих политических партий и объединений

Партия, объединение	*Доля адаптантов в электорате*	*Доля молодежи до 30 лет*	*Доля лиц с высшим образованием*
ЛДПР	**43,8**	40,3	21,3
СПС	30,5	47,3	32,3
«Отечество»	23,6	31,6	36,7
«Яблоко»	24,1	35,1	37,3
КПРФ	11,0	12,6	18,1

По вопросу о том, будут ли предстоящие парламентские выборы честными, или же их результаты могут быть сфальсифицированы, мнение опрошенных разделилось примерно пополам. **33,8%** полагает, что вероятность фальсификации довольно велика, тогда как **32,6%** считают, что такая вероятность незначительна.

Подводя итоги анализу, можно сделать вывод, что нынешняя кампания отличается от предыдущих хотя бы тем, что впервые в современной российской истории весьма мощно заявил о себе политический центр (хотя и этой части электората приходится делать выбор между двумя претендентами на роль будущей «партии власти»). Если предыдущие кампании были характерны резкой поляризацией общества, они как бы усиливали и без того жесткое деление на «демократов» и «коммунистов», то в нынешней кампании ни те, ни другие не находятся в фокусе внимания. Если предыдущие выборы были скорее игрой, способом либо «показать фигу» Кремлю, либо наоборот, коммунистам, то сейчас,

похоже, общество относится к ним намного серьезнее и ответственнее.

Андрей Савельев
кандидат физико-математических наук
руководитель Аналитического центра Конгресс русских общин

Идейно-политические трансформации в политических партиях современной России

Партия является разновидностью массы, она никогда не строится на прямом материальном интересе. Лишь группа лиц, руководящая партией, может преследовать такой интерес, но это беда для партии, ибо тогда она оставлена из обманутых. Партия жизнеспособна, когда она преследует идеальные цели и имеет ресурсы для поддержания минимальной численности активистов и интеллектуалов, оповещающих общество о том, что партия все еще жива.

У партии есть одно неоспоримое преимущество перед публикой, составленной лишь впечатлениями от зрелищ или образного ряда, предложенного средствами массовой информации. Неорганизованные массы всегда снижают совокупный интеллектуальный уровень ниже среднего уровня составивших ее индивидов. Организованные массы, напротив, могут повышать свой интеллектуальный уровень выше среднего, ориентируясь на подражание низшего высшему[1]. Организация более действенна, потому что она регулирует процесс подражания и позволяет лидеру вылепить массу по своему подобию или по своему замыслу. В конечном счете

---

[1] Вряд ли можно согласиться с Тардом, который полагал, что публика (круг читателей какой-либо газеты) оказывается более интеллектуальной, чем толпа. Возможно такое обстоятельство имело место, когда чтение газет было уделом образованной части общества. Массовая информация второй половины XX века породила чудовищно невежественную публику.

организация приобретает для массы ту же ценность, что и лидер.

Партийная масса создается вокруг какой-либо идеи, но живет общностью какой-либо сильной эмоции. Поэтому партийная жизнь — непрерывные фестивали или шоу, в которые она стремится превратить любое собрание Если партийной жизни не хватает пафоса, компенсация происходит путем запальчивой дискуссии, скандала, потасовки и т.п. Если в ней намечается разнообразие индивидуальных мнений, она распадается на группы и фракции. Поэтому партия способна существовать только в условиях эмоциональной наполненности ее собраний и нивелировании индивидуальных мнений.

Для того, чтобы единое мнение было сформировано, а оттенки индивидуальных мнений проигнорированы, партийное руководство должно владеть фактическим материалом политики, порождающим общедоступные образы, а также организационными технологиями. Заранее подготовленный сценарий партийного собрания позволяет сделать его обреченным на успех. Символы единства могут быть подготовлены заранее (режиссура, расписание выступлений, ритуал, распространение свежего партийного издания и т.п.), а опыт и авторитет ведущего снимут случайные проблемы.

Вместе с тем, партийная жизнь строится не только на собраниях, но и на работе активистов, посвящающих политике часть свободного времени или способных соответствующим образом ориентировать свою профессиональную деятельность. На уровне повседневной профессиональной деятельности иррациональные мотивы играют меньшую роль, и на первый план выходит интерес – прежде всего заинтересованность в повышении своего общественного или профессионального статуса, в расширении личных связей, в возможности получить поддержку своих инициатив со стороны партии.

Российские политические партии оказались не в состоянии освоить мифологические технологии и прагматические управленческие решения, а российские политики фактически оказались заложниками политических менеждеров, чье самоопределение во многом предопределяет лицо политической системы. Вместе с тем, зависимое положение менеждеров, работающих только над созданием короткодействующих имиджей своих клиентов, приводит к тому, что подавляющее большинство политиков не продуцирует целостного политического мифа.

Указанные обстоятельства вполне соответствовало либеральному этапу общественной модернизации, начавшемуся в конце 90-х годов XX столетия – политические вожди упивались собственными мифами, не умея власть выше их и увидеть реальную перспективу тех или иных политических решений, внедрить естественные для любой организационной структуры управленческие схемы. Все эти особенности российского партстроительства привели к феномену либерального утопизма, на изживание которого ушло целое десятилетие.

Карл Мангейм выделял несколько особенностей либерального утопизма:

«Либеральное представление о необусловенности явлений основывалось на вере в непосредственную связь с царством абсолютного долженствования, с идеей»[1]. «Утопия либерально-гуманистического сознания есть «идея» Не греческая платоновская «идея» в ее статически пластической полноте, не прообраз вещей, а формальная, проецированная в бесконечную даль и воздействующая на нас оттуда определенная цель, которая просто «регулирует» посюстороннее становление. <…> Там, где ситуация созрела для политического наступления (как, например, во Франции), эта утопия

[1] К.Мангейм. Утопия в истории социальных идей, В кн.: Утопия и утопическое сознание, М.: «Прогресс», 1991, с. 155.

в образе идеи приняла резко очерченную рациональную форму; там, где этот путь был закрыт, как, например, в Германии, процесс перемещался в область внутренних переживаний. Здесь прогресс ищут не во внешних действиях, не в революциях, а исключительно во внутреннем состоянии и изменении человека»[1].

Либеральное сознание «слишком нормативно по своей направленности, чтобы его занимало бытие как оно есть. Поэтому оно выстроило собственный идеальный мир таким, каким он должен быть. Возвышенное, отрешенное и вместе с тем величественное, это сознание утеряло всякое понимание материального мира, а вместе с тем и всякую подлинную связь с природой. Природа представлена при этом обычно в ее соразмерности разуму, как соотносящееся с вечными нормативами бытие». Отсюда возникает мираж мира, «лишенного глубины индивидуации». «Отсутствие ярких красок соответствует пустоте содержания всех тогдашних (*непосредственно до и после Французской революции – А.С.*) идеалов: образование, свобода, личность – лишь рамки для содержания, как бы преднамеренно оставленного без точного определения»[2].

Согласно Мангейму, либерализм стал формой преодоления хилиазма через сближение нравственной нормы и бытия, которое развивается в направлении все большего приближения к разумному. Хилиастическое ожидание внезапного свершения локализуется теперь в рамках исторического процесса, хотя и отодвигаются в далекую перспективу.

«Особое значение приобрело теперь для утопии само становление: осуществимая лишь в далеком будущем идея в процессе ее постепенного становления превращается уже в настоящее время в норму, которая, будучи применена к от-

---

[1] Там же, с. 135.
[2] Там же, с. 137.

дельным сторонам действительности, способствует ее постепенному совершенствованию»[1].

Как будто о России после 1991 года Ортега-и-Гассет писал еще в 30-х годах:

«Приоритет человека вообще, без примет и отличий, человека как такового, превратился из общей идеи или правового идеала в массовое мироощущение, во всеобщую психологическую установку. Заметим, что идеал, осуществляясь, перестает быть идеалом. Притягательность и магическая власть над человеком, присущие идеалу, исчезают. Уравнительные права, рожденные благородным демократическим порывом, из надежд и чаяний превращаются в вожделения и бессознательные домогательства»[2].

Краткий миг торжества либерализма в России обусловлен разрушением социалистических мифов, пронизанных хилиастскими мотивами («нынешнее поколение будет жить при коммунизме», «коммунизм будет построен в 80-е годы» и т.п.) и огромным напряжением сил Запада для того, чтобы в решающий момент не смогли быть актуализированными мифы русской нации. Если бы миф нации стал доминирующим, Россия не только смогла бы обойтись без кризиса, но испытала бы небывалый подъем, элементы которого угадывались в 1985-1987 гг. (и даже чуть раньше) были обозначены в деятельности ряда общественных объединений[3]. Чтобы не допустить возрождения России и русской нации из кокона СССР, Запад использовал колоссальные средства и все виды информационной войны (включая мифологические технологии, широко распространяемые диссидентской средой).

---

[1] Там же, с. 138-139.

[2] Х.Ортега-и-Гассет. Восстание масс. В кн.: Избранные труды. М.: Издательство «Весь мир», 1997, с. 51.

[3] А.Шубин. Истоки перестройки. 1978-1984. М., 1998. В.Д.Соловей. Русский национализм в эпоху Горбачева. В сб. Межнациональные отношения в России и СНГ. М., 1994.

Интеллектуальная концепция Просвещения чудесным образом совпала с потребностью в мифах демократии, но сама по себе эта концепция не была освоена, ибо для нее не нашлось партии или мало-мальски сплоченной группы, действительно увлеченной рациональной составляющей данной концепцией. Либерализм использовал мифотворчество для того, чтобы абсолютизировать значение плоско-рациональных, потребительских оснований поведения гражданина (своего рода романтика желудка, рекламируемая сегодня в России самыми разными политическими силами). Призрачные тени этого мифа, отчасти реанимированного на волне денацификации, бродят по миру в виде клише «общечеловеческие ценности», «права человека» и т.п. «Свободный рынок» был вариантом «русского чуда», которое должно внезапно осчастливить всех, решить все проблемы.

Содержание нигилистического контр-мифа, ставшего основой для мировоззрения советской интеллигенции конца 80-х годов XX века, превращало ее в слой самых ревностных прихожан «светской церкви» либерального реформаторства. Последнее в мифологическом пространстве совпадало с метаниями «униженных и оскорбленных» разночинцев, которые проходили еще в конце XIX века. Это были все те же попытки найти духовное самоопределение без Бога. Своего бога на этот раз нигилисты нашли в западничестве, свою «библию» - в Декларации прав человека, своего мессию – в академике-диссиденте Сахарове. Огромную роль сыграл также фактор мести властям за репрессированных родственников - своеобразная основа интеллигентской «религии спасения», выполненная по схеме, открытой Ницше, и обосновывающая право на компенсацию за недостаточно высокий уровень благосостояния.

Миф был налицо, а партийной мифологии, соответствующей ему подобрать не удалось, в силу рационалистической мотивации тех, кому либеральный миф был навязан. В связи с этим, режим либеральной демократии в течение ко-

роткого времени продемонстрировал пример развития и увядания политического мифа. Картина мира в рамках этого мифа была связана с советской «империей зла» и западной «землей обетованной», истина - с убежденностью в благотворной роли стихийной самоорганизации общества и экономики, будущее - с неограниченной свободой личности и рыночной организацией хозяйства, оппозиция «мы-они» - с противостоянием демократического движения и коммунистической номенклатуры. Этот миф умер как значимое явление общественного сознания, пройдя все стадии своего старения в предельно короткие сроки. Зародившись в качестве общего переживания «оттепели» и «застоя», ожив в период перестройки, обретя символьный и понятийный ряд в 1990-1991, этот миф унифицировался, опошлился, превратился в рутинную риторику уже в 1993-1994, а затем раздробился на убогие мифосюжеты мелких партий и мелких же политических персонажей. Раздробленный миф демократии стал скучным, и его мобилизующая сила сошла на нет.

До вмешательства в жизнь России либерального реформаторства массив культурных текстов с определенным архетипическим кодом существовал, хотя и не содержал всего богатства русского культурного наследия. За десять лет реформ никакого нового массива никто и не пытался создать. Политическая идентификация лишь выделяла ранее запрещенных авторов прошлого, не имея ничего в настоящем.

Напротив, приход большевиков к власти в 1917 году был подготовлен огромным массивом культурной информации, включая несколько десятилетий распространения в России народовольческой литературной критики и марксистских сочинений. Именно поэтому учрежденный большевиками строй оказался более прочным и целесообразным с точки зрения государственной перспективы, чем строй либеральной демократии, отбросивший Россию на обочину мировой политики.

Социалистический миф в современной России также оказался более живучим в силу более глубокой интеллектуальной проработки, опоры на традицию и способности к трансформациям и эклектике. Этот миф держится на прежних советских символах и на частичной адаптации символов русской истории. Утрачивая советскую мифологию, которой привержено только пожилое поколение, социалистический миф все больше похож на левый национализм со всеми свойственными ему качествами и историческими потенциями.

Неизбежно деформировалась и сама социалистическая идея, извечно расчлененная на реформистское и революционное крылья. В первом крыле свое основание находят некоторые либеральные идеи, во втором – хилиастические переживания. Причем социал-революционисты связаны своим индетерминизмом с либералами, а социал-демократы своим детерминизмом - с консерваторами.

Мангейм пишет:

«В результате своего позднего возникновения утопический элемент выступает в социализме в образе двуликого Януса. В нем находит свое выражение некая сбалансированность, но вместе с тем и созидание, основанное не внутреннем синтезе различных форм утопий, возникших до него и противоборствующих в социальной сфере.

Социализм близок либеральной утопии, идее, в том смысле, что в обоих случаях царство свободы и равенства перемещается в далекое будущее, однако в социалистической утопии это будущее характерным образом определяется значительно конкретнее как время гибели капиталистической культуры»[1].

Социалистическое в современной России партстроительство пережило два бума – в 1990, когда казалось, что в

---

[1] К.Мангейм. Утопия в истории социальных идей, В кн.: Утопия и утопическое сознание, М.: «Прогресс», 1991, с. 151-152.

рамках разрешенного «плюрализма» КПСС может позволить рождение только такого рода политических инициатив, и в 1995-1996, когда разочарование в демократических реформах обеспечило откат на позицию демократического социализма с последующим увяданием интереса к этой позиции как совершенно бесперспективной для мобилизации масс на выборах.

В 1990 политики, назвавшиеся было социал-демократами, быстро преодолели привязанность к каким-либо идеям и разошлись по собственным партийным квартирам, формируя организации исключительно вождистского типа (при практически полном отсутствии вождистской харизмы, за которую взволнованная общественность тогда принимала даже самые скромные способности к публичным выступлениям). Самоопределение партийных лидеров и их приверженцев происходило не на основании продуманных мировоззренческих установок или хотя бы мифологем, а по принципу заполнения одной из пустующих ячеек на оси “левый-правый”. В результате политические группировки отличались друг от друга лишь повадками вождей и близостью к главному харизматику демократического движения - Б.Ельцину.

Именно идеологическое однообразие позволяло аморфному движению «Демократическая Россия» вытеснять партии из сферы политической конкуренции. Лидеры этого движения не несли перед массой никакой ответственности. С 1991 г. основные программные принципы партий-победительниц (а вместе с ними и вся политическая мифология) стали частью правительственной программы или элементами ее пропагандистского оформления. Последующий крах большинства партий был неизбежным, ибо они лишились главного – собственной мифологии и собственных вождей, фактически перешедших на чиновничью службу. «Партия Кремля» без сожаления отбросила общественных активистов, превратив их в маргиналов, назойливо про-

должавших партизанскую борьбу за чистоту демократической идеи.

Именно в «партии Кремля» сосредоточились все атрибуты жизнеспособной политической структуры – политический миф (демократия, рыночные реформы, права человека), вождь (Ельцин), орденская структура (клан приближенных советников и «олигархов»). Сложенная практически полностью их элементов хозяйственных «верхов» прежней номенклатуры и поглотившая наиболее амбициозных лидеров демократического движения, новая номенклатура быстро оформилась в суперпартию, несущую на себе черты, унаследованные ею от КПСС, получив от последней не идеологические догматы, а организационную технологию.

Технология в совокупности с новым мифологическим наполнением оказалась на какое-то время настолько эффективной, что в тени суперпартии Кремля зачахли не только демократические организации, но и все инициативы по созданию блока некоммунистической оппозиции: блок «белых» патриотов - Российское народного собрание, блок патриотов всех оттенков - Русский национальный Собор (от Зюганова до Стерлигова и Баркашова), блок «объединенной оппозиции» Фронт национального спасения, «центристы» - Гражданского союза (от Руцкого до Шумейко). Выжила только КПРФ, имевшая аналогичную организационную наследственность и поделившая сферы влияния и мифологические сюжеты с кремлевской номенклатурой. Парламентские выборы 1995 года, рекордные по изобилию ранее никому не известных партий-однодневок и движений-призраков без лица и позиции, убедительно показали, что либеральная и социалистическая микропартийность потерпела поражение на всех фронтах, образовав целое кладбище провалившихся политических проектов.

Сложившаяся политическая система России находится сегодня практически в том же состоянии, в котором она была накануне краха КПСС. Партии, лишенные какой-либо

возможности участвовать во власти, вынуждены блокироваться с единственной целью — снести старую систему и попытаться занять более достойное место в условиях нового плюрализма. При том, что широкий патриотический блок в 1999 не состоялся, вместо него на авансцену политической борьбы вышел такой монстр, как блок «Отечество – Вся Россия», в котором соединились государственническая риторика Лужкова и сепаратизм глав внутренних российских республик, советский менталитет московского чиновничьего клана и идеология радикального либерализма.

В сложившейся ситуации оказалось заложено полное повторение сценария 1987-1993 гг. Ведь блокирование различных сил снова шло не по идеологическим мотивам и даже не исходя из интересов стоящих за партиями социальных и финансовых групп, а «под лидеров», которые снова не собирались брать на себя никаких обязательств, меняя свои взгляды и лозунги применительно к обстановке, исходя из текущей конъюнктуры.

Потерпев неудачу в создании «партии Кремля» в виде блока «Вся Россия», который переметнулся в стан «партии контр-власти» под предводительством Лужкова, правительственные чиновники оказались перед выбором: либо, ввиду полного отсутствия какой-либо парадигмы, описывающей позиции «партии власти», сдать позиции без боя, либо обновить идеологический облик. Последнее оказалось вполне возможным ввиду общей трансформации общественного сознания по отношению к выдаваемым за образец демократии США (после бомбардировок Югославии и оккупации НАТО провинции Косово) и к Чечне (после нападения банд на Дагестан и террористических актов в Москве).

Накануне 1999 различные фракции «партии власти» активно искали возможности остановить триумфальное шествие партии московского мэра Лужкова, легко сформировавшего негласный пакт о ненападении с другими оппозиционными силами – «Яблоком» и коммунистами. Это были

такого же рода метания, которые окончились в 1991 году полным крахом режима, лишенного продуктивной национальной мифологии, и распадом страны.

Отличительный признак российской партийной системы — надпартийная деятельность лидеров, вступающих в самые причудливые союзы и закулисные соглашения. По сути дела, на верхних этажах политики происходит формирование слоя лидеров общественного мнения, которые лишены серьезных мировоззренческих различий, не связаны идеологией и ответственностью перед партийной массой. Идеологическая обособленность демонстрируется лишь для публики, становящейся объектом манипуляции. Идеология превращается в служебный атрибут технологии.

Указанное обстоятельство существенно изменило ситуацию, дав политике возможность глубины, о которой писал Бердяев:

«В политике, которая в наше время играет господствующую роль, обычно говорят не об истине и лжи, не о добре и зле, а о «правости» или «левости», о «реакционности» или «революционности», хотя такого рода критерий начинает терять всякий смысл». «В конце концов на большей глубине открывается, что Истина, целостная истина есть Бог, что истина не есть соотношение или тождество познающего, совершающего суждение субъекта и объективной реальности, объективного бытия, а есть вхождение в божественную жизнь, находящуюся по ту сторону субъекта и объекта»[1].

Кто-то или что-то должно вносить очевидность Истины в организованную массу, ставшую партией, вытеснять из нее страсть к рассуждениям о «правых» и «левых», замещать примитивные основания для выбора участников дилеммы «мы-они» на более зрелые. Сама партия не может

---

[1] Н.А.Бердяев. Царство духа и царство кесаря. М.: «Республика», 1995, с. 298.

быть мифопроизводителем, а тем более – производителем концепции, лежащей в основе политического мифа и требующей постоянного обновления. Представления «свой-чужой» и «мы-они» должно формироваться национальной элитой, живущей национальной мифологией.

Пресечь хождение по кругу может только осознание национальной элитой России своих интересов, которым соответствует эффективная система формирования власти в условиях жестко регламентированной партийной конкуренции. Рекламная конкуренция во время избирательной кампании, не затрагивающая проблем общества по существу, ведет только к пустой трате времени и средств и воспроизводству недееспособной власти. Выгоду из этого могут извлекать лишь те, чьи интересы реализуются в ситуации разложения российской государственности, коллапса российской экономики, распада общественного сознания.

В современной России, не имевшей в начале перестройки даже признаков какой-либо новой картины мира (исключая, разве что, совсем уж неясные образы «России, которую мы потеряли» и «свободного мира» или «социализма с человеческим лицом»), кризис мировоззрения состоялся вполне закономерно, и вполне закономерно общество наполнилось мифами, а точнее - их обрывками, порожденными сиюминутными и слабо осознанными интересами. Компенсации брешей в привычной картине мира не происходило, и Россия вплотную подошла к необходимости и неизбежности рождения концептуальных мифов.

Мангейм отмечал тенденцию к «консерватизации» в либерализме и социализме:

«…в условиях всевозрастающего влияния консерватизма либерализм и социализм время от времени воспринимали, правда, отдельные разработанные консерватизмом идеи, но со значительно большей охотой трансформировали в соответствии с новым положением свою исконную идеологию. Однако новое социальное и экзистенциальное поло-

жение привело к тому, что в жизнеощущении и мышлении этих слоев спонтанно возникли структуры, во многом родственные консерватизму. Свойственная консервативному сознанию точка зрения, утверждающая детерминированность исторической структуры, акцентирование, даже чрезмерное, потаенно действующих сил, постоянное погружение утопического элемента в бытие принимало в мышлении этих новых слоев форму то спонтанного созидания нового, то новый тип интерпретации старых идей»[1].

Природа человека подспудно перемалывает примитивный рационализм, заставляя в юности искать романтики и радикализма, в зрелости – стержневых идей развития общества, в старости – глубинных основ бытия. Она человека неизбежно пробуждает мифы нации, как бы их не подавляли. Целый ряд симптомов указывает, что мир подошел к отказу от либеральной парадигмы, оправданий которой уже не осталось.

С.Московичи пишет:

«…демократические идеалы, придуманные меньшинством и для меньшинства, какими бы абсолютными достоинствами они ни обладали, препятствуют, кроме исключительных случаев, формированию стабильного политического режима. Из-за необходимости соответствовать чаяниям большинства, звучать в унисон человеческой природе, эти идеалы рассыпаются в прах. Погоня за ними порождает лишь глубокое разочарование. А нужен режим, основанный на разделяемых верованиях. Режим, исходящий из подчиненности масс одному человеку, как отец рассчитывает на послушание своих детей. Когда такой режим установится, тогда и будут решены проблемы большого города.

Подытожим вкратце суть сказанного. Толпы ниспровергают основы демократии, заложенные либеральной бур-

---

[1] К.Мангейм. Утопия в истории социальных идей, В кн.: Утопия и утопическое сознание, М.: «Прогресс», 1991, с. 159.

жуазией и восстановленные социал-демократами. Они стремились к управлению посредством элиты, выбранной на основе всеобщего избирательного права. Их политика, определяемая экономическими и техническими реалиями, и отказывающаяся видеть реалии психологические, обрекает их на перманентную слабость, так как эти последние меняют все дело. Они, можно сказать, обманываются в обществе, в нации и, в конечном счете, в эпохе. Но именно такая революционная или контрреволюционная эпоха увлекает массы. А поэтому она требует новой политики»[1].

Фактически здесь Московичи проговаривает программу консервативной политики, которая здраво видит порочную природу масс, но старается вразумить их не столько воспитывающими проповедями, сколько эмоциональным подъемом, увлекательной новизной идей, за которыми присутствует надежная и доступная проверке концепция. Но пока в России такая программа далека от реализации.

История идейных поисков российских политических партий подтверждает выводы Мангейма - направление деформации лишенной государствостроительной функции социалистической идеи полностью совпадает с направлением деформаций либеральной утопии. Это направление, создающее видимость патриотической ориентации, вымучивающее символы консервативной политики, лишенное динамизма мысли и действия.

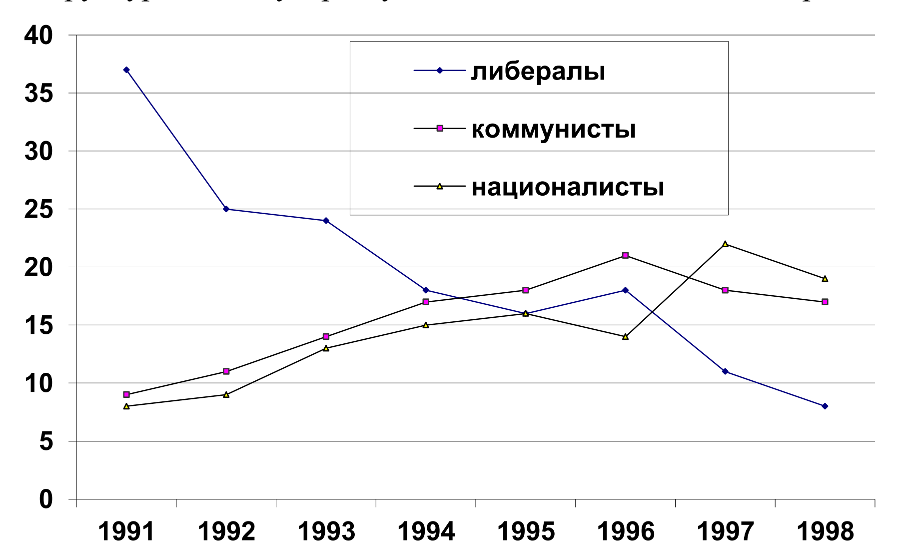
Характерно, что в 1995-1996 гг. ведущие политические движения можно было разделить по группам, которые либо вовсе не упоминали религии в своих программах (партии демократического фланга), либо упоминали о религии вскользь - наравне с культурой, образованием, наукой, либо подчеркивали свою «межконфессиональность»; вскользь демонстрирующие особое отношение к православию и тра-

---

[1] С.Московичи. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М.: Издательство «Центр психологии и психотерапии», 1996, с.62.

диционным конфессиям, признающие их вклад в формирование культуры (в основном левые партии). В этот период не было практически ни одной программы, в которой звучали бы высшие ценности, заявлялись бы перспективные идеи[1].

В 1996-1997 году положение качественно изменилось. С общим упадком в обществе доверия к политическим структурам и государству в целом возникла мода на право-

---

[1] Единственной организацией (из известных), поставившей на выборах 1995 года высшие ценности в центр своей программы, заявившей об однозначной приверженности Православию было движение «Держава» (А.Руцкой), а после его фактического распада в 1996 году нишу «православной партии» занял Конгресс русских общин, освободившийся к тому времени от своей «межконфессиональности» вместе с Ю.Скоковым и А.Лебедем заодно. Лидер КРО Д.Рогозин опубликовал книгу «Русский ответ» которая, стала чем-то вроде партийного манифеста КРО, идеологического базиса организации, основанного на православном мировоззрении.

славие. Потребность РПЦ в выстраивании своей социальной проекции вызвало ответную заинтересованность у тех общественных структур, которые готовы переплавить этот авторитет в собственный политический рейтинг, в голоса избирателей и пожертвования спонсоров. Наряду с мелкими экстремистскими группами, превращающими православие в подобие политической идеологии, возникают общественные структуры, обильно подкрепленные инвестициями на создание хотя бы видимости «симфонии» данной организации и Церкви. Кроме того, при подготовке к очередному циклу выборов все политические силы разрабатывали патриотическую символику и риторику. Помимо продолжения бума социалистического строительства, консервативные идеи все более овладевали умами. Проводником этих идей стали необычайно популярные обсуждения концепции национальной безопасности и проблемы национальных интересов.

На диаграмме приведены изменения популярности главных идеологических концепций (данные РНСИП[1]): Дополнение приведенных данных данными о предпочтениях слабоплитизированных слоев населения серьезно «усугубляет» картину. Вывод из приведенных данных говорит о том, что в 1996-1997 произошел переворот в мировоззрении основной массы российских избирателей.

В отношениях с внешним миром идентификационный миф «мы = они» (миф перенесения на российскую почву какой-либо западной модели) оказался неэффективным, и картина мира выстраивается по-новому в идентификационной оппозиции «мы = не они». Во внутреннем пространстве, наоборот, догорает оппозиция «демократов» и «красно-коричневых», которые так и не создали для своих потенци-

---

[1] См. Л.Г.Бызов. Российское общество в поисках идентичности. В сб. Русский строй, М.: «Интеллект», 1997, с. 267. А.Н.Савельев. Ценностные системы и пространство политических предпочтений, «Континент-Россия» №14, 1998, с.65.

альных союзников устойчивого идентификационного поля. Поэтому Россия находится на пороге торжества новых политических мифологем.

Сергей Пыхтин
Главный редактор журнала «Золотой лев»

Охота на русского Левиафана

Повседневная политэкономия и жизненная философия

Одно из распространённых заблуждений, присущих массовому сознанию современного русского общества, заключено в том, что, несмотря на политический распад государства и падение социально-экономического строя, за последние десять-пятнадцать лет в России ничего существенного не произошло. Вот только для абсолютного большинства жизнь резко изменилась, разумеется, в сторону её ухудшения, что является причиной известного психологического раздражения и политического напряжения. И когда степень напряжения и раздражения достигает известной концентрации, общественное сознание посещает крамольное предположение, что первоначальное суждение было ошибочным. В связи с этим общество, уже расколовшееся на множество самых разнообразных фракций, оказывается в ситуации, когда ему приходится искать ответы на вопрос - *почему так произошло?*

Гораздо реже коллективную общественную голову посещает мысль о том, чтобы увязать обнищание подавляющего большинства и обогащение ничтожного меньшинства с *распадом страны*, внезапным образованием на её государственной территории множества *мелких политических режимов*. Совсем немногим приходит понимание того, что революционное перераспределение общенационального богатства (официально его называли в Советской России общенародным) имеет своей первопричиной отказ общества от принципа обобществления национального богатства *и возврат к частнособственнической форме присвоения* средств

производства и ресурсов жизнедеятельности. Левым партиям, публицистам, печатным изданиям, которые взяли на себя роль обличителей, свойственно обрушивать всю желчь и досаду, скопившуюся в них, на частный случай всеобщей денационализации - приватизацию. Но обвинения, предъявляемые этому процессу, выглядят малообоснованными. Снявши по доброй воле голову, то есть, отказавшись от общенационального характера средств производства и основных предметов потребления, сокрушаться по волосам, как хорошо известно, бесполезно.

Здесь, впрочем, надо сделать весьма важную предварительную оговорку. По общепринятым европейским понятиям приватизировать, то есть превратить в объект частной формы собственности, можно только собственность государственную. В Европе, по крайней мере Западной, не знавшей явления обобществления, существует институт государственной собственности, которую время от времени по тем или иным причинам приватизируют, то есть отчуждают, но не в гражданско-правовом, а в административном порядке. В СССР (Советской России), в отличие от Европы, большая часть национализированного имущества и имущества, вновь созданного после 1917 года, была не государственной, а общенациональной или обобществленной собственностью. Спрашивается, есть ли между этими видами собственности принципиальное различие? Теоретики приватизации в России, такие как Гайдар, Чубайс и т.п., такую разницу не видят или делают вид, что не видят. Они приватизировали общенациональное имущество и продолжают приватизировать его без каких-либо сомнений. Но в действительности имеет место серьёзная методологическая ошибка, которая «хуже преступления». Она состоит, коротко говоря, в следующем.

Согласно Конституции РФ, воспроизводящей общепринятый принцип права, «никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда». Согласно са-

мым осторожным расчётам, каждый гражданин РФ до того, как начался процесс так называемой приватизации, являлся совладельцем общенационального имущества, то есть материальных ценностей, принадлежащей нации в целом, доля которого была эквивалентна никак не меньше 500 тыс. долларов. Общенациональное имущество было не государственным, как иногда утверждается, а общенародным (общенациональным), и государственные органы лишь управляли им от имени всего общества. Но подменять собою собственника или присваивать себе его правомочия они не могли.

Приватизация в РФ являлась не юридической формой отчуждения государственного имущества, как это было в странах капиталистической Европы, а циничным и противоправным способом отъёма у нации её имущества, общенациональной (общенародной) собственности, института, странам Европы совершенно неизвестного.

Потому отчуждение общенационального имущества, принадлежащего всем членам общества на правах совместной общей собственности, могло происходить не иначе как в силу решения суда, а не законов, постановлений правительства, указов президента или министерских распоряжений. Все эти акты – разновидность квалифицированного, изощрённого бандитизма либо мошенничества, подпадающих под статьи уголовного кодекса и срока давности не имеющего. К сожалению, общество в России невежественно. Оно и сейчас не осведомлено о том, что каждый его член буквально ограблен властями на сумму, равную полумиллиону долларов на каждого, включая грудных младенцев и глубоких стариков, одни проценты с которой могли бы принести не менее 25 тыс. долларов год одной только ренты. Явление, происходящее в России, является не приватизацией, а денационализацией, то есть неэквивалентным отчуждением коллективного имущества нации у её собственника.

Денационализация имеет вполне конкретную форму проявления. Поэтому, вместо того чтобы тратить энергию на

пустопорожние обличения, на которые уходит энергия оппозиции, было бы полезнее разобраться в природе основных социальных отношений, составляющих фундамент повседневной жизни. Благодаря чему, например, живёт семья, естественная форма, в которой развивается человек? Пищей, одеждой, жилищем. Если эти материальные условия существования отсутствуют, то ни о каких высоких материях ни думать, ни говорить не приходится. Что обеспечивает семьи этими благами? Целесообразная производственная деятельность, в которой человек принимает позитивное участие. Вот в этих материях и стоит разобраться прежде всего.

Под давлением финансово-политического кризиса

Начнём с денег. Сами по себе они не составляют квинтэссенцию ни добра, ни зла, они не абсолют, а ценность сугубо относительная, непосредственно зависящая от того, насколько, с одной стороны, эффективно и мощно наличное национальное хозяйства, с другой - здорова ли духовно, физически и политически сама нация, которое им владеет. Без экономической и политической составляющих нет и не может быть полноценной национальной валюты, настоящих денег. Поэтому, когда с рублём происходят на протяжении целого десятилетия потрясения, чаще всего их источник находится не в отвлечённых от жизни сферах финансово-банковских отношений. Они всегда обуславливаются неблагополучием, коренящимся в политическом и хозяйственном организмах нации.

Что же происходит с нашей политикой и экономикой, если русская национальная валюта оказывается такой ненадёжной? Что так сильно влияет на состояние рубля? Приведём мнение по этому поводу международного дельца Сороса, имеющего, как известно, свои интересы в России: *«Российская экономика страдает от бездарного управления. Предприятия переправляют прибыль в офшор на Кипр, не платя своим рабочим зарплату, не платя за потребление*

газа и электричества, не платя налоги. Прежде всего, вам нужно навести порядок в собственном доме». А некий влиятельный отечественный эксперт, вращающийся во властных коридорах, г-н Илларионов считает, что *«мы очень маленькая, бедная, неразвитая страна, и сегодня Россия в лучшем случае - четверть от того, чем был СССР».*

Ясно, г-дам либералам хочется внушить русскому сознанию, что Россия сопоставима с такими понятиями, как Люксембург, Бельгия или Верхняя Вольта, но в отличие от настоящего Люксембурга - еще и "бедным и неразвитым", а в отличие от Верхней Вольты – «с ракетами». А внушив и убедив в этом русских варваров, реализовать давнюю и вполне параноидальную мечту врагов России, суть которой в том, чтобы раздробилась она на множество рахитичных государственных образований и чтобы сделали это сами русские.

Разнообразным противникам России реализация подобной идее никогда не удавалась, как они ни старались. Ни во время великой Смуты начала **XVII** века, ни в период Северной войны начала **XVIII** столетия, ни после неудачной для Российской империи Восточной войны **XIX** века, первой настоящей мировой войны Европы против России, ни во время Великой русской революции начала **XX** века, ни при нашествии на Советскую Россию Европы, объединённой германским Третьим рейхом. Всегда и русская нация, и национальная элита России были готовы к тому, чтобы встретить во всеоружии вызов истории вместо того, чтобы безропотно подчиняться ей.

И теперь, вопреки стараниям либералов-космополитов, вроде «яблочников» или «Союза правых сил» и этношовинистов-сепаратистов, подобных Шаймиевым, Рахимовым и Аушевым, по превращению её из страны в «пространство», Россия несмотря ни на что обладает необходимыми материальными и интеллектуальными ресурсами, чтобы стать супердержавой, чтобы предстоящее столетие

оказалось русским веком всемирной истории. Впрочем, не строим ли мы очередные воздушные замки? Не тешим ли себя несбыточными иллюзиями? Отнюдь.

Россия фантастически богата даже в её современных псевдогосударственных пределах. Согласно данным отделения экономики РАН, общая стоимость совокупного национального богатства только одной РФ (недра, леса, промышленность, инфраструктура и т.д.), оцениваемого в долларах США, равна 320-400 трлн. Только 15-20 процентов этого богатства вовлечено в процесс производства, стало *реальным* богатством нации. Значит, действующая экономика, участвующая в производстве, эквивалентна 48-80 трлн. долларов или, в расчёта на одного жителя РФ, – от 320 до 530 тыс.

А сколько производится с помощью этого хозяйственного потенциала? Если верить статистике, ежегодно создаётся валового национального продукта (ВНП) в размере 446 млрд. долларов или, опять же в расчёте на одного жителя, – примерно 3 тыс. в год. (Для сравнения: объём ВНП США равен 7580 млрд., Японии - 4607, Германии - 2354 млрд. долларов. И это при том, что США обеспечены богатством на душу населения в 2 раза меньше, чем в РФ, Германия - в 6 раз, Япония - в 22 раза).

Следовательно, финансово-экономический кризис в РФ имеет принципиально иные причины, нежели те, о которых трубят либеральные политики и журналисты. Дело не в недостатке ресурсов или отсутствии эффективного *собственника*. Неэффективно само *управление* национальным богатством. О каком эффекте может идти речь, если этот показатель не превышает 0,6 %. Приватизированные производства, доставшиеся *фиктивным* собственникам, ещё менее *эффективны*, чем национализированные. Большинство предприятий бездействует. Значит, национальным хозяйством как объектом расширенного воспроизводства вообще никто не управляет. Более того, хозяйственная бюрократия сокра-

тила чуть ли не вчетверо объёмы производства, одновременно разрушив его технологически.

Ничуть не лучше и государственная бюрократия, бездарными действиями добившаяся политического распада государства, на месте которого теперь влачат жалкое существование несколько десятков политических режимов, живущих заёмными подачками МВФ.

Предъявляя суровый счёт бюрократии, нельзя вместе с тем оставить без внимания и поведение русского народа, который демонстрировал на протяжении последних десяти лет фантастическое безразличие к судьбе своего отечества. Кто или что разрушили государство Российское и русскую национальную экономику? *Массовое равнодушие*, с каким было воспринят заговор против единого и неделимого государства. *Корыстный азарт* десятков миллионов в афёрах с ваучерами, финансовыми пирамидами и другими спекуляциями, которые вместо ожидавшегося личного обогащения принесли разорение.

Соучаствуя в приватизации, каждый житель страны навсегда отказался от доли в общенациональной собственности стоимостью не менее 3 миллионов рублей, а тем самым и от права на потенциальное, ещё не вовлечённое в экономический оборот богатство, которое в расчёте на каждого оценивается не менее чем в 12 миллионов. Большая часть населения Российской Федерации превратилась благодаря этой афёре в пролетариев и люмпенов, отчуждённых от реальной политики и от реального богатства. Как тут не привести слова того же Сороса: «Неужели русские так глупы?». Как ни вспомнить горькое пушкинское – «мы ленивы и нелюбопытны». Удивительно не то, что произошел кризис системы, а что она не обрушилась гораздо раньше.

И что же в сухом остатке? Ни для кого не секрет, что режим в агонии. Финансы, жившие спекуляциями, обанкротились. Экономические механизмы прекращают свое существование. Оборонный комплекс не в состоянии обеспечи-

вать национальные интересы страны. Государственный аппарат заражен хроническим антипатриотизмом, этнической и региональной клановостью и насквозь коррумпирован. Россия стоит перед угрозой продовольственного шантажа. «Индекс человеческого развития» РФ в 1998 году по продолжительности жизни, душевым доходам и уровню образования ставит её на 72 место в списке из 174 государств - в одном ряду с Оманом (71 место) и Эквадором (73 место). Бывшая ещё совсем недавно сверхдержава отброшена на задворки человечества.

И в тот момент, когда *необходимы сплочение нации, мобилизация общества к борьбе за существование*, «верхи» демонстрируют предельную неспособность к активным действиям по спасению страны, патологическую алчность, готовность к любой форме предательства национальных интересов. Официальные власти и оппозиция то и дело вступают между собой в постыдный сговор, жертвой которого становятся русская нации и государство Российское.

Нам плохо, потому что мы разобщены

Прожитое нашей страной десятилетие принято называть перестройкой, реформами, трудной дорогой к демократии, обретением свободы, катастрофой, системным кризисом. Какие только термины и дефиниции не применяются, кроме понятия, пожалуй, лучше всего описывающего происходящее в России, и потому чуть ли не запрещенного, табуированного - *революция*. А ведь речь идёт не о государственном перевороте, военном мятеже или дворцовом заговоре. Революция, в какую бы эпоху она не происходила, как утверждал забытый ныне публицист, *повивальная бабка истории.*

Когда экономические порядки превращаются в препятствие для дальнейшего развития, она устраняет их с исторической сцены и устанавливает на их место другие, более эффективные. Если господствующий социальный слой ста-

новится тормозом в экономике и политике, она безжалостно отодвигает его из ложи и партера на галерку, предоставляя руководящие высоты новому правящему слою. Она предаёт забвению одни моральные истины и этические правила и предписывает исповедывать другие нормы. Словом, революция не реконструирует общественное здание, а возводит новое на расчищенной для этого строительной площадке.

Альтернативой любой революции (ещё раз уточним - не путча, не заговора и не мятежа) является не эволюция или реформы, а лишь духовно-нравственная, социально-экономическая и общественно-политическая катастрофа.

Словом, или общество осуществляет всеобщий переворот, спасающий нацию ценой её собственных титанических усилий, называемых революцией, или, бездействуя, она обрекает себя на прозябание и распад. Сейчас, когда завершается лишь первая фаза революции, связанная с радикальным отрицанием, если угодно - погребением предшествующих форм общественной жизни, можно лишь констатировать, насколько происходящие в стране изменения глубоки, серьезны и последовательны. Отметим самые важные моменты текущего периода русской истории.

Первое. Взорваны отношения обобществлённой собственности, управление которой являлось привилегией государственных институтов власти. Идёт процесс утверждения иных, частнособственнических экономических отношений, при которых функция управления становится прерогативой финансистов. Отсюда первая задача, которая стоит перед русской нацией, - *не отрицать новые финансово-экономические институты, а реально овладеть собственностью и финансами, вокруг которых и развиваются основные события.*

Второе. Предыдущее так называемое «советское» общество, находившееся под контролем партийной номенклатуры, упразднено. Новая социально-экономическая общественная структура обретает чётко выраженную природу,

классовую, внутренне противоречивую и конфликтную, но вместе с тем способную динамично развиваться. Ключевое направление здесь – *обеспечить русское доминирование в социально-экономических отношениях, где решающее значение принадлежит интеллекту* - главной производительной силе XXI века.

Третье. В общественном сознании изжита доктрина марксизма, претендовавшая на роль единственного морального и научного авторитета для русских. Убогий обскурантизм коммунистической идеологии сменяется не заимствованными западно-либеральными прописями, как может показаться, а русской национальной идеей. На место официального атеизма, являвшегося составной частью марксизма, становится традиционное для России мировоззрение, опирающееся на религиозные основы коренных народов страны, где безусловной доминантой выступает *православие.* Отсюда ещё одна задача русских - *обрести веру, а значит и уверенность в завтрашнем дне, превратиться из объекта истории в её активный, деятельный, суверенный и самодержавный субъект.*

И наконец, очень важное обстоятельство. Новая русская революция разрушает архаичные этнические перегородки, разделявшие изначально единую страну на множество псевдогосударственных, опереточных образований. Государство множества народов, насильственно лишенное национального признака, на семь десятилетий утратившее даже своё настоящее название, превращается постепенно в единое и неделимое государство русской нации, что, разумеется, не может не вызывать антигосударственных мятежей со стороны этнических верхушек, самым ярким из которых стала дудаевщина или «чеченский мятеж». Стало быть, *русским необходимо взять власть в стране, которая принадлежит им по праву и по справедливости, то есть им необходимо привести характер власти в соответствие с национальной природой страны.*

Судьба русских зависит только от одного - увидят ли они современные события в истинном свете, поймут, что происходит не чуждый им политический переворот, что это их революция, их шанс, захотят ли и смогут ли они овладеть её властными, экономическими, финансовыми, духовными рычагами, или, как это уже, к сожалению, неоднократно бывало, уйдут в раскол, оппозицию, дессидентство, в отрицание мерного и необратимого хода русской истории, уступая принадлежащее им - чужакам, иностранцам и иноверцам. Если поймут – станут господами положения, не поймут - проиграют и будут перемолоты в её жерновах.

И ещё одно замечание. Происходящее на одной шестой земного шара не результат чьих-то интриг, так называемой подрывной деятельности спецслужб, предательства отдельных государственных деятелей. Всё это плод домыслов и фантазий. В таких странах, как Россия, революция может произойти лишь в силу внутренних закономерностей, объективных противоречий, которые возникают в самом русском обществе и обусловлены особенностями его самобытного развития. Поэтому *русским надо как можно скорее понять объективный характер истории, тот факт, что человеческое развитие, не исключая и русского национального и государственного развития, подчиняется естественным законам в той же мере, как развитие природы - законам физики, химии или биологии*.

Национальные или государственные катастрофы случаются тогда, когда общество, вместо того чтобы следовать естественным и общественным законам, начинает их игнорировать.

Теперь уже не так важно, вследствие какого стечения обстоятельств русское общество в середине 80-х годов не захотело или не смогло жить по-старому. Старого строя, старых порядков, прежних систем ценностей больше нет и никогда не будет. Значит, *русским людям надо захотеть жить по-новому, им необходимо обратить новые условия*

существования в свою пользу, они должны не оказаться в дураках у судьбы, им предстоит решительно и твёрдо взять её в свои собственные руки. И для этого русским, как воздух, необходимы национальное единения, братское отношение друг к другу независимо от каких-либо социальных, имущественных или иных отличий, наконец, возрождение традиционного русского дружелюбия, сочувствия, сострадания.

Россия, потенциально самая богатая естественными ресурсами страна мира, нуждается в воссоединении, заселении и освоении. *Чтобы это дело было обеспечено, среди русских должен восторжествовать принцип - быть всем вместе и заодно, - и тогда никто и ничто не устоит перед ними.*

Демократия выращивается из охлократии

Зревшие в «советском обществе» кризисные процессы в конце 80-х, по крайней мере формально, ликвидировали прежний политический режим партийной олигархии, власти партийного аппарата, сменив его «властью немногих». Но при этом институты государства, государственная машина оказались разрушены. На их развалинах выросло множество уродцев, тщетно пытающихся изобразить из себя государства. Конечно, ими управляют не кухарки. Но в основном, увы, - до властных рычагов добрались мошенники, казнокрады и изменники. Если же ни первые, ни вторые и ни третьи, то - наверняка - равнодушные циники. Не верится? Есть сомнения? Но разве такое утверждение не подтверждается стремительными административными взлетами молодых, бездушных карьеристов из «вольноотпущенников» и незабвенных «ташкентцев», описанных Салтыковым-Щедриным, вроде гг. Чубайса, Немцова, Коха, Кириенко или Задорнова?

Сильнейшее испытание приходится переживать общественному сознанию. Распавшись на множество противоположных, враждующих, несопряженных фрагментов - оно

существует как предрассудок, замкнувшийся в этнический, имущественный, профессиональный, идеологический кокон, наполовину варварский, наполовину криминальный. Каковы внутренние причины протекающего процесса? Неужто всё дело в неприемлемости для России демократической формы правления, власти граждан? Попробуем разобраться.

Вряд ли есть необходимость цитировать Аристотеля или Полибия, создавших более двух тысяч лет назад теорию государственной власти, но всё-таки необходимо подчеркнуть, что власть в государстве может принадлежать *либо одному, либо немногими, либо меньшинству*.

При анализе власти греческие классики подчеркивали, что каждая его форма может быть по природе либо «правильной» - тогда она развивает и защищает общественный организм, либо «неправильной», - и тогда она губит его. Власть одного может быть монархической (правильной) или тиранической (неправильной). Власть немногих может быть аристократической (правильной) или олигархической (неправильной). Правильная власть меньшинства (активных граждан, демоса) есть *демократия*, неправильная (толпы, черни, простонародья) – *охлократия*.

Если власть в России действует на управляемое общество разрушительно, то закономерно следует и вывод по отношению к её природе. Она – «неправильная». Когда в 1985-1989 гг. начался объективный период смены всех общественных институтов, неправильная власть *немногих* была заменена неправильной властью *меньшинства.*

Но всё дело в том, кого представляло властное меньшинство, чьи интересы оно объективно выражало - демоса или толпы, граждан или черни. Поскольку все фундаментальные основы страны после падения партноменклатуры оказалась в фазе саморазрушения, надо признать - состояние населения страны таково, что оно представляет собой пока что толпу, чернь, подобие Панургова стада. Поэтому, после того, как формализм голосований сменился *реальностью*

выборов, государственные должности оказались, строго говоря, в руках не народных трибунов и авторитетных общественных деятелей, и власть перешла отнюдь не к лучшим. Ею, повторимся, завладели демагоги, казнокрады и предатели.

Что произошло с народонаселением России? Так ли оно безумно, как его поступки? Ясно одно. Перед нами не порок, не злодейство, не безумие, а скорее свойства, присущие если и не детству, то юности нации. Когда запретный плод, в виде всеобщих выборов, оказался доступен всем, избиратели, истосковавшиеся по политической борьбе, увлеклись ею, словно дети новой незнакомой игрой. Иначе говоря, подобно тринадцатилетнему ребенку, русские при первом сердечном трепете были готовы увлечься всем без разбору.

Но избирательное право не является изначальным естественным правом всех жителей. Оно представляет собой итог длительного движения от периода, когда власть принадлежала одному, к периоду, когда власть принадлежит всем – то есть от частного к единичному и от единичного к общему. Чтобы со знанием дела принимать участие в выборе лучших на государственные должности, надо иметь в наличии не только этих лучших, но также исторический опыт и сознание ответственности тех, кто вправе выбирать.

Для безвредного применения всеобщего, равного, прямого избирательного права русским не хватает и глубокого исторического и политического опыта, и полноценных институтов гражданского общества - партий, профсоюзов, территориальных общин, мощного и экономически устойчивого среднего класса. Нетрудно, к примеру, обнаружить наличие разброда и шатания в среде русских промышленников и предпринимателей, мировоззрение которых опирается не на национальную философию и глубокий жизненный опыт, а на клановый, своекорыстный, по преимуществу сиюминутный интерес.

Таким образом, Россия пока ещё не в состоянии без отрицательных для себя последствий использовать приемы и методы власти меньшинства. И вовсе не потому, что русские органически несовместимы с демократией. Чтобы природа власти меньшинства могла приобрести свойства демократии, народ страны должен превратиться в активных граждан, стать демосом. А это не делается ни за год, ни за десять лет. Англичанам, прочно вставшим на этот путь в Европе раньше других, потребовалось не менее пяти веков, французам, немцам, испанцам - лет триста.

Весь период так называемой «советской власти» являлся, в сущности, отрицанием системы органов власти, избираемой самими гражданами. На протяжении нескольких десятилетий он препятствовал накоплению избирательного опыта, по крайней мере, шести поколениям наших соотечественников. Не мудрено, что возможность превратиться с сегодня на завтра из обывателей в полноценных избирателей оказалась для них ловушкой. Повторим еще раз: очутившись её пленником, нация не могла не совершать одну ошибку за другой, избирая то ложный путь развития, то политиков, негодных к государственной деятельности.

Как можно покончить с «неправильной» властью? Установить ту или иную форму «правильной» власти. Вместе с тем должно быть ясно, что как для монархии, так и для родовой аристократии в России имеется еще меньше предпосылок, чем для демократии. А раз так, то не остается иного пути, кроме как последовательно превращать охлократию в разумную форму национальной демократии, которая в русских условиях есть соборность. Но сделать это сразу вряд ли невозможно. Потому что в самом обществе отсутствует критическая масса активных граждан, способных на единство действий, осознающих при этом и истинные её интересы, ценности и цели, и серьёзную опасность, нависшую над отечеством.

С одной стороны, речь может идти о деспотическом вмешательстве откровенной силы в дела государственных институтов. Режим охлократии не может пасть сам собой, для этого нужны организованные усилия. В России единственными надежными союзниками могут быть, как и во времена Александра III, лишь её армия и военно-морской флот. Но меры, которые могут предпринять вооруженные силы страны для её спасения, совершенно недостаточны. Как известно, применяя штыки, можно навести порядок, но долго сидеть на них невозможно.

Беда России в «неправильных» формах власти, которые доминируют в государстве слишком часто. В текущем столетии причина подобного явления коренится в несоответствии границ активного избирательного права, предоставленного всем без разбору, и институтом гражданством, свойства которого присущи немногим. Для того чтобы избавить страну от таких разрушительных форм, сохраняя при этом избирательные методы, принципиально важно придать статус гражданина России, в пределах, подлежащих её юрисдикции, лишь тем гражданам СССР и их потомкам, которые родились на этой территории и принадлежат к коренным народам данной территории. Только эта категория граждан должна приобрести право голоса. что позволит быстро оздоровит политическую жизнь в стране. Очевидно, что от участия в принятии государственных решений должны быть отстранены деклассированные, денационализированные, деморализованные элементы. В обществе необходимо создавать положительные стимулы для того, чтобы его члены стремились к приобретению статуса полноценных избирателей, имеющих формальное право реально участвовать в государственной власти.

Парадокс состоит в том, что для утверждения в России подлинного народовластия необходим на первых порах его развития период *цензовой демократии*. Последняя, предоставив власть в стране лучшим, будет шаг за шагом рас-

ширять свою социально-экономическую базу, преобразуясь в демократию принципиально иного, широкого типа, обоснованно признающей полноценными избирателями большинство взрослых граждан страны, то есть в строй русской соборности.

Жилищные отношения

Теперь от общих политических проблем мы перейдём к частным социально-экономическим. В тот момент, когда началась так называемая перестройка, весь жилищный фонд в городах и частично в деревне был обобществлён. Он считался общественной собственностью, так как был национализирован ещё в 1918 году. Все мы были (за небольшим исключением, относящимся к населению малых городов и сельской местности) не собственниками, а пользователями жилья, жильцами. Строительство, ремонт, обслуживание жилых домов являлось функцией государственной власти. Не гражданин оплачивали жилье: за него и вместо него этим занималось государство. Единственная проблема, которая занозой сидела в массовом сознании, заключалась в дефиците и качестве жилья. Десятилетиями семьи, жившие по преимуществу в коммуналках, стояли в очередях на получение квартир, не имея объективной возможности построить себе жилой дом за собственные средства. Исключения были крайне редки.

Поскольку почти все жители страны были на государственной службе и получали зарплату из государственного фонда, в ней не предусматривались затраты на строительство и содержание жилья. Эта часть заработанных самодеятельной (способной к труду) частью населения средств сразу аккумулировалась в так называемых общественных фондах потребления (ОФП), за счёт которых всё и строилось. Проблема состояла в том, что фонды создавались всеми, но жилье доставалось (предоставлялось) некоторым. И в этом была откровенная несправедливость, которая не расса-

сывалась с годами, а накапливалась. Как говорил один из героев Булгакова о русских: все они были хорошие люди, но их испортил квартирный вопрос.

Если припомнить, первым лозунгом «реформаторов», сделавшим их весьма популярными, была приватизация государственного жилья. Бесплатное превращение бесправного, но реального жильца в гипотетического собственника заворожило. Казалось, что жилищный кризис будет решен по мановению волшебной палочки, буквально клочка бумаги, на котором достаточно было написать формальное заявление.

Толкая массу малообеспеченных, живущих десятилетиями на одну нищенскую зарплату семей на приватизацию квартир, власти замалчивали, по крайней мере, три обстоятельства. *Во-первых*, вместе с правом собственности на квартиры эти семьи обременялись всеми обязательствами по содержанию жилищного фонда. Текущий, капитальный ремонты и средства на полное восстановление отныне становились обязанностью новых собственников. Они должны были оплачивать эти расходы из собственных средств. *Во-вторых,* та часть средств, которая на протяжении многих десятилетий, минуя зарплату, оказывалась в ОФП и тратилась на строительство и содержание жилищного фонда, должна была стать частью зарплаты. Но и это не всё. Семьям, которые решались на приватизацию квартир, должны были сразу перечислить ту часть амортизационных фондов, которые уже были накоплены для капитального ремонта и полного восстановления хотя бы данного жилого дома. Но этого не было сделано. И, *в-третьих*, смельчакам надо было разъяснить, что после приватизации в собственность переходило не реальное, так сказать осязаемое имущество, не стены, полы, потолки, а пустое пространство, по сути – одно только право на проживание в данной квартире за собственный счёт, и ничего другого. Кроме того, собственники становились ещё и налогоплательщиками, так как их пустое

пространство приравнивалось к недвижимости, имуществу, облагаемому налогами.

Мало кто понимал, что быть собственником квартиры могут себе позволить лишь очень богатые люди, большинство же в состоянии их только нанимать. И самое главное - *власть, проведя приватизацию жилья, отказалась от обязанности решать жилищную проблему тех, кому нечего было приватизировать*, превращая преодоление жилищного дефицита отныне в частное дело тех, кто оказался в положении неудачников.

Ничего этого, разумеется, не разъяснялось, не говорилось и не делалось. Да никому и в голову не приходило, что под видом приватизации жилья совершается грандиозное мошенничество, о котором даже сейчас многие не подозревают. Но прозрение обязательно наступит, когда жилье, неотвратимо состарившись, потребует на свое содержание огромные средства, когда стоящие в очереди на получение жилья поймут, что она давным-давно превратилась в злую сказку про белого бычка.

Отношения собственности

Второй замечательной ловушкой «реформаторов» стала приватизация (то есть передача в частные руки) предприятий, которые, независимо от размера и отраслевой принадлежности, до того являлись общенациональным достоянием, о чём говорилось выше. Поскольку все они вместе составляли нечто вроде АОЗТ «Советский Союз», границы которого были не только государственными, но и производственными, то все трудоспособные жители страны одновременно являлись производственным персоналом, и только поэтому в Советской России (СССР) не могло быть безработицы. Трудно представить толпы безработных, без цели разгуливающих по заводским дворам, если все цеха работают в три смены. А государство в целом и было единым заводом, своеобразными цехами которого являлись все предприятия

страны. Теперь этого АОЗТ уже нет и, видимо, никогда не будет.

Трудно понять, в силу каких причин взрослые «акционеры» самого могущественного в мире предприятия дружно согласились с политиками, которые организовали его ликвидацию. Ведь граждане должны были утратить не только его золотые акции, дававшие им возможность пользоваться всеми благами, которые это предприятие могло создать. *Чтобы ничтожное меньшинство, не более 2-5 процентов населения, могли стать частными собственниками приватизированных мелких и средних производств, остальные должны были стать пролетариями, нищими в буквальном смысле слова, владельцами фиктивного товара, именуемого «рабочей силой».*

Тем не менее, сделка состоялась. Самое крупное в мире АОЗТ, которое нельзя было ни разорить, ни перекупить, ни остановить, ликвидировали дважды. Сначала его разрушили в организационно-правовом отношении, упразднив как государство. Затем оно исчезло производственно-технологически, распавшись на сотни тысяч мелких и мельчайших частных производственных единиц, большей частью, разумеется, совершенно недееспособных. Для этого экономика сначала была разгосударствлена, распределена между «союзом», «союзными республиками», областями и краями, районами и городами, фактически же – между бюрократией различного уровня, а затем приватизирована, то есть отдана в частную собственность «нужным людям».

Конечно, и здесь можно без особого труда найти злой умысел тех государственных и общественных деятелей, которые словом и делом вершили самую грандиозную бесплатную лотерею в истории человечества. Но ведь напёрсточников можно обнаружить на каждом углу, однако мало кто оказывается их жертвой. Здесь же достаточно было поманить пальцем, чтобы двести миллионов взрослых людей

превратилось в наивное, истеричное сборище алчных игроков, именуемых на воровском жаргоне «лохами».

Где скрывается тайна этой загадочной социальной метаморфозы? Какая сила заставила массы людей, экономически надёжно защищенных мощным предприятием-государством, принадлежащим им на правах долевой собственности, отказаться от его совладения? Напрашивается один ответ - *беспредельное отчуждение*.

СССР, который и был Россией, оказался чужд собственному населению как предприятие, на котором они работали, как общенародная собственность, совладельцами которой они являлись, как государство, чьими гражданами они числились. Вместо того чтобы менять экономическое, хозяйственное и политическое руководство, переставшее отвечать новым задачам, население, потеряв всякое представление о здравом смысле, решило избавиться от страны (предприятия, акционерного общества, государства), в которой оно и его предки жили веками.

Если брать лишь одну сторону этого явления - отношения собственности, то приватизация не только превратила собственников в наёмных работников. Она большую часть работников лишила работы, сделала безработными, заведомо обречёнными на профессиональную, социальную и нравственную деградацию. Но дело не в приватизации как таковой - в научном смысле никакой приватизации не было. Прикрываясь риторикой о приватизации, совершалась примитивная, обыкновенная кража в форме мошенничества, грандиозной афёры. Вместо реального, конкретного имущества, соответствующего доли в общенародном богатстве, собственник, теперь как частное лицо, приобретал лишь «ценную бумагу», некий приватизационный чек на предъявителя. Пока сотни миллионов игроков без всякого смысла и логики пытались повыгоднее, на их взгляд, распорядится этой «бумагой», имущество перешло в руки удачливых и циничных спекулянтов, аристократов «реформации», забла-

говременно приготовившихся к этой операции. Каждому досталось своё - одним бублик, другим - дырка от бублика.

Трудовые отношения

Если в условиях всеобщего обобществления для абсолютного большинства существовало два источника доходов - заработная плата и средства ОФП (общественные фонды потребления), ибо трудоспособный человек совмещал в себе функцию работника и совладельца, то при господстве частной собственности работник перестаёт быть собственником и лишается доходов на капитал, ренты, и ему остаётся лишь в поте лица добывать заработную плату. Последняя является, как хорошо известно, результатом трудовых отношений, сделки работника с работодателем.

Разумеется и раньше, до «приватизации» национального хозяйства, можно было прочитать в КЗОТе о трудовом договоре. Но тогда это была необязательная формальность, дань конвенциям Международной организации труда, ориентированным на капиталистические производственные отношения. Теперь формальность стала сущностью, фикция обрела плоть и кровь. Труд вновь приобрёл признаки товара, знания, здоровье и опыт превратились в рабочую силу, возник её рынок, где она предлагает себя, чтобы её человекообразный носитель не умер от голода.

Да, читатель, денационализация обобществленного хозяйства, деятельность в принципиально новых, так называемых рыночных условиях, породили не увеличение благ, приходящихся на каждого человека, как пророчили идеологи реформ, а их резкое уменьшение. Точнее говоря - резкую дифференциацию. Поскольку общее количество наличного и производимого богатства не возросло, а уменьшилось в два-три раза, абсолютное меньшинство, ставшее хорошо организованным классом собственников, должно было приобрести всё, оставив ни с чем остальных, не организованных ни в

профессиональном, ни в производственном, ни в политическом отношении.

В этих условиях некогда никому не нужный трудовой договор приобретает особое значение. Дело в том, что его классическая форма, возникшая первоначально в Европе как результат ожесточённой борьбы классов, ставившая неизбежно стороны в неравные отношения, теперь в России должна быть перевёрнута. *Если в прошлом, во времена классического капитализма, преимущества по такому договору принадлежали работодателю, то в современных условиях они должны перейти к наёмному работнику.* Чтобы возник баланс прав и обязанностей, естественное исторически обусловленное экономическое преимущество нанимателя должно быть уравновешено принудительным, юридическим преимуществом работника.

Смысл этого преимущества состоит в том, что любые споры по трудовому договору должны решаться судами общей юрисдикции. Право наказать работника, уволить его по инициативе работодателя, изменить условия труда в сторону их ухудшения должно возникать у работодателя не в силу своего особого статуса или пресловутого трудового договора, а лишь в силу судебного решения.

Предпринимательский фетишизм

Если опыт, которым располагает общественное сознания, не распространяется на будущее, он ищет идеал в прошлом, отыскивая там предмет для подражания и копирования. Сделав решительный откат в системе реально достигнутых производственных отношений и выбрав в качестве идеала систему, именуемую в научной литературе капитализмом, русское общество сочло возможным восстановить и те юридические формы, в которых существовали эти отношения в далёком XIX столетии. На одном полюсе этих отношений возник пролетарий, лишенный всех средств к су-

ществованию, кроме своей способности к труду, на другом - капиталист, прежде всего собственник предприятия.

Предприятием как объектом прав новый Гражданский кодекс именует «имущественный комплекс, используемый для осуществления предпринимательской деятельности». От этой формулировки веет классическим, хотя и изрядно устаревшим римским правом, отношениями, господствовавшими в допотопные времена. Но она вызывающе игнорирует современное положение вещей. Если до предела обнажить возникшую проблему взаимоотношения института собственности и производственных отношений, то её можно выразить ответом на следующий образный вопрос. Кому должна принадлежать выловленная рыба - рыбаку, владельцу удочки или, если это разные лица, им обоим.

Сторонники *предпринимательского* фетишизма, находящиеся в РФ у власти, отдают предпочтение владельцу удочки. В нём они видят альфу и омегу новой жизни, отрицая его обязанность быть ещё и рыбаком, а равно устанавливать с рыбаком достойные производственные отношения.

Их оппоненты слева, словно новоявленные христиане, молятся на рыбака, считая смертным грехом, если он совместит свою любовь к ужению с правом собственности на его средства. Владелец удочки для них – если и не заклятый враг, то, во всяком случае, весьма подозрительный субъект, которого было бы неплохо отправить туда, где Макар телят не гонял. Это *производственный* фетишизм.

Кажутся непродуктивными обе эти точки зрения или концепции. Они одинаково ущербны. Их реализация заканчивается одним и тем же – социально-экономическим тупиком. *Господство в производстве владельца удочки заканчивается социальной революцией рыбаков. Господство рыбака - сокращением рыбного поголовья, рыбных запасов, деградацией рыболовства как такового.* Удочка без рыбака мертва. Рыбак без удочки беспомощен. Отчуждение первого от второго неизбежно порождает непримиримое противоречие,

которое всегда носит разрушительный характер. Где же выход?

Выход в разумном и целесообразном соединении первого со вторым, труда живого с трудом овеществлённым. Существует как минимум два метода такого соединения. Если владелец средств производства и производитель - разные физические лица, предпринимательство является их совместным делом. Они несут солидарную долевую ответственность как в прибылях, так и в убытках. Рыба является собственностью рыбака, но владелец удочки должен получить свою долю прибыли в размере её амортизации и некую заранее оговорённую дельту, соответствующую норме накопления на основной, принятую в той или иной отрасли. Во втором случае право собственности и функция производительного труда должны быть нераздельно слиты в одном лице, независимо от того, будет это лицо частным или корпоративным, и тогда вопроса, кому принадлежит пойманная рыба, не возникает вовсе.

Сыр из бесплатной мышеловки

Лет десять тому назад необыкновенно популярным агитаторам реформ удавалось морочить голову своей доверчивой пастве байкой о том, что «бесплатный сыр бывает только в мышеловке», что в экономике нет ничего бесплатного - ни жилья, ни образования, ни здравоохранения. За всё надо платить. Эта мысль казалась настолько смелой, что господствовавшие тогда экономические отношения оказывались предметом издевательских насмешек. «Всё у нас народное, всё у нас своё», значит - ничьё. Но вспомним, какое решение было принято гг. Поповым и Лужковым на следующий день после их избрания отцами столицы в 1991 году? О бесплатном проезде пенсионеров в городском транспорте.

Общество, ещё совсем недавно потешавшееся над бесплатностью многих благ, разомлело от удовольствия.

Оказалось, дело было не в бесплатности благ, а в том, кто их предоставлял. *Общественное сознание отрицало не бесплатность как таковую, а отождествление этой бесплатности с КПСС. Не бесплатность как таковая потеряла кредит, а партия, монопольно правившая страной в течение 70 лет.*

Теперь, по прошествии восьми лет после крушения прежнего строя, множество благ так и не утратило своей «коммунистической» сути. Их круг даже расширился. Разве не является бесплатным благом неоплачиваемый труд, фактически упразднивший заработную плату? Разве оплата труда, сама по себе, приобрела рыночный характер, а её размеры - свойство обеспечивать справедливое и достойное существование?

Не странно ли, что не требуется оплачивать услуги, предоставляемые телезрителям и радиослушателям телерадиостанциями. Государственные и частные компании ведут вещание, не получая ни абонентской платы, ни иного возмещения от зрителей или слушателей. Общество не видит непоследовательности в своих действиях. С одной стороны, оно отвергло общественных характер жилищных отношений, с другой - принимает спонсорский, иждивенческий характер отношений в области телерадиовещания.

Фактически ниже рыночной цены предоставляются для частных потребителей энергоресурсы - электричество, тепло, топливо, услуги городского, железнодорожного, воздушного видов транспорта, разнообразное коммунальное обслуживание.

Таким образом, бесплатная мышеловка с кусочком сыра в качестве приманки не исчезла. Она существует как ни в чём не бывало. Только природа этого явления изменилась коренным образом. В условиях всеобщего обобществления этот институт привязывал частные интересы к общей судьбе. В обществе, где господствующим является не всеобщий, а частный интерес, число мышеловок многократно

увеличивается. Их создают, чтобы удовлетворить частный интерес финансовых или властных группировок, чтобы создать или сохранить клаку, или, иначе говоря, - клиентелу.

Быть хозяином Русской Земли

Так что же, скажет читатель, Россия отказалась от коммунизма, ставшего карикатурой, но и капитализм оказался ничуть не лучше. Куда ж нам плыть?, - спросим себя словами поэта.

В том-то и дело, что природа социально-экономических и общественно-политических отношений не только объективно обусловлена. В значительной степени она зависит и от нас самих от наших решений и действий. Секрет плодотворного, динамичного национального развития заключается в том, насколько удаётся совместить присущие обществу природно-исторические свойства с целями, ценностями и интересами, которые оно исповедует в каждый исторически определённый период. Пророки и адепты рынка, капитализма, демократии, которые ещё совсем недавно пели им гимны, теперь обрушиваются с критикой на тех, кто им поверил, предъявляя обвинение кому угодно, только не самим себе.

Оказывается, виной всему русские «совершенно извращенные азиатские представления». Не будем спорить: «да, скифы мы, да, азиаты мы». Согласимся и с тем, что многое, если не всё, зависит от того, кому нация, применяя избирательные процедуры, доверяет власть. В государстве, регионе, городе, даже деревне.

Страшны, конечно же, не научные дефиниции - социализм или капитализм. Причина русских неудач тривиальна - жадность, глупость, трусость, равнодушие. Эти общественные пороки столь разрушительны, что их требуется изжить в первую голову. И ещё одно, быть может самое важное. В тот момент, когда в силу целого комплекса обстоятельств пала монархия, девизом и заповедью каждого

русского должны быть слова последнего Государя - каждый из них в отдельности и все они вместе, вместе, потому что бремя ответственности за свою страну теперь принадлежит только им, должны быть хозяевами Земли Русской - *от финских хладных скал до пламенной Колхиды*. В качестве собственников России они должны избирать во власть разного рода управляющих, не важно, как именуются их должности - президент, губернатор, депутат или городской голова, - но всегда одних только самых лучших.

Русские должны возродить в себе, прежде всего, качества собственника, труженика и, само собой разумеется, воина, которые должны уметь, мочь и желать защитить и преумножить достояние нации и государства. И в полном объёме реализовывать все эти качества на практике в общем русском доме, издревле именуемом Государством Российским, не передоверяя эту обязанность никому другому. Казалось бы, так просто…

Евгений Алексеев
Эксперт Фонда «Русский проект»

Этапы и перспективы российского республиканизма

Сегодня, когда российское государство в очередной раз, за последние сто лет, стоит перед выбором по какому вектору развиваться, каким общество и государство должны быть, существует главный и до сих пор не разрешенный вопрос, какая форма правления должна утвердиться: монархия или республика? Большинство активных политических партий и их лидеров отвечают однозначно – только республика. В связи с этим необходимо рассмотреть эволюцию республиканизма в России, какие этапы он прошел, и сколько в России было республик. Расставив все точки над «и», можно предположить некоторые варианты развития данной формы государственной власти.

Прежде чем говорить о каждой из республик в отдельности, необходимо подчеркнуть, что ни одна из существовавших в России республик не была легитимной, в связи с тем, что каждая закрепляла свою власть либо при помощи насилия, или «по умолчанию», т.е. путем уведомления населения о свершившемся факте.

После 3 марта 1917 года Российская Империя оказалась в затяжном политическом кризисе, который усугублялся участием страны в Первой Мировой войне. Отречения Императора Николая II , а затем Вел. Кн. Михаила Александровича в пользу УС, поддержанные всеми членами Дома Романовых, поставили Россию в условия Временного правления. До решения УС о форме правления, Россия де юре оставалась монархией, без монарха, но с имеющей все права на власть Династией. Отречения всех членов Дома Романо-

вых были продиктованы одним мотивом, который отражен в Акте отречения Николая II:

«…дабы не допустить братоубийственной войны в момент, когда Россия ведет изнурительную войну с внешним противником. Даже отказываясь от принадлежавшей ему по праву власти, Николай II проявил свои лучшие человеческие качества, думая не о своей власти и себе самом, но, прежде всего о своих подданных. Но его беда, а не вина была в том, что он был в противоречии сам с собой. В нем всегда боролось два человека – христианина и властителя. К сожалению, для России, гуманистическое начало в Государе, как правило, побеждало, в то время как у его предков доминировало начало властителей и самодержцев».

1 сентября 1917 года, первый министр Временного правительства А. Керенский, незаконно провозгласил Россию республикой, хотя она таковой являлась с 4 марта 1917 года, но юридически закрепить этот факт могло только УС.

Без преувеличения можно сказать, что опыт Первой Республики в России провалился с грандиозным треском. За период с 4 марта по 25 октября 1917 года, т.е. за пять с половиной месяцев, произошло три кризиса Временного правительства, июльское восстание организованное левыми партиями и корниловский мятеж. Завершением деятельности Временного правительства стал закономерный большевистский переворот. Хотя в начале своей деятельности Ленин и его партия еще не монополизировали власть, и еще пытались сосуществовать с эсерами и меньшевиками, надежды на эволюционный исход русской смуты начала XX века, были похоронены 5 января 1918 года, после разгона Учредительного Собрания. Таким образом, легитимный орган, который должен был решить главные вопросы: о земле, мире, собственности и форме правления был упразднен, а вместе с ним закончила свое существование Первая Республика.

Итоги существования Первой Республики были катастрофичны и по сути, и по последствиям. С марта по октябрь 1917 года Россия не смогла одержать не только ни одной победы на фронте, но даже не было надежды на эту победу. Приказ № 1 составленный Советом солдатских и крестьянских депутатов и утвержденный военным министром Гучковым, деморализовал Армию и Флот. Массовые убийства и избиения офицеров в войсках Петроградского гарнизона и на кораблях Балтийского флота стали прямым следствием этого приказа. Введение института военных комиссаров и солдатских советов в действующей армии, создало неприемлемую для Русской армии ситуацию двоевластия и разрушение командной вертикали – все эти явления прямое следствие бездумных и преступных действий российских либералов и радикалов начала XX века. Количество дезертиров росло в геометрической прогрессии. Деморализация офицерского корпуса повлекла за собой упаднические настроения в среде генералитета, и укрепила пораженческие настроения в российском обществе.

Ситуация в экономике так же оставляла желать лучшего. Улучшения по снабжению городов продовольствием не наступило, зато активизировались черные рынки и спекулянты, инфляция к августу – сентябрю 1917 года достигла 50 % в месяц, рубль обесценивался, чему не в последнюю очередь способствовала эмиссионная политика Керенского и выпуск печально знаменитых «керенок». Заводы прекращали работу, т.к. военные заказы перестали поступать и оплачиваться. Разрушалась иерархия власти, старый аппарат власти не функционировал, а новый не был создан. В Москве и Петрограде хозяйничали дезертиры, воры и спекулянты. В деревнях начался самовольный передел земли, погромы и пожары помещичьих усадеб бушевали по центральным губерниям России. Только за июль 1917 года произошло 2000 крестьянских мятежей, с 1 сентября по 20 октября 1917 их произошло более 5000.

На окраинах Империи начали господствовать сепаратистские настроения, особенно заметны они были в Финляндии, на Кавказе и Украине. Позже к зонам сепаратистских настроений стали присоединяться территории Туркестанского края. Все эти факты свидетельствовали о бессилии и неспособности властей Первой Республики справиться со сложившейся ситуацией. Россия скатывалась к хаосу и гражданской войне.

Вторая Советская республика, была еще менее легитимна, чем Первая. Она была незаконна и по отношению к монархии, и по отношению к Временному правительству. С самого начала своего господства большевики декларировали своей целью создать государство рабочих и крестьян, через систему делегирования власти трудящихся масс в пользу Советов, но реально стремились закрепить власть ВКП (б) и ее карательных органов. Укрепить Советскую власть удалось только путем уничтожения всей старой, «имперской» элиты: дворянства, духовенства, буржуазии и части мещанского сословия.

После 1921 года, под воздействием Кронштадтского мятежа, власти II Республики попытались найти выход из политического и экономического кризиса путем внедрения НЭП, которая сняла ряд экономических проблем, и завершила эпоху военного коммунизма. Но монополия на власть и карательные органы остались в руках ВКП (б). Именно господство партии большевиков предрешило участь НЭПа. Идеологические доктрины и концепции победили экономическую целесообразность, но особую ненависть коммунисты испытывали к нэпманам, в них они не без основания видели класс советской буржуазии, который со временем мог создать угрозу господству правящей партийной номенклатуры. Все положительные итоги, полученные в результате НЭПа, были использованы Сталиным для создания ВПК и для строек коммунизма. Но, не смотря на накопленные в период НЭПа материальные ресурсы, для руководства Советской

республики они были не достаточны, и они задействовали средства деревни, путем ее разорения и увеличения количества бесплатной рабочей силой ГУЛАГа.

Посредством гигантских усилий и напряжения сил всей нации, которая создавала богатства Советской республики под бдительным надзором ВКП (б) – НКВД удалось полностью уничтожить и разорить с/х, но не получилось создать материально обеспеченное общество, хотя в первые года советской власти такие задачи и не ставились. В период Советской республики была построена военно-мобилизационная экономика, основанная на бесплатном труде зэков ГУЛАГа, колхозников, трудовой интеллигенции и рабочих. Последних премировали почетными грамотами и благодарностями, в лучшем случае кусками материи или часами.

До сих пор сторонники Советской власти оправдывают это «враждебным окружением» единственного государства рабочих и крестьян, где по их заверениям, было покончено с эксплуатацией человека человеком. С этим аргументом нельзя не согласится, но необходимо отметить то, что была построена машина подавления любой частной инициативы, был только один работодатель – государство, которое управлялось советской номенклатурой и партией большевиков. Последняя была внеконституционной и не законной властной структурой, права на власть которой, было закреплено только в конституции 1977 года. Вместо эксплуатации человека человеком, в Советской республике была создана сверхэксплуатация человека государством.

Вплоть до 1956 года Советская республика была образчиком тоталитарного государства, которое с 1956 года приобрело черты авторитарного государства, с элементами избирательной системы на безальтернативной основе. Кандидата в депутаты ВС СССР и ВС республик выдвигали партийные или профсоюзные организации, а избирателям предлагалось выбрать, за какого кандидата проголосовать при условии, что выбирать можно было только из одной

кандидатуры. Начиная с начала 70-х, общество окончательно утратило желание участвовать в фарсе, который коммунисты называли выборами. Никакие лозунги и призывы не были способны вернуть доверие масс к коррумпированной и бездарной власти Советов и КПСС.

После череды похорон в начале 80-х, Горбачев и его прогрессивное окружение предприняли попытку спасти II Советскую республику, путем реформ внутри системы, но к концу 80-х стало ясно, что система не поддается модернизации. Основным сдерживающим фактором была сама КПСС, которая, начав Перестройку, так и не смогла ее продолжить, понимая, что в этом случае она потеряет власть и контроль над страной и обществом. «Китайский вариант» не удался, партийной верхушке нужна была передышка, чтобы осмыслить перемены в стране и попытаться удержать власть. Но времени для передышки дано не был, партия оказалась в цейтноте, в дополнение к дефициту времени, прибавился раскол в правящих кругах ЦК и Политбюро. После 1-го съезда народных депутатов и принятия Конституции РСФСР, стало очевидно, что господству коммунистов в частности, и Совдепии в целом, наступает конец. Статья №6 в новой конституции РСФСР отсутствовала и таким образом в составе СССР появилась республика, в которой не существовало монополии КПСС на власть.

Руководство СССР и РСФСР, вступили в негласную борьбу за власть. Кроме этого, внутри властной элиты II Советской республики назревали противоречия между Президентом Горбачевым с одной стороны и ЦК и КГБ с другой, которые чувствовали и видели, что власть уходит из рук. Тогда 19 августа 1991 года группа товарищей, из Политбюро ЦК КПСС и примкнувший к ним вице - президент Янаев, попытались одним ударом ликвидировать Горбачева и Ельцина, путем военного давления и репрессий против руководства РСФСР и СССР, что означало агонию II Республики. Только нерешительность и слабая подготовленность поме-

шали осуществить попытку ГКЧП по стабилизации положения и спасению II Республики.

После Беловежских соглашений декабря 1991 года II Советская республика прекратила свое существование, но ее рудименты в виде Верховного и местных Советов остались, и вступили в борьбу с Президентом Ельциным, которая закончилась 3-4 октября 1993 года полной победой Президента РФ.

12 декабря 1993 года была принята новая Конституция, и в России установился режим III Республики. Потоку ликования и словоблудия либеральной общественности, по поводу «очередной победы демократии» не было конца, ангажированная демократическая пресса захлебывалась от восторга:«Очаг реакционной коммунистической агрессии уничтожен»; «Главное препятствие на путях к новой, светлой жизни расчищено»; «Да здравствует Ельцин – Победитель коммунизма в России». Считалось не приличным вспоминать танковые залпы октября 1993 года, которые, как выстрел «Авроры», ознаменовали рождение III Республики. Вообще есть, что - то символическое в том, что зарождения всех трех республик прошли под аккомпанемент орудийных залпов.

Радикальные либералы из окружения Ельцина громогласно заявили, что 12 декабря 1993 года в истории России началась новая эра. С этим нельзя не согласится. Вопрос состоит в другом, что эта эра из себя представляет и , что она несет для России. Новые либеральные ценности были восприняты большинством активного населения с удивительной легкостью, но при этом основные республиканские постулаты были переделаны на русский манер. Свобода. Равенство и Братство – были восприняты населением России, достаточно своеобразно. Свобода – от совести и чести, от обязанностей и законов, Равенство – как всеобщее обнищание одних и непомерное обогащение других, Братство – стремление объединить всех «братков» в одну большую

стаю, или в несколько мелких стаек (партий, союзов, корпораций, групп и т.д.).

Главным достижением реформаторства в России, как неоднократно заявляли сами демократы, является победа над Левиафаном – государством. Либералы – республиканцы объявили важнейшие достижение российской истории - государство, неоспоримым злом, которое должно свести свои функции к деятельности «ночного сторожа», а все основные сферы жизнедеятельности общества будет регулировать рынок и его законы. Т.е. спрос и предложения, хотя не для кого не секрет, что даже в США полиция и армия являются бюджетными организациями.

Борьба с государством вскоре дала свои результаты: разрушение обороноспособности страны, всеохватывающая и везде проникающая коррупция, разрушение властной вертикали, борьба за материальные ресурсы, откровенное разворовывание госсобственности, дестабилизация общества и экономики, невиданные финансовые аферы 1993 - 1995 годов, пирамидостроительство, при попустительстве Минфина, ЦБ и органов Прокуратуры и МВД. Полное разрушение законодательной базы СССР и затягивание с принятием новых государственных законов, породило ситуацию правового «беспредела» и как следствие экономический хаос, в условиях которого создавались колоссальные состояния за несколько дней. Как выясняется со временем, все финансовые аферы проходили при негласном, а иногда гласном, одобрении и попустительстве правительства и администрации президента РФ.

Результатом стало обнищание и лишение большей части населения последних сбережений, а безнаказанность породила вседозволенность. Ваучерные аукционы и льготные кредиты привели к созданию финансово – олигархических групп и политических кланов, которые не стесняясь оказывали давление на власть и ее институты: законодательные, исполнительные, судебные и финансовые. Итогом

деятельности финансовой олигархии стало искусственное банкротство конкурентоспособных остатков государственного сектора экономики, и его покупка за бесценок, финансовыми структурами олигархов. Под частный контроль попали отнюдь не убыточные отрасли: нефть, газ, цветная металлургия, банковский сектор, телекоммуникации и СМИ. Последние обеспечивали политическое влияние олигархов и их поддержку со стороны правительства. Подконтрольные олигархам СМИ проводили нужную Кремлю и Белому дому пропаганду, в обмен на льготное налогообложение и даровые кредиты. Непомерные налоги и создание пирамиды ГКО окончательно добили отечественную промышленность, и только нарождавшееся среднее предпринимательство.

Политика наибольшего благоприятствования в экономике проводилась для узкой группы бизнесменов и их структур, которые имели непосредственный выход на власть и ее представителей. Те фирмы и бизнесмены, которые были лишены «доступа к телу», оказались либо неплатежеспособными, или не конкурентоспособными. Так сформировался режим, когда главными субъектами политики и экономики оказались: узкая группа финансовых олигархов и номенклатурные кланы, интересы которых оплачивались из госказны III Республики. Политический строй III Республики предстал, как яркий образчик олигархического господства, когда интересы всей нации и государства были подменены узко групповыми интересами плутократии.

Во внешней политике проводимой Козыревым Россия достигла невиданных высот позора и поражений, сравнимых только с «похабным» Брестским миром. Уступки «друзьям» с Запада привели к потерям 30% рынка вооружений, которые контролировались СССР и лишили Россию значительных источников валютных поступлений. С приходом Примакова в МИД, ситуация несколько изменилась, но дипломатические усилия не подкрепленные могущественным го-

сударством, со стабильной и развитой экономикой и сильной армией оказались совершенно не эффективными.

Во внутренней политике начали назревать тенденции к межклановой борьбе за передел собственности. Ключевым моментом в этой истории стала борьба за «Связьинвест», из за чего поссорились Анатолий Борисович и Борис Абрамович. Но накануне президентских выборов 1996 года, российский клуб миллиардеров принял ответственное решение: любой ценой оставить Ельцина на второй срок. Для этого были привлечены все возможные материальные ресурсы, все подконтрольные СМИ и общественно – политические структуры. Развернулась масштабная кампания: «Голосуй или проиграешь!», «Выбирай сердцем!» (При чем тут сердце? Не жену же выбирали!)

Некоторые люди из окружения Президента понимали, что дедушка старенький и может все случится, и начали готовить запасной аэродром. Предполагалось отложить выборы или отказаться от выборов главы государства, что явно могло нанести удар как по идеологической конструкции III Республики, так и по некоторым олигархам, которые просто поселились в Кремле и мнили себя новыми Биронами и Меньшиковами. Кроме того, успех группы Коржакова - Барсукова, мог усилить влияние силовых ведомств и ВПК, а также национал - патриотических партий и движений. Победа Коржаковского клана лишило бы влияния как коммунистический, так и либерально - республиканский лагерь на доминирование в политической жизни России. Но дворцовый переворот Коржакова–Барсукова провалился, и после выхода Ельцина во второй тур, их отставка стала неотвратимой. Тем более, что на этом настаивали и Чубайс, который возглавлял предвыборный штаб и Березовский, обеспечивший финансирование президентской кампании Ельцина.

После безрезультатной попытки олигархических кланов поставить под свой контроль правоохранительные органы и силовые ведомства, последовала череда скандалов, ра-

зоблачений и «банных дел». К 1997 году стало очевидным, что режим III Республики - это власть плутократии, сросшаяся с криминальными структурами и коррумпированным чиновничеством.

Ослабление кремлевской администрации и смена Черномырдина поставили Ельцина в безвыходное положение, ему необходимо было избавиться от опеки некоторых олигархов, которые уже в 1998 году заявили, что именно Черномырдин их кандидат на следующих президентских выборах. Подорвать политическое влияние олигархов, вот та задача, которая была поставлена перед Кириенко и его правительством. С этой проблемой он и его команда справились в лучших советских традициях. После финансового взрыва 17 августа 1998 года большинство олигархов лишилось своего былого могущества, но люди доверившие свои сбережения системообразующим банкам, которые входили в те или иные олигархические группы, пострадали несравнимо больше чем гусинские, ходарковские, потанины и березовские. Не выдержав давления со стороны общества и чувствуя, что ситуация становится неуправляемой, 23 августа правительство Кириенко ушло в отставку. III Республика оказалась в тисках очередного экономического и политического кризиса, на три недели страна осталась без правительства, попытки Кремля вернуть Черномырдина во власть окончились провалом.

Новое правительство Примакова, сформированное из представителей левых партий, и поддержанное Думой, стабилизировав политическое положение, так и не смогло справиться с катастрофической ситуацией в экономике. После отставки Юмашева и его команды, казалось, что судьба Бориса Абрамовича предрешена, а после его отлета в Париж и чисток в «Аэрофлоте», многие ждали последнего удара «старого разведчика» по олигарху №1.Но влияние Березовского на семью и определенные международные финансовые круги, лишили правительство Примакова поддержки как

Кремля, так и МВФ. Экономическая программа не была сформулирована, политические дрязги не утихали, и 5 мая 1999 года стало многим очевидно, что Примакова скоро «уйдут». После провала попытки импичмента президенту, Дума утвердила кабинет Степашина, который явно устраивал и Ельцина с семьей, и Думу, которая явно не желала досрочных выборов. Август - месяц опасный, для республиканских режимов и правительств в России, не прошло и 100 дней как Степашина освободили от должности. Это объясняется тем, что «коллективному Распутину» (Березовскому, Абрамовичу и Ко), показалось, что Степашин слишком самостоятелен и желает контролировать финансовые потоки государства, которые были взяты Кремлем под опеку, через своих ставленников Аксененко и Калюжного.

Все вышеназванные факты свидетельствуют не только о кризисе в России в переходный период, но в первую очередь о неустойчивости и недееспособности республиканской формы правления. Даже учитывая 70 лет существования II Советской республики, необходимо подчеркнуть, что это была республика с диктаторской властью компартии и ее вождей. Один, из которых явно мнил себя продолжателем дела Московских Царей, с их неограниченной властью и явно азиатским менталитетом.

Но кризис Советской республики начался не в 1985, а уже в 1953 и углубился в 1956 году, когда XX съезд расколол монолит коммунистической партии на сталинистов и антисталинистов. Все попытки реформировать систему и спасти Советскую власть оканчивались безрезультатно, так как номенклатура была не заинтересована в реформах, а нация полностью отстранена ею от каких - либо рычагов управления государством. К началу перестройки уже внутри партии и ее силовых структур (КГБ и МО), стали формироваться сомнения в верности курса взятого в 1917 году.

Две остальные попытки построения республиканского государства в марте 1917 и в декабре 1993 так же показа-

ли всю несостоятельность данной модели. Ни парламентская Первая, ни президентская Третья Республики не смогли совместить в себе интересы государства и права человека, последние как вериги опутали республиканскую власть и не позволяют действовать целенаправленно и решительно. Стремление нравится, и угодить всем, заставляет российскую республиканскую власть отказаться от радикальных действий балансировать между различными провалами и пропастями политического ландшафта современной России. Ни один из жизненно важных государственных проблем республиканская власть не способна решить по определению, так как является заложницей либеральных ценностей.

Общество требует усиления борьбы с коррупцией, но республиканская власть не способна к этому, так как сама коррумпирована, усиление сепаратизма в регионах требует от власти и президента отменить выборы губернаторов и отказаться от федеративного устройства, но это усилит противостояние центра и регионов. Победа в этой борьбе будет явно не за центром, который находится на содержании некоторых регионов и не имеет поддержки ни в силовых ведомствах, ни в среде предпринимателей. От власти требуется борьба с экстремизмом и криминалитетом, но для этого нет ни средств, ни сил, ни политической воли. Мало того, скудные жалования работников силовых министерств и ведомств, породило коррупцию и этих структурах, что ведет к неэффективности борьбы с организованной преступностью. Неспособность республиканской власти справится с чеченским вопросом, еще сильнее подогревает сепаратистские настроения среди некоторых субъектов РФ.

Вышеназванные обстоятельства подталкивают власть, деловые круги и население России к следующим вариантам развития событий:

1.Отказ от республиканских институтов власти и введение национальной диктатуры, с сохранением рыноч-

ных отношений для среднего и мелкого предпринимательства и построение госкапитализма.

2.Сохранение status quo и продолжение свободного падения России в бездну, распад Федерации и начало войны всех против всех.

3. Трансформация III Республики в IV Республику. То есть отказ от президентской системы и формирование правительства на основе результатов парламентских выборов. Это так же не решит всех проблем, мало того, коалиционные правительства не смогут решить ни одной проблемы, а коррупция охватит ни только исполнительную, но и законодательную власть. Парламентская республика еще больше рассредоточит властные полномочия, и государственная власть в России будет просто парализована. Любой вопрос будет вызывать бурные дебаты ни только в парламенте, но и в правительстве.

После установления IV Республики, страна вновь вступает в глобальный политэкономический кризис и выхода из него два: диктатура или разложение государства и его самоликвидация.

Соединить интересы всех слоев и всех элит возможно только после силового решения многих существующих проблем, что невозможно в рамках республиканской модели, когда даже президент подвержен влиянию «со стороны», либо выступает выразителем интересов узкой группы лиц финансирующих его избирательную кампанию. В условиях современной России, находящейся в затяжном системном кризисе, наиболее эффективной системой для государства может быть только авторитарный режим, с сильной властной вертикалью и опорой на среднее и мелкое предпринимательство, с установлением госконтроля за крупнейшими предприятиями ТЭКа, ВПК и металлургического комплекса и их финансовыми доходами. Необходимо создать новую, патриотическую, отвечающую национальным интересам и традициям доктрину, которая была бы воспринята и полити-

ческими элитами, и большинством населения России. Увеличение госдотаций на медицину, образование, культуру и науку будет способствовать формированию среднего, образованного класса собственников и предпринимателей, воспитанных в новых патриотических традициях и желающих процветания и блага своей родине. Так же необходима реформа ВС и силовых ведомств, в новой доктрине России должны быть заложены задачи: восстановление престижа военной службы и офицерского корпуса, качественное улучшение службы для рядового состава.

Все эти и ряд других задач будут стоять перед первым национальным правительством, оно должно будет отказаться от многих иллюзий навязанных России либералами – республиканцами и возможно сумеет произвести консервативную революцию. Постепенно перейдя к парламентской монархии, которая ознаменовала бы собой завершение процессов консервативных реформ и закрепила те ценности, которые должны установиться в период национальной диктатуры, последняя полностью выполнит ту миссию, которая на нее может быть возложена историей.

Любой другой вариант развития событий приведет к катастрофе, в той или иной форме, опыт трех республик этому самое яркое подтверждение.

Сергей Елишев

Формы и разновидности неевропейских фашистских движений

Фашизм, как явление мировой истории XX века, представляет собой довольно-таки сложный социально-политический феномен, возникновение которого напрямую сопряжено с рядом внутренних особенностей и закономерностей развития западноевропейской «великой» культуры.

Став первой и единственной в истории секулярной «великой» культурой, западноевропейская «великая» культура сменяет вектор иерархии ценностей «великих» культур на прямо противоположный. Поднятый ею на штыки идеал «американского образа жизни», с необыкновенной напористостью продвигаемый и навязываемый ныне во все иные культурные центры человечества, способствует разрушению традиционного образа их жизни. Стремление к стандартизации и унификации фактически всех сфер человеческой жизнедеятельности, характерное для стадии старения («вторичного упрощения» – по К.Н. Леонтьеву) любой «великой» культуры, выходит за рамки внутренней стороны жизни Запада, распространяясь и на иные культурные пространства.

Результатом всех этих процессов явилось рождение на рубеже XIX-XX веков “нового” типа человеческого общества, а именно “массового общества”. Рождение его сопровождалось (получившей условное название “восстание масс”) ломкой традиционной, устоявшейся структуры общества и появлением целого ряда либерально-демократических и тоталитарных “химер”. Реакцией-противодействием этим разрушительным процессам, в свою очередь, и явилось возникновение фашизма как социально-политического феномена XX века.

Фашизм как реакция-противодействие на «восстание масс» представляет собой народное военизированное политическое движение (“союз”, “объединение” различных политических сил) ставящее себе целью воссоздание традиционного (авторитарного) строя посредством широкомасштабных социально-экономических и политических реформ, возрождения утраченных корпоративных связей в обществе.

Этот союз, объединяющий в своих рядах как умеренных националистов (консерваторов), так и крайних представителей националистической идеи, т.е. нацистов, носит, что характерно для фашистских движений, временный характер – до момента победы над химерами. После победы одна из этих сил, как правило, консерваторы берёт верх над другой, проводя в жизнь свои политические программы.

Нацизм, представляя собой идеологию и практику расового неравенства народов, получает своё полное выражение в создании очередной псевдорелигии и химеры правого варианта тоталитаризма. Ни о каком реформировании традиционного (авторитарного) строя и возрождении корпораций, чего хотят и добиваются консерваторы, речи попросту нет. А потому отождествлять и путать эти понятия, как у нас принято делать, отнюдь не следует.

За пределами Европы

Фашизм не есть сугубо европейское явление. Его можно встретить как в исламском мире в виде такого аномального для ислама явления, как «исламский фундаментализм», так и в виде большинства национально-освободительных движений в странах «третьего мира». Приступая к рассмотрению различных форм и разновидностей неевропейских фашистских движений, прежде всего следует отметить, что вследствие взаимного влияния «великих» культур друг на друга и непрекращающейся духовной агрессии Запада в иных культурных пространствах процессы массооб-

разования становятся постоянным фактором общественной жизни не только стран Западной Европы, но и всего мира.

Специфическим моментом здесь, правда, является то, что нарушение, уничтожение традиционных корпоративных связей в обществе происходило под целенаправленным воздействием внешних сил (читай – Запада) или созданных с целью планомерного уничтожения традиционных устоев жизнедеятельности данного общества «химероидных» образований (например, различных коммунистических режимов). К тому же в отличие от европейских фашистских движений неевропейские движения в тех странах, где они одерживали победу, довольно успешно справлялись и справляются с поставленными перед ними целями и задачами. В самой Европе фашизм так и не смог подавить «восстание масс». Процесс «вторичного упрощения» (по К.Н. Леонтьеву), в который вступила западноевропейская культура, был уже в принципе необратим.

Первой страной за пределами ареала распространения западноевропейской культуры, в которой успешно развивался процесс «восстания масс», стала Российская империя. Противодействием ему и прообразом фашистских движений в мире, на взгляд И.А. Ильина, являлось «Белое движение», хотя одержать победу оно так и не смогло. Вслед за Россией пришёл черёд целого ряда государств в различных культурных регионах мира.

В то же время яркой особенностью развития целого ряда неевропейских фашистских движений следует признать умелое использование и направление в нужное русло лидерами этих движений процесса «восстания», бунта масс в этих странах. Имеется в виду изменения направления энергии масс в сторону защиты, а не разрушения традиционных устоев жизнедеятельности общества, избавления его от иностранной (колониальной) зависимости и влияния. Особенно хорошо это видно на примере исламской революции в Иране

1979 года, а также ряда национально-освободительных движений в странах Азии и Африки.

Отдельно, на наш взгляд, следует отметить и рассмотреть то явление, которое в настоящее время принято обозначать термином «исламский фундаментализм». Обычно его употребляют применительно к деятельности исламских террористических организаций, а также в отношении стран, в которых исламские фашистские движения успешно добивались поставленных перед собою целей (например, Афганистан или Иран).

«Фундаментализм», - пишет Л.С. Васильев (История Востока, в 2-х томах, т. 2, М., 1993, с. 363), - «это не просто возвращение к истокам, к чистоте подлинного древнего ислама, когда был жив великий пророк и не было деления правоверных на шиитов и суннитов, хотя и это очень важно для его сторонников. Фундаментализм – это, прежде всего, требование единства мусульман в качестве ответа на вызов современности. Тем самым выдвигается претензия на создание мощного консервативного политического потенциала. Фундаментализм в его крайних формах ведёт речь, таким образом, об объединении всех правоверных в их решительной борьбе с изменившимся миром за возврат к нормам очищенного от поздних наслоений и искажений настоящего ислама, и в этом он чем-то напоминает распространённые в прошлом идеи панисламизма.»

Исламский фундаментализм представляет собой такое же аномальное явление истории XX века, как и фашизм, хотя отождествлять их на этом основании отнюдь не стоит. Фундаментализм напрямую взаимосвязан с фашизмом, но по сути дела он является ничем иным, как вариантом нацизма в мире ислама. Особенно хорошо это видно на примере пришедшего в настоящее время к власти в Афганистане исламского фундаменталистского движения «Талибан».

Афганский вариант

Феномен «талибов» возник вне Афганистана – в Пакистане. Начиная с 1984 года, в различных центрах мусульманского образования при активной финансовой и организационной помощи спецслужб Пакистана и США начинается подготовка и формирование элиты «Движения Талибан» из числа молодых пуштунов-пакистанцев и молодёжи из лагерей афганских беженцев. Воспитание их производилось в специальных лагерях, и, как правило, связь ребёнка с семьёй на этом обрывалась. К моменту вывода советских войск из Афганистана это уже были идеологически подкованные в своей ненависти к «шоурави» («советским») и прошедшие отменную военную подготовку «воины ислама», перед которыми стояла одна цель – превратить Афганистан в «истинно», как им объясняли их наставники, исламское государство.

После низвержения режима Наджибуллы оппозиционным (по своей сути фашистским) движением моджахедов при всесторонней помощи США и Пакистана «Талибан» начинает укреплять свои позиции, превращаясь в доминирующую военно-политическую силу страны. Приход движения к власти ознаменовал собой создание в Афганистане новой социальной реальности. Реальности, в которой этническая принадлежность человека, традиционно значимая для этого общества, уступает своё место религиозной (исламу суннитского толка). Для афганского общества это отнюдь не обычная ситуация. Показательным моментом здесь является то, что противниками «талибов» оказались именно лидеры различных национальных движений Афганистана, такие как Р. Дустум и Ахмад Шах Масуд.

Аномальность феномена «талибов» состоит в том, что они, очутившись на данный момент в роли государствообразующей «нации», нацией ни в коем разе не являются. «Талибан» – на языке дари означает «студент», но «Движение Талибан» давно уже перестало быть как студенческим,

так и молодёжным. И уж точно никогда не было национальным. Следовательно это есть ни что иное, как очередная искусственно создаваемая, в данном случае извне, «химера». Однозначно массовый характер этого движения, а также нетрадиционность для афганского общества исповедуемой «талибами» идеологии отвергает последние сомнения в его чисто нацистских корнях.

Тот факт, что большинство фундаменталистских движений и группировок в мире существуют за счёт активной поддержки и финансовых вливаний США, лишний раз подтверждает выдвинутый нами тезис. Косвенным подтверждением ему является и специфика используемых ими форм и методов насилия. «Фундаменталисты», как правило, не брезгуют никакими средствами для достижения поставленных перед собой целей, часто символично нарушая и попирая ногами привычный для данного общества уровень допустимой жестокости. Исламские фашисты (или «исламисты», как их очень часто называют) стараются не нарушать его. Красочной иллюстрацией этому факту является различное отношение афганских моджахедов и «талибов» («фундаменталистов») к своему поверженному врагу – Наджибулле: если моджахеды, придя к власти, не только пощадили его, но даже предлагали ему войти в формируемое ими коалиционное правительство, то «талибы» казнили его при первой представившейся возможности.

Иранский вариант

Если же говорить о ситуации в Иране, то Иран, конечно же, не является и никогда не был фундаменталистким государством, хотя его и пытаются изобразить таковым в целях дискредитации неугодного США режима Хомейни. Любой человек, познакомившись с «иранским материалом», не может не заметить необъективности в подходе к изучаемому явлению и очевидной надуманности выдвигаемых обвинений.

До 1979 года Иран являлся типичным азиатским государством прозападной ориентации. Положение его на международной арене было схоже с позициями большинства аравийских монархий. Внутри страны под руководством «западников»-министров из окружения шаха проводилась политика реформирования, «модернизации» различных сфер человеческой жизнедеятельности, в том числе и идеологической (религиозной).

Насильственная ломка традиционного образа жизни и уклада не могли не вызвать недовольства у населения страны. Уничтожения традиционной корпоративной системы знаменовало собой начало процесса массообразования в иранском обществе. Ответом на эти шаги правительства явилась резкая активизация оппозиционных движений, обретающих всё большую и большую поддержку в массах.

Реформы 60-х – начала 70-х годов нарушили традиционные принципы и основы взаимоотношения мечети и государства. В шиитском государстве, в отличие от суннитских, духовенство традиционно было в оппозиции к власти, которая не была для неё сакрально санкционируемой. Если в суннитских странах глава государства считался не только политическим, но и духовным лидером и религиозным авторитетом для всего общества, то в шиитских странах духовно-религиозным вождём считался «скрытый имам», тогда как шах был исключительно временным, до возвращения имама, руководителем страны. Выступающие как бы от лица «скрытого имама» лидеры шиитского духовенства, во главе которых с 1961 года стал аятолла (обладатель высшего религиозного знания – «отражение Аллаха») Хомейни, не одобряли проводимые шахом преобразования, видя в них реальную угрозу традиционным ценностям и исламскому образу жизни.

В своих проповедях и посланиях Хомейни в резкой форме выступает против уравнения женщин в правах с мужчинами (что предполагал проводимый реформаторами закон

о выборах); предоставления женщинам избирательных прав и использования их на армейской службе и в полиции; экспроприации без согласия духовенства вакуфных земель, принадлежащих религиозным и благотворительным учреждениям, и продажи их государственным чиновникам; против чрезмерного влияния американцев, «вестернизации» страны и демонстрации аморальных фильмов.

Оппозиционные выступления шиитского духовенства получили широкий отклик в народе, особенно среди тех, кто был задет проводимыми правительством преобразованиями, ломкой веками складывавшегося привычного образа жизни и уклада.

Неудивительно в связи с этим и то, что к концу 70-х годов в стране сложилась предреволюционная ситуация. Репрессии властей только подливали масло в огонь. «Восстание масс» уже ничто не могло остановить.

Победа вооружённого восстания положила конец единству в рядах оппозиции. Хомейни, умело воспользовавшись плодами победы, оказывается у руля власти и начинает постепенно подавлять «восстание масс». Так, он берёт под контроль и превращает в опору режима организации, созданные в ходе революции: легальными становятся позиции территориальных исламских комитетов, революционные суды стали исламскими революционными трибуналами. Вооружённой опорой режима стал Корпус стражей исламской революции, под контроль взяты сохранившееся органы полиции, а также армия. Низовую опору режима составили «исламские комитеты» (орган самоуправления на предприятиях и учреждениях, во главе которого стоит мулла) и территориальные комитеты при мечетях. Тем самым Хомейни воссоздавал уничтоженную реформами шаха систему корпораций. Умело использован был и революционный подъём масс. Их всё сметающая энергия была направлена и использована не внутри страны, а за её пределами в 8-летней войне с Ираком. Под шумок же были разгромлены комму-

нистические и иные «левые» организации, прежде всего федаины и моджахедины. Иран полностью освободился от финансовой кабалы Запада, обретя независимость и сохранив свою самобытность.

Индонезийский и иные варианты

Несколько иная ситуация была в Индонезии. Там после деколонизации и обретения государственной независимости началась острая борьба между «правыми» и «левыми» силами, до этого единым фронтом сражавшимися с колонизаторами. В этих условиях президент страны Сукарно осуществлял лавирование между ними, провозгласив в 1957 году курс «направляемой демократии», предусматривающей усиление исполнительной власти президента, создания правительства национального единства из представителей всех крупных партий, включая коммунистов. Конечной целью курса являлось построение «индонезийского социализма».

Внешнеполитическая позиция Сукарно, обозначившийся курс на превращение Индонезии в «революционный образец» и «маяк» для стран «третьего» мира, получила полную поддержку со стороны руководства КНР. Начинается сближение внешней политики Джакарты и Пекина одновременно с ростом влияния коммунистов в стране. В подобных условиях слух о подготовке неким «советом генералов» государственного переворота, распространившийся в 1965 г., стал толчком к открытому столкновению.

Стремясь предупредить свержение Сукарно, группа левацки настроенных офицеров арестовывает, а затем и расстреливает ряд высших военачальников по обвинению в заговоре с целью свержения законного президента. Было объявлено о роспуске правительства и переходе власти в стране к «Революционному совету». В ответ армейские части во главе с командующим стратегическим резервом генералом Сухарто за один день разгромили мятежников. Деятельность КПИ на территории Индонезии была запрещена, многие её

члены были убиты или арестованы. Активную помощь Сухарто оказали различные организации «правых», в особенности организации мусульманской молодёжи. 11 марта 1966 года президент Сукарно был вынужден передать всю полноту власти Сухарто, а впоследствии уступил ему и своё место. Попытка «восстания масс» в 60-х была подавлена на корню. Генерал Сухарто по праву может быть назван лидером фашистского движения в Индонезии. В 80-х годах им же были подавлены попытки фундаменталистского переворота. В 90-х годах сделать подобное Сухарто уже не смог, хотя острый экономический и политический кризис в который была ввергнута Индонезия, произошёл не по его вине, а в силу внешнего воздействия со стороны Запада.

Отдельно следует сказать о военном перевороте под руководством генерала Пиночета в Чили, осуществлённом 11 сентября 1973 года. В нашей политологической литературе до сих пор можно встретить закрепившееся с коммунистических времён утверждение, что это был «военно-фашистский переворот». В то же время, ознакомившись с материалами и документами того времени, становится очевидно, что Пиночет опирался исключительно на военную силу и мощь западных стран. Никакого фашистского движения в Чили на тот период не было. Поэтому от употребления данного идеологического штампа следует отказаться.

По многим признакам и показателям фашистским движением являлось движение Гоминьдан во главе с его лидером Чан-Кай-ши, которому длительное время удавалось сдерживать процесс «восстания масс», несмотря на активную помощь СССР его противникам –коммунистам. Известно высказывание Чан-Кай-ши, сделанное им в 1932 году: «Фашизм – это то, что Китаю сейчас нужно больше всего». Но осуществить свою мечту Чан-Кай-ши так и не смог.

Безусловно фашистским движением является индийское национально-освободительное движение во главе с Махатмой Ганди. В борьбе с английскими колонизаторами

Ганди сумел объединить в единый фронт фактически все общественно-политические силы страны и добился обретения ею независимости. Но подробно рассматривать это, а также другие варианты и разновидности неевропейского фашизма в форме национально-освободительных движений в иных странах мы не будем. Об этом написано довольно большое количество соответствующей литературы, достать которую не составляет особого труда.

Куда интереснее, на наш взгляд, рассмотреть ситуацию в современной России, в связи с активно создаваемым нашими СМИ мифом о так называемом «русском фашизме».

Миф о «русском фашизме»

Обращаясь к рассмотрению общественно-политической ситуации и анализу реалий, сложившихся в нашей стране, можно с полной уверенностью констатировать, что на данный момент в нынешней России нет никакого фашистского движения.

Те же, кто называют себя «фашистами», как правило, являются представителями крайне малочисленных нацистских группировок, вряд ли способных существенно влиять на сложившуюся политическую ситуацию в России. Те же, кого называют «фашистами», т.е., как правило, националистов-консерваторов, сторонников «русской идеи», называть так неправомерно, т.к. классический вариант консерватизма, который они исповедуют, в принципе не приемлет нацистских построений, противоречащих основ догматам русского национализма. А потому союз между ними вряд ли возможен, хотя возможность возникновения фашистского движения у нас в стране всё же имеется.

Единственное, что на данный момент сближает представителей «русской идеи» с классическими вариантами фашистских движений, - это одна и та же цель деятельности: борьба с все разрушающими химероидными явлениями. Но это отнюдь не основание отождествлять их.

Абсурдным для нашей политической действительности является и употребление, пусть даже в словесном обиходе, самого словосочетания «русский фашизм». Фашизм для подавляющего большинства русских людей тождественен и напрямую ассоциируется с гитлеризмом и теми многочисленными бедами и трагедиями, которые он принёс на нашу землю. Поэтому никакого «русского фашизма» как значимого общественного явления в природе не существует. В нацизме (гитлеризме) в принципе не может быть ничего русского, хотя организации подобного типа в России существуют. К ним относятся: Русское Национальное Единство (РНЕ), возглавляемое А. Баркашовым, Русский Национальный Союз (РНС), возглавляемый К. Касимовским, Партия Русских Националистов (ПРН) А. Фёдорова, а также ряд других маргинальных группировок и организаций.

Подозрительно повышенное внимание СМИ к деятельности этих политических организаций, а также бережное отношение к ним наших властей (в особенности к РНЕ). Очень похоже на то, что вся искусственно создаваемая шумиха вокруг них направлена на отвлечение внимания общества от проявлений действительного нацизма или чего-то худшего. Миф о «русском фашизме» нужен нашим нынешним правителям для отвлечения внимания общества от ряда насущных проблем, а также как хороший предлог для борьбы с оппозицией и инакомыслием. Иными словами, «русским фашистом» назовут любого русского человека, который всерьёз замахнётся на власть предержащих или же просто предъявит им свои вполне законные требования.

Отдельно хотелось бы отметить и ряд факторов, характеризующих деятельность этих организаций. Во-первых, несмотря на своё уже многолетнее существование, ни одна из них, за исключением РНЕ в 1993 году, не отметилась сколь-нибудь заметным и значимым участием в политической жизни нашей страны. Во-вторых, для большинства из них характерен определённый крен, отклонения в сторону

неоязычества, что в принципе нехарактерно для нашего общества. В-третьих, само существование подобного рода организаций, в первую очередь, может быть выгодно нашим нынешним правителям как «образец» проявления того самого мифического «русского фашизма». В-четвёртых, вся их деятельность, как показывает опыт, легко подвергается контролю со стороны спецслужб, которые умело используют эти структуры, выполняя, как и СМИ, социальный заказ, полученный ими от наших олигархов.

Косвенным подтверждением этому факту является откровенное попустительство и подчёркнутое игнорирование нашими властями самого существования, а также активной деятельности инородческих нацистских, шовинистических и сионистских организаций на территории РФ.

На фоне откровенного попустительства бесчинствам «дудаевских» боевиков в Чечне, участия вооружённой сионистской организации «Бейтар» в октябрьских событиях 1993 года и откровенно русофобской позиции различных политических лидеров РФ меркнут и кажутся незначительными эпатирующие публику бутафорные свастики на рукавах «соратников» РНЕ. А потому кричать о мифической угрозе «русского фашизма» выгодно прежде всего этим, а также иным врагам русского народа. Идеологи, заправляющие этой кампанией, рискуют, посеяв ветер, пожать бурю, которая сметёт их вместе с милой их сердцу концепцией приобщения России к «цивилизованному миру». Впрочем, они того заслужили!

Итак, фашизм как движение противодействия «восстанию масс» и образованию либерально-демократических и тоталитарных химер, представляет собой столь же сложное явление, как и сами химеры. Перед лицом всепроникающей пропаганды «американского образа жизни» - стандартизированного идеала западноевропейской культуры – всегда воз-

можно и неизбежно сплочение и консолидация сил фашистского толка.

Разнообразие неевропейских форм сопротивления насаждению этого идеала в иных культурных пространствах говорит о большом потенциале фашизма как явления общественной жизни нашего времени. Наличие в фашистских движениях положительной составляющей, имеющей возможность довести процесс общественного развития до «выздоровления» от инфекции «прогрессизма» больного западного общества, позволяет надеяться на успешный результат в борьбе с этой болезнью. В то же время нельзя забывать и про то, что эта вполне закономерная защитная реакция имеет также и ряд недостатков, одним из которых является возможность создания собственной химеры в виде нацистского («фундаменталистского») государства. А потому забывать об опасности фашизма и недооценивать её нельзя.